

И. П. Рослый

ВЫСТОЯТЬ И ПОБЕДИТЬ

**ЗА ЧЕСТЬ
И СЛАВУ
★ РОДИНЫ**

И. П. РОСЛЫЙ,
генерал-лейтенант, Герой Советского Союза

ЗА ЧЕСТЬ И СЛАВУ РОДИНЫ

И. П. Рослый

ВЫСТОЯТЬ И ПОБЕДИТЬ

**МОСКВА — ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ СССР
1977**

9[C]27
Р 32

Рослый И. П.

Р 32 Выстоять и победить. М., ДОСААФ, 1977.

256 с. с ил.

Документальная повесть бывшего командира 9-го Краснознаменного стрелкового корпуса, генерал-лейтенанта в отставке, Героя Советского Союза И. П. Рослого, командовавшего на Параде Победы сводным полком 1-го Белорусского фронта.

Автор принимал активное участие в боях под Моздоком, в форсировании Днепра, в Висло-Одерской и Берлинской операциях. В книге рассказывается о мужестве, смелости и отваге советских воинов, наголову разгромивших коварного врага — немецко-фашистских захватчиков.

Книга рассчитана на широкий круг читателей и прежде всего на молодежь.

Р 11204-009 36-77
072(02)-77

9[C]27

Часть первая
НИ ШАГУ НАЗАД!

Глава первая

ПОД МОЗДОКОМ

ПРИНИМАЮ КОРПУС

В последний день августа 1942 года в доме на восточной окраине станицы Вознесенской, где располагался штаб 11-го гвардейского стрелкового корпуса, нас было четверо: командующий Северной группой войск Закавказского фронта генерал-лейтенант Иван Иванович Масленников, командующий 9-й армией генерал-майор Константин Аполлонович Коротеев, комиссар корпуса полковой комиссар Павел Леонтьевич Базилевский и я — только что назначенный командиром корпуса.

Формироваться корпус начал 3 августа 1942 года в городе Орджоникидзе. В его состав вошли 8, 9 и 10-я гвардейские стрелковые бригады, 62-я отдельная морская стрелковая бригада, 513-й и 52-й минометные дивизионы, 98-й гвардейский артиллерийский полк, 68-й гвардейский тяжелый артиллерийский полк, 47-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион и 54-й пулеметный батальон. Но сложившаяся обстановка не позволила закончить формирование. Противник уже форсировал Северский Донец и продвигался к Сталинграду, овладел Ростовом, перешагнул через Дон и широким фронтом наступал на Кавказ. Поредевшие и измученные, наши части днем и ночью подвергались ударам его авиации и танковых клиньев. Вот почему уже 8 августа 1942 года корпус получил приказ выйти в район Моздока и приступить к подготовке обороны. Здесь части корпуса

заканчивали формирование и постепенно «врастали» в боевую обстановку, с каждым днем накалявшуюся все больше.

25 августа танковые части противника овладели Моздоком, армия Клейста вышла к Тереку на участке от Ищерской до Прохладного. Сюда, в район Моздока, немецкое командование стягивало части 40-го танкового и 52-го армейского корпусов. Оба корпуса входили в состав 1-й танковой армии противника. Поддержанная авиацией, эта армия готовилась нанести удар из Моздока на станицу Вознесенскую, затем — вдоль Алхан-Чуртской долины — на Грозный и Баку. Частью своих сил враг готовился наступать на Орджоникидзе и далее — через Крестовый перевал — на Тбилиси.

Клейсту противостояли войска Северной группы Закавказского фронта. В центре группы — на участке Аду-Юрт — Арик — занимала оборону 9-я армия, в составе которой на участке Бено-Юрт — Сухотский оборонялся 11-й гвардейский стрелковый корпус. Его соседом справа была 389-я, а слева — 151-я стрелковые дивизии. Боевой порядок корпуса был построен в два эшелона: в первом — вдоль южного берега Терека — занимали оборону 10, 8 и 9-я гвардейские стрелковые бригады, а во втором — на рубеже Чумпалово, Красная Горка, Чеченская Балка (ныне Предгорное) — 62-я отдельная морская стрелковая бригада.

Перед нами на столе лежала карта. На ней четко были обозначены боевые порядки наших частей и группировка войск противника. О сосредоточении войск противника, его намерениях имелись и другие сведения. Анализируя эти данные, мы отлично понимали: да, враг пока сильнее нас, у него значительное преимущество в танках и авиации. Но мы понимали и главную свою задачу: выстоять! Поэтому, докладывая о вступлении в командование корпусом, я просил генерала Масленникова усилить корпус противотанковыми средствами. В том числе хотя бы од-

ним танковым батальоном. Но Иван Иванович Масленников просьбу мою отклонил.

— Воевать надо не числом, а умением! — сказал он мне несколько раздраженно и уехал.

Вскоре ушел и генерал Коротеев. И на мои плечи всей тяжестью легла ответственность за судьбу корпуса, за все его успехи и поражения, за жизнь каждого бойца и командира.

Надо было посоветоваться со своими ближайшими помощниками о том, что следовало еще сделать для укрепления обороны корпуса. Кроме оставшегося со мной комиссара Базилевского, в горнице собрались начальник штаба корпуса полковник Михаил Варлаамович Глonti, начальник артиллерии подполковник Наум Борисович Лившиц, корпусной инженер майор Семен Гаврилович Кушнир, начальник оперативного отдела капитан Тимофей Николаевич Дроздов и некоторые другие офицеры штаба.

Обстановка была ясна. Нашим врагом номер один были 3-я и 13-я танковые дивизии противника. Они сосредоточились в районе Моздока и могли двинуть против нас двести — двести пятьдесят машин. Против такой силы надо выстоять! Но в нашем корпусе не было ни одного танка. Вся надежда возлагалась на артиллерию и минные поля, которые будут созданы подвижными отрядами.

Майор Кушнир напомнил о том, что не следует забывать о противотанковых гранатах и бутылках с горючей смесью.

— Противотанковая граната, — сказал Семен Гаврилович, — брошенная с пятнадцати метров, подорвет танк. Только бы под гусеницу попала или под днище. Ну, а если пропустить танк над окопом и бросить на жалюзи бутылку, двигатель вспыхнет, и танк сгорит. В третьем стрелковом батальоне так делали во время боев в Моздоке.

Комиссар батальона старший политрук Фельдман собственноручно сжег таким образом один танк.

Павел Леонтьевич, комиссар, задумчиво потер подбородок, помолчал.

— Подпустить на пятнадцать...— заговорил он охрипшим голосом.— Или пропустить над окопом. Это какое же мужество надо иметь...

— Такое мужество нам нужно как воздух! — горячо вступил в разговор полковник Глonti.— Оно нам нужно, чтобы выполнить приказ Верховного Главнокомандующего: «Ни шагу назад!». А это сегодня главное, в этом сегодня смысл всей нашей жизни. И надо не только выстоять, не только удержать свои позиции. Надо при этом нанести врагу чувствительный удар. Тем временем и подкрепление подойдет. И погоним тогда фашистов с нашей земли...

Когда совещание закончилось, все разошлись по своим местам. Собрав офицеров политотдела, вскоре отбыл в войска и комиссар корпуса. Я был глубоко убежден в прекрасных деловых качествах этого чуткого и умного человека. Одно дело — орудия, мины, снаряды... и совершенно другое — душа солдата. А Базилевскому предстояло привести «в боевую готовность» именно это, самое грозное, оружие. Но была у комиссара и такая опора, как коммунисты и комсомольцы. Они сами встанут в первых рядах истребителей танков и сумеют повести за собой остальных воинов.

Распростившись с товарищами, в третьем часу ночи я буквально свалился в постель. Однако, несмотря на страшную усталость, заснуть не мог: тревожило наше бессилие перед авиацией противника. Корпус был начисто лишен зенитно-артиллерийского прикрытия — противовоздушная оборона могла носить только пассивный характер... К исходу четвертого часа, отбросив безнадежные попытки хоть на короткое время уснуть, стал натягивать сапоги. Решил поехать в боевые порядки 8-й гвар-

дейской стрелковой бригады, занимавшей оборону на главном направлении по южному берегу Терека против Моздока.

«МЕССЕР»

Широкая грейдерная дорога стлалась под колеса машины. Порывистый ветер поднимал в воздух белесые клубы пыли. Со стороны Терека изредка доносились разрывы снарядов.

— Что-то больно тихо сегодня, товарищ генерал, — негромко заметил водитель, покосившись на гребень Терского хребта.

— В каком смысле тихо?

— «Мессеров» не видно. Они тут все время крутились, гады желтомордые... Ох, накликал!

Действительно, откуда-то из-за Сунженского хребта, со стороны наших тылов, появился и понесся над дорогой «мессершмитт». Поначалу мы предположили было, что он просто возвращается из разведывательного полета. Но водитель был, видимо, иного мнения. Глаза его сузились, он весь напрягся, вцепившись пальцами в баранку:

— Гоняться будет, гад!..

И точно. Резко сбросив высоту, «мессер» пошел на нас. Огненные трассы хлестнули из крыльев стервятника по одинокой машине. Но водитель каким-то неуловимым движением бросил ее в сторону. Он был мастером своего дела, этот немолодой шофер, и не раз встречался с фашистскими истребителями, вылетавшими на «вольную охоту». Так или иначе, а из шести атак «мессера» ни одна не увенчалась успехом. Трассы проходили то сзади, то справа, то слева от нашей машины, мчавшейся по полю зигзагами. Наконец, расстреляв боезапас, фашист улетел. И мы продолжали путь. Только на лицах появился

густой слой пыли. Наш вид встревожил командира бригады Павла Ивановича Красовского.

— Что случилось, товарищ генерал?

— Да вот «мессер» гонял нас по полю. К тебе в бригаду пускать не хотел,— пошутил я.— А как дела у тебя обстоят? Докладывай обстановку...

ГВАРДЕЙЦЫ ТРЕТЬЕГО БАТАЛЬОНА

Подполковник Красовский толково ознакомил меня с боевыми порядками бригады, рассказал о третьем батальоне, который оборонял Моздок как предмостное укрепление в течение трех суток. Выяснилось следующее.

22 августа противник атаковал позиции батальона небольшой группой танков. Эта атака была сравнительно легко отбита. На другой день танков стало больше, но и новую атаку батальон отбил. А 24 августа противник двинул при поддержке артиллерийского и минометного огня уже шестьдесят танков и мотопехоту. Но гвардейцы третьего батальона проявили в бою необыкновенное упорство, мужество и героизм.

В город прорвалась группа танков. Две головные машины подбили бронебойщики. Один танк сжег комиссар батальона старший политрук Григорий Яковлевич Фельдман, бросив на него из-за забора бутылку с горючей смесью.

В то же время с другой стороны на окраину города ворвалось шестнадцать вражеских танков. Старший лейтенант Куличенко подкрался под прикрытием дома к головной машине и швырнул бутылку на ее моторную часть. Танк загорелся.

Красноармеец Рыковский поджег один танк, а второй подорвал противотанковой гранатой. Остальные маши-

ны противника вынуждены были маневрировать и напоролась на первую батарею нашего противотанкового дивизиона. В это время появились три немецких мотоцикла. Рыковский открыл по ним огонь из автомата и уничтожил два расчета, с третьего мотоцикла в Рыковского полетела граната. Боец успел перехватить ее и бросил обратно. Взрыв уничтожил и третий мотоцикл.

В том бою отличилась батарея 45-миллиметровых орудий из противотанкового дивизиона бригады. Командир дивизиона капитан Аршинников и комиссар старший политрук Дерябин в своем приказе от 26 августа 1942 года написали:

«За самоотверженность в борьбе с немецким фашизмом, проявленную при этом отвагу и мужество личному составу первой батареи объявляю благодарность.

Особо отличившихся в борьбе с немецкими оккупантами следующих товарищей представить к правительственной награде:

1. Политрука В. Я. Жицкого.
2. Старшего сержанта М. Ф. Михальченко.
3. Сержанта П. С. Александрова.
4. Ефрейтора В. И. Сарова.
5. Красноармейца С. Ф. Атрепьева.
6. Красноармейца К. С. Иванова...»

И было за что. Расчет командира орудия Александрова и наводчика Атрепьева подбил три вражеских танка. Еще три танка подбило орудие командира Михальченко и наводчика Сарова. Подносчик снарядов Иванов сжег танк, бросив в него бутылку с горючей смесью. Семь фашистских танков уничтожила батарея. Хорошо дрались гвардейцы! Шестнадцать танков, много солдат и офицеров потерял противник в Моздоке.

В ночь на 25 августа по приказу командования батальон переправился через Терек, занял позиции в районе станицы Терской и готовился к новой встрече с врагом. Настроение у людей было хорошее, боевое. Жаль

только, что в том бою смертью храбрых пал комбат Коваленко...

Специальный корреспондент «Красной звезды» майор Милованов находился в третьем батальоне, когда шел бой за Моздок. Одним из последних — вместе с комиссаром батальона Фельдманом — майор уходил из города и написал статью «Стойкая оборона гвардейцев» — («Красная звезда», 9 сентября 1942 г.), в которой описал героизм третьего батальона.

Выслушав комбрига, я сказал:

— Хорошо дрались ваши гвардейцы. Спасибо им! Если и остальные батальоны будут драться так же умело, так же мужественно, как третий, то за Терек мы фашистов не пустим. Нужно только шире использовать этот опыт. А теперь — пора в окопы, на берег Терека!

Мы отправились в первый батальон, которым командовал старший лейтенант Александров. Он занимал участок обороны там, где, по нашему мнению, противник намеревался форсировать Терек.

ЧУТЬЕ СОЛДАТСКОЕ

Западнее хутора Предмостного, почти у берега, на северной опушке густой рощи окопался один из взводов второй стрелковой роты. Командир взвода младший лейтенант Полозов, знавший каждую тропу, каждое дерево на своем участке, был замечательным проводником. Последовав его совету, мы очень скоро нашли место, оказавшееся отличным наблюдательным пунктом. Отсюда хорошо просматривался не только противоположный берег Терека, но даже Моздок и станица Луковская. Улицы и дворы, сады и огороды были забиты фашистскими танками, бронетранспортерами, автомашинами. Вдоль

всего северного берега противник интенсивно вел саперные работы. Между Луковской и Моздоком было замечено постоянное движение. Чувствовалось: гитлеровцы готовятся к наступлению, хотя и стараются скрыть это. Именно на этом участке Клейст решил форсировать Терек.

Замысел врага понимали не только мы с Красовским. Со стороны ближайшего ракитового куста доносились обрывки приглушенного разговора:

— Шастают, гады, туда-сюда. Носом чую, товарищ сержант, тут они переправляться надумали.

— Завидую тебе, Михайлюков, — откликнулся невидимый сержант, — мне бы такой прибор.

— Какой прибор?

— Ну, известно! Нос твой. Раз ты носом чуешь, где фашист переправиться надумал. Одна беда — времени твой нос не указывает. А то ведь любо-дорого — потянул носом и докладывай: «Фашист в районе рощи в 17.00 собирается форсировать Терек».

Захотелось взглянуть на этих наблюдательных, неунывающих ребят. И вскоре Полозов представил мне командира пулеметного расчета сержанта Варигина и рядового Михайлюкова.

— Значит, уверены, что немец здесь будет форсировать Терек? — спросил я.

— Так точно, товарищ генерал! По всему видно, — ответил Варигин за себя и за Михайлюкова.

— А как же окопы? Ведь укрепляются фашисты, вроде бы обороняться собираются...

— Так это же для отвода глаз, товарищ генерал, — убежденно заявил сержант.

— Ну, что ж, значит, хороший нос у рядового Михайлюкова, — рассмеялся Красовский. — Верно чует!

— И чутье хорошее, и позиция для станкового пулемета отличная, — согласился я.

Умело выбрал позицию и наводчик противотанкового ружья сержант Кузнецов. Он отрыл себе укрытие неподалеку от пулеметчиков. Чувствовалось, что люди трезво оценивают обстановку, не рассчитывают на легкую победу, но в то же время уверены в себе и отлично знают свое дело.

В приподнятом настроении возвратились мы в Предмостный. Командир третьей роты старший лейтенант Карасев детально ознакомил нас с ее боевыми порядками. В беседах с бойцами и командирами мы провели здесь несколько часов. И каждое услышанное слово, каждый шаг все больше укрепляли нашу уверенность в нестигаемости гвардейцев.

ПАРТСОБРАНИЕ

Неизгладимое впечатление оставило у нас в тот день партийное собрание в роте ПТР. В ее расположение меня пригласил политрук роты Аршак Шамирович Амбарцумян.

Недавно гитлеровцы подвергли Предмостный сильному артиллерийскому обстрелу. Дымились развалины домов. Бурое облако пыли висело над позициями, но надежно оборудованные траншеи и укрытия свели на нет усилия вражеской артиллерии. Тем не менее методичский обстрел хутора продолжался — каждые десять — пятнадцать минут то здесь, то там рвались снаряды. К нам подошел парторг роты ПТР сержант Данцев и, просив у меня разрешения обратиться к политруку, доложил, что коммунисты роты собрались для проведения партийного собрания.

За домом с толстыми каменными стенами — шесть коммунистов роты, шесть бывалых воинов. Они пришли,

чтобы принять в свои ряды рядового Прошина. Парторг Данцев встал и торжественно зачитал скупые строки заявления:

«В грозные дни, когда решается судьба нашего славного Юга, когда над Родиной нависла серьезная опасность, я хочу идти в бой коммунистом...»

Вопросов Прошину не задавали. Коммунисты роты хорошо знали этого решительного, строгого к себе бойца. Парторг окинул взглядом коммунистов.

— Может, биографию? — спросил было кто-то вполголоса.

— Какая у него биография? — хмуро сказал Данцев. — Родился, учился, потом ушел на фронт. Остальную его биографию мы лучше его самого знаем. Разве вот об обязанностях члена партии спросить его? Так опять же одна у нас сейчас обязанность — фашистов бить! Выполнить приказ Верховного Главнокомандующего № 227. Вот скажи, Прошин, что в приказе сказано?

— В приказе сказано, что «отступать дальше — значит загубить себя и вместе с тем нашу Родину... Ни шагу назад без приказа высшего командования», — четко процитировал Прошин.

— Какие будут предложения? — спросил Данцев.

Предложение поступило одно: принять рядового Прошина кандидатом в члены партии. И принято оно было единогласно.

По своим расчетам разошлись уже не шесть, а семь коммунистов роты ПТР...

Покидая расположение роты и направляясь в тылы первого батальона, мы с Красовским долго молчали, находясь под впечатлением только что прошедшего партийного собрания. Мы сознавали, что тысячи и тысячи воинов в эти грозные дни навсегда связывают свою жизнь с партией, в единстве с ней черпают они силы для борьбы с ненавистным врагом. Это было залогом нашей будущей победы.

Из задумчивости нас вывели два сердитых голоса.

— Не по-хозяйски це — выкидать обед! — доказывал густой бас с украинским акцентом. — Що ему зробится, если он три часа простоит? Га? Товарищ военфельдшер?

— Вы, Алексеенко, со своей бережливостью личный состав отравить можете, — возражал мелодичный девичий голосок. — Категорически запрещается хранить готовую пищу больше часа.

Красовский рассмеялся:

— Теоретический спор пищеблока с медициной. Сержант Алексеенко — человек бережливый, а Галя Майская — суровый медицинский контроль.

В этот момент порыв ветра донес до нас такой аппетитный запах, что мы с Павлом Ивановичем тотчас встали на сторону бережливого сержанта. Девятичасовая «прогулка» по переднему краю весьма способствовала возникновению симпатии к повару. В особенности, если это такой мастер своего дела, каким оказался сержант Алексеенко. Его обед превзошел все наши ожидания.

Возвращаясь в штаб корпуса, я невольно перебирал в памяти разговоры с людьми. Снова и снова вспоминал зоркого красноармейца Михайлюкова, погибшего командира третьего батальона капитана Коваленко и его мужественного друга старшего политрука Фельдмана. Почти физически ощущал я прилив новых сил, словно концентрировал в себе гигантскую энергию огромной массы людей, охваченных единым стремлением выстоять и победить! И меня уже не так тревожило то, что именно у Предмостного гитлеровцы нанесут свой первый удар. В направлении их удара я теперь нисколько не сомневался. А в штабе корпуса меня ждал сюрприз.

— Вас тут, товарищ генерал, гость дожидается, — сообщил полковник Глonti.

— Откуда?
— С того берега.
— Не понимаю. Что за гость?
— Обер-лейтенант! — выпалил, хитро прищурившись, начштаба.

— Перебежчик, что ли?

— Да нет. Разведчики девятой бригады «языка» взяли. На западной окраине Луковской. И притом среди бела дня! Между прочим, они там нескольких немецких офицеров уложили. В том числе командира 668-го полка 370-й пехотной дивизии майора Кнута.

Да, это был действительно сюрприз!

Вызванный на допрос «язык», вопреки моим ожиданиям, рассказал все, что знал о готовящемся форсировании Терека. Сведения командира саперного батальона полностью совпали с моими собственными выводами: 370-я пехотная дивизия генерал-майора Клеппа готовилась форсировать Терек на участке Моздок — Кизляр.

Глава вторая

ВРАГ НЕ ПРОШЕЛ!

★

НОЧЬ НАД ТЕРЕКОМ

Терек плескался в невидимых тальниках. Изредка вырывалась из ночной мглы огненная трасса, да треск короткой очереди катился от берега до берега. Порой завоет летящая мина. И снова — лишь плеск воды.

Рядовой Михайлюков, взводный наблюдатель, не удивлялся. Он понимал, что противник то и дело тревожит ночную тишину, чтобы продемонстрировать свою бдительность. И все же в этом привычном фейерверке сегодня чего-то не хватало. Михайлюков заметил: сегодня противник не применяет сигнально-осветительных ракет. Боец напряженно вслушивался в звуки сентябрьской ночи над Терекком. И вот чуткое ухо солдата уловило заглушаемые редкой стрельбой неясные шорохи в левобережных тальниках. Хруст примаемых ветвей. Едва слышные тупые удары дерева о дерево. Легкий порыв ветра, пронесшийся над рекой, донес до слуха всплеск воды, характерный металлический лязг уключин.

Десант?!

Младший лейтенант Полозов, утомленный, спал тяжелым сном, уткнувшись лицом в скрещенные руки.

— Товарищ лейтенант! — тормозил его Михайлюков. — Товарищ лейтенант! Проснитесь!

Невнятно что-то пробормотав, взводный лишь слегка отодвинулся, но боец продолжал будить его.

— А, Михайлюков! — очнувшись, спросил Полозов. — Что у вас?

— Зашевелились гады. Похоже, десант...

Не теряя ни секунды, взводный вместе с наблюдателем направился к кромке берега. Опытный командир, он знал: лучше всего звук распространяется над поверхностью воды. Несколько минут он вслушивался в ночь, почти припадая ухом к холодной воде. Да, наблюдатель не ошибся: гитлеровцы готовились к переправе.

— Решились, однако...— сердито проворчал Полозов.— Ладно, встретим!

И, обращаясь к Михайлюкову, приказал: — К пулемету!

Младший лейтенант доложил о происходящем командиру второй стрелковой роты, поднял свой взвод и приготовился к бою.

Наблюдатели первой стрелковой роты тоже отметили подозрительное оживление на левом берегу.

Заработали аппараты полевых телефонов. В батальоны и в штаб бригады поступили краткие донесения о десанте противника. Через несколько минут весь первый эшелон, включая сконцентрированные южнее Предмостного артиллерийские и минометные части, изготовился к бою.

Вскоре и комбриг Красовский доложил в штаб корпуса обстановку. С несколькими офицерами штаба я поднялся на свой НП.

Подножие Терского хребта и сам Терек были скрыты непроглядной тьмой. Даже в районе готовящейся переправы не видно ничего подозрительного. Это совершенно не походило на вражескую манеру преодоления водных преград. Раньше форсирование всегда начиналось сильным артиллерийско-минометным огнем. Судя по всему, на сей раз противник построил весь свой расчет на внезапности.

Но вот мглу разорвали орудийные вспышки южнее Предмостного. И почти тотчас же столбы разрывов поднялись на южной окраине Моздока и в районе уже начавшейся переправы. Артиллерия и минометы 8-й стрел-

ковой бригады обрушили мощный удар на 370-ю пехотную дивизию гитлеровцев, отсекая десант, добравшийся тем временем до строжня Терека. Стрелковые подразделения первого батальона открыли шквальный огонь по приближающимся гитлеровцам.

Выбравший загодя отличную позицию для своего пулемета, сержант Варигин короткими очередями прицельно бил по плывущим лодкам. Вскоре вражеские лодки были накрыты огнем минометов лейтенанта Романенко. Стрелки первой и второй рот первого батальона довершили дело.

Понеся большие потери, вражеский десант повернул вспять. Однако все мы хорошо понимали, что попытка высадить ночной десант — это лишь прелюдия.

★

БОЙ

Утро 2 сентября 1942 года.

Тщательно осматриваю в стереотрубу район переправы. Яркие солнечные лучи и берег Терека, оскверненный трупами фашистов. Какой разительный контраст! Пристроившийся рядом капитан Мурашко из оперативного отдела штаба проворчал:

— Такую красоту испортили... Стервецы!

Противник готовился к более фундаментальной попытке форсировать Терек. На южной окраине Моздока видны были скопления вражеских войск. Более интенсивным стало движение по дороге Моздок — Луковская. В районе переправы тоже велись приготовления.

Вскоре в боевых порядках первого батальона и по всей территории Предмостного выросли лохматые кусты разрывов. Тысячи мин и снарядов обрушились на передний край обороны бригады Красовского. Не менее трех артиллерийских и минометных полков в течение продолжительного времени стремились подавить концентриро-

ванным огнем, оглушить, деморализовать наши подразделения.

А вскоре около батальона пехоты противника приступило к форсированию Терека. Самоуверенные, с закатанными до локтей рукавами, фашисты ступили на правый берег реки. Они атаковали боевые порядки первой и второй стрелковых рот как раз на стыке их флангов.

Красовский нервно кусал губы, следя за развитием боя. Он видел, что еще не пришедшие в себя после тяжелого артналета обе роты оказывали слабое сопротивление. Гитлеровцы начали атаку на северную окраину Предмостного.

— Какого черта молчат минометы Романенко?! — рассердился Красовский.

А лейтенанту Романенко было несладко. Полузасыпанные глиной минометы приходилось буквально выкапывать из земли и устанавливать заново. А заодно подтаскивать разбросанные взрывами лотки с минами. И заменять раненых, контуженых, убитых... Нет, напрасно, сердился на лейтенанта командир бригады. Когда фашистские громилы ринулись в атаку на Предмостный, их встретила дружным огнем третья рота. В этот момент один за другим глухо захлопали минометы лейтенанта Романенко. И враги заметались в панике.

— Молодцы минометчики! — крикнул рядовой Водолазов, посылая фашистам очередь за очередью.

— Ори меньше! — оборвал его командир пулеметного расчета старший сержант Калашников. — Патронов много тратишь...

До того запыленный, что и родная мать не узнала бы, пробежал по ходу сообщения лейтенант Терещенко.

— Прицельней, ребята! — крикнул он пулеметчикам.

Поблизости гулко разорвалась мина. И невесть откуда взявшийся рядовой Подгорный, его связной, бросился своему командиру на спину, придавил к земле, закрывая собой от осколков. Лейтенант чертыхнулся и, стряхнув с

себя связного, поначалу ошарашенно глянул на него, а затем рассмеялся:

— Не знаю, как насчет фрицев, а меня ты, Павел Елисеевич, когда-нибудь угробишь таким манером.

Двадцатилетний Павел Елисеевич смущенно шмыгнул носом:

— Так ведь могло и поранить вас, товарищ лейтенант.

— Успеется, — отшутился Терещенко.

Внезапно ударил во фланг противнику пулемет с опушки рощи. Сменивший позицию сержант Варигин короткими, точными очередями косил атаковавших. Умело руководивший огнем своего взвода, раненный в руку младший лейтенант Полозов заглянул к пулеметчикам и, вытирая рукавом гимнастерки потное лицо, сказал:

— Авось под вашу музыку третья рота в контратаку пойдет.

Варигин посмотрел на простреленную руку Полозова:

— Вы бы, товарищ лейтенант, уходили отсюда. А то, не приведи бог, еще раз придется Михайлюкову перевязывать вас. Где его носит? Коробки-то пустые?

Михайлюков появился почти тотчас же. Он тащил шесть коробок с пулеметными лентами.

— Вот, приволок, товарищ сержант, — проговорил он отдуваясь. — Теперь порядок!

Варигин не ответил. Он не прекращал огня. Третья рота во главе со старшим лейтенантом Карасевым пошла в контратаку. Поддерживая ее, с флангов ударили из всех видов стрелкового оружия — первая рота со стороны кирпичного завода, вторая рота — с опушки леса.

Особенно много неприятностей доставлял противнику пулемет сержанта Варигина. Немецкие автоматчики не раз пытались «достать» его, но позиция расчета оказалась для них неуязвимой. Тогда этот участок начали обстреливать вражеские минометчики. Сержант, словно не замечая разрывов, продолжал вести огонь, пока одна из мин не взорвалась почти на самом бруствере окопа.

Выплюнув набившийся в рот песок, Варигин глянул в сторону Михайлюкова. Второй номер лежал, подогнуз под грудь руку, и хрипло, с трудом дышал.

— Ты что? — кинулся к нему Варигин.

— За... зацепило... — тихо отозвался боец. — Не отвлекайтесь, Николай Иванович...

Собрать и разобрать пулемет сержанту легче, чем перевязать раненого товарища. Но тут на позиции появилась военфельдшер Галина Майская.

— Пусти-ка, сержант. Я с этим управлюсь лучше, — сказала она и, обращаясь уже к Михайлюкову, добавила: — Ну, потерпи, братишка. Сейчас будет немного больно... Вот так! Ну-ну...

Михайлюков скрипнул зубами, но не застонал. Его уволокли на плащ-палатке. Варигин остался у пулемета один. Стреляя по группе отходивших к Тереку фашистов, он забыл изменить прицел.

— Мажешь! — прозвучал рядом голос Полозова.

Варигин не успел ответить — взрывом мины его отбросило от пулемета.

Сержант вскоре приподнялся, огляделся. Рядом неистово ругался Полозов, пытаясь зажать рукой бившую из ноги кровь.

Подползла вездесущая Галина:

— Лейтенант, я вас эвакуирую в медсанбат.

— Гвардейцы и на карачках воевать смогут. Я вам не подчинен, товарищ военфельдшер!.. Не обижайтесь, — и, заглянув девушке в глаза, перешел с крика на хриплый шепот: — Бой ведь! Ну, как они тут без меня?

Бойцы третьей роты так яростно контратаковали, что противник, несмотря на численное превосходство, вынужден был отступить к Тереку и закрепиться в окопах. Более двухсот трупов оставил враг на поле боя.

Гитлеровская артиллерия обрушила на атакующую роту шквал огня. Это вынудило старшего лейтенанта Карасева отвести стрелков на исходные позиции.

В небе появились пикирующие бомбардировщики Ю-87. Гитлеровские воздушные пираты предпочитали наносить свои удары в светлое время суток. Волнами по пятнадцать — двадцать машин появлялись они со стороны Моздока и, заваливаясь на левое крыло, поочередно пикировали на позиции 98-го гвардейского арtpолка. А у нас — ни одного зенитного орудия, только бойцы изредка били по «лаптежникам» из винтовок.

Следующая волна «юнкерсов» нанесла бомбовый удар по 52-му отдельному минометному дивизиону и арtdивизиону 8-й стрелковой бригады. Стало ясно, что такая интенсивная бомбежка одновременно с артобстрелом — «увертюра» к последующим попыткам противника переправиться.

Было хорошо видно, как на северном берегу готовился к переправе еще один вражеский батальон и группа фашистских танков.

Судя по всему, направление основного удара намечалось из Моздока на Вознесенскую. Правда, незадолго перед тем командир 9-й гвардейской бригады подполковник Власов доложил, что противник начал форсировать Терек в районе Кизляра, но сумел захватить на правом берегу лишь небольшой плацдарм. Поступили также донесения о безрезультатных попытках гитлеровцев форсировать Терек на участке 10-й гвардейской бригады полковника Бушева. Стало быть, здесь действия врага носили явно демонстративный характер, чтобы держать в напряжении весь наш передний край и заставить равномерно растянуть силы на широком участке фронта. Итак, предположение, что противник нанесет свой главный удар из Моздока вдоль дороги на юг, полностью подтвердилось. И я решил перебросить в район бригады Красовского 47-й истребительно-противотанковый дивизион.

Павел Иванович находился на своем НП. Он был недоволен неудавшейся контратакой третьей роты и говорил по телефону несколько виноватым голосом, словно оправдывался:

— Я бы их спихнул в Терек, но такая плотность огня, что люди головы поднять не могут.

Как мог, я ободрил Красовского и порадовал сообщением, что в расположение его бригады направляется 47-й истребительно-противотанковый дивизион.

НИКТО НЕ ХОТЕЛ УХОДИТЬ

В половине девятого утра противник предпринял новую атаку на позиции первого батальона бригады Красовского. Восемь танков и два пехотных батальона бросили фашисты против понесших значительные потери гвардейцев. Но стойкость воинов была безгранична. Выдержавшие только что сильнейший огневой налет, бойцы словно вросли в землю. Они мужественно обороняли Предмостный, кирпичный завод и опушку леса. На той опушке стоял насмерть изрядно поредевший взвод младшего лейтенанта Полозова.

Взводный, трижды раненный (вторая пуля угодила в левую руку), тяжело привалился к стенке окопа, руководил боем — по его собственному выражению — «с печки». Большая потеря крови вынудила беспокойного и бесстрашного командира облюбовать себе «тихий уголок» по соседству с ПТР сержанта Кузнецова.

— В случае чего ты меня огоньком прикроешь, — шутил Полозов, обращаясь к сержанту.

— Случай-то, товарищ лейтенант, тут как тут, — отозвался Кузнецов. — Вон две «каракатицы» в нашу сторону повернули.

И, звонко клацнув затвором своего противотанкового ружья, он медленно повел длинным стволом.

— Валяй! — одобрительно бросил Полозов и заковылял по ходу сообщения, покрикивая: — Бить только по пехоте!

— От потери крови скоро ноги протянете. И эти вот, на вас глядя, тоже уходить не хотят, — сердито сказала хлопотавшая возле раненых медсестра Нюся Кодунова.

— Кто это не хочет уходить?

— Да вот, бойцы ваши, — Кодунова кивнула в сторону раненых.

Взводный, нахмурясь, повернул голову, однако ничего не успел сказать. Справа басовито ударило ПТР Кузнецова. Взвод замер в ожидании: «Попал? Или не попал?»

Вражеский танк резко остановился, будто на стену наткнулся, слегка развернулся на месте, лязгая траками, повел было орудием... Но тут в утробе бронированного зверя что-то глухо ударило, и серый дым потек из смотровых щелей.

Второй немецкий танк заметил бронебойщика. Башня его развернулась, орудие хлестнуло огнем. Перед самым окопом Кузнецова рванул осколочный. Сержант ткнулся лицом в землю, глухо застонал, затем вдруг поднялся и, стиснув зубы, снова припал к ружью. Нажал на спуск и почувствовал удар в плечо... Сержант лежал на боку и не видел, как окутался дымом второй танк. И не слышал в забытьи, как подхватили его крепкие спасительные руки медсестры...

Тем временем на северной окраине Предмостного шел не менее ожесточенный бой. Сюда была брошена основная масса вражеской пехоты и пять танков Т-III. Солдаты противника старались как можно ближе подтянуться к своим танкам, чтобы под прикрытием их брони вплотную подобраться к нашему переднему краю.

Лейтенант Алексей Данилович Терещенко, раненый, внимательно прислушивался к бою, но не улавливал знакомой скороговорки «максима».

— Как думаешь, Павел Елисеевич,— спросил лейтенант бинтовавшего его Подгорного,— с чего бы это расчет Калашникова молчит? Может, они боезапас экономят?

— Разрешите взглянуть? — спросил Подгорный.

— Э-э, нет! — лейтенант через силу улыбнулся.— Я, брат, как-нибудь сам. А ты, Павел Елисеевич, давай здесь устраивайся получше. Сейчас здесь жарко будет.

Задевая широкими плечами за шершавые края хода сообщения, Терещенко заторопился на позицию старшего сержанта Калашникова, стараясь отогнать страшное предположение о гибели пулеметного расчета. К счастью, опасения оказались напрасными: «максим» Калашникова, вынесенный чуть вперед от левого фланга третьей роты, был в полной боевой готовности. Рядовой Водолазов, вцепившись в рукоятки, то и дело нервно дергал большими пальцами рук, после чего немедленно раздавался строгий окрик Калашникова:

— Не дергайся! Рано!

Наконец танки противника вышли почти на одну линию с нашим пулеметным расчетом.

— Огонь! — тотчас скомандовал старший сержант.

Водолазов дал длинную очередь. У него был верный глаз охотника. Вражеские автоматчики попадали в траву. Фланговый огонь «максима» отсек пехоту противника от танков, атаковавших фланг третьей роты. Почуввав неладное, две машины резко изменили направление и двинулись в сторону наших окопавшихся пулеметчиков.

Калашников достал из ниши противотанковые гранаты.

— Не спеши, старшой! — раздался рядом голос Терещенко.— Сейчас им сорокапятка врежет.

А танки приближались и, словно принохиваясь, поводили стволами орудий вправо-влево, стараясь обнаружить в обгорелой, забросанной землей траве глубокую выемку пулеметного гнезда.

Командир противотанкового орудия сержант Саров,

уже подбивший в бою под Моздоком три танка, сам выполняя обязанности наводчика, старательно взял передний танк в перекрестие панорамы. Выстрел сорокапятки, прокатившийся над самой землей, потерялся в грохоте боя, но советский бронебойный снаряд прошел сквозь крупповскую броню. Один из танков задымил, дернулся вперед, потом назад и замер. Однако орудие его продолжало изрыгать огонь. Сержант прилачился было ударить по нему вторично, но в танк угодил наш тяжелый снаряд. Взрывом страшной силы вырвало башню и отбросило метров на десять.

— Ну и силища! — воскликнул с восторгом Саров.

Впрочем, завидовать и восторгаться было некогда. Экипаж второго вражеского танка засек орудие Сарова с первого же выстрела и попытался с ходу поразить его огнем пушки и пулемета. Но сержант успел раньше: снаряд его сорокапятки разворотил гусеницу, и танк завертелся на месте.

НЕРАВНЫЕ СИЛЫ

Потеряв четыре танка и множество пехотинцев, противник вынужден был прекратить атаку. Теперь он решил вновь подвергнуть артиллерийско-минометному обстрелу позиции первого батальона бригады Красовского. Одновременно «юнкерсы» снова начали бомбить наши боевые порядки.

Под шквальным огнем артиллерии и следующими один за другим бомбовыми ударами авиации врага гвардейцам пришлось нелегко. Особенно тяжело было третьей роте. На нее обрушилась основная масса бомб и снарядов. Галя Майская и Нюся Кодунова едва успевали оказывать первую помощь раненым. Потери роты были очень большими.

Противник свежими силами возобновил атаку на кирпичный завод, лес и хутор.

Комбриг Красовский, трезво оценив обстановку, понял, что силы явно неравны, и приказал гвардейцам отойти на линию артиллерийских позиций и закрепиться там.

Овладев Предмостным, кирпичным заводом и лесом, гитлеровцы возомнили, будто легко смогут продвинуться дальше. Однако первая же их попытка атаковать наши части сорвалась: артиллерия прямой наводкой буквально смела с лица земли группы атакующих фашистов.

Со своего НП я неотрывно следил за ходом боевых действий. Было ясно, что обстановка складывалась не в пользу первого батальона 8-й бригады, хотя нашим артиллеристам и удалось отбить атаку гитлеровцев. В стереотрубу хорошо было видно: на левом берегу Терека в районе переправы концентрируются свежие силы противника. В случае их успешной переброски через реку враг мог добиться на правобережном плацдарме значительного численного перевеса. Это создавало угрозу нашей артиллерии, находившейся южнее Предмостного.

Связавшись с командующим 9-й армией генерал-майором Коротеевым, я попросил поддержки с воздуха. Константин Аполлонович, зная о сложившейся на участке обстановке, пообещал обратиться к командованию ВВС. И минут через двадцать группа наших бомбардировщиков нанесла сильный бомбовый удар по переправе, а также по артиллерийским позициям противника в районе Моздока. Ободренные поддержкой с воздуха, артиллеристы стали обстреливать Предмостный, где закрепились откатившиеся после неудавшейся атаки гитлеровцы.

Подполковник Красовский счел этот момент благоприятным для контрудара, чтобы вернуть утраченные позиции. В 11 часов в контратаку был поднят четвертый стрелковый батальон — девятая рота со стороны станции Терской и шестая рота со стороны Нижних Бековичей. Но открытая местность, по которой батальон двинулся на

врага, не способствовала успеху. Противнику были видны как на ладони боевые порядки наших контратакующих подразделений. И вражеская артиллерия накрыла их сильным огнем, а подоспевшие «юнкеры» сбросили свой смертоносный груз. Понесся большие потери, наши подразделения вынуждены были отойти на прежние позиции.

ПОВАР АЛЕКСЕЕНКО

Знойный сентябрьский полдень. Земля — вся в воронках. Изредка рванет снаряд да откликнется скороговоркой пулеметы... Бой затихал. Было ясно, что обе стороны не станут предпринимать активных действий в течение ближайших часов.

Но передышка отнюдь не означала, что бойцы могут наконец отдохнуть. На их натруженные плечи ложились новые неотложные задачи: углубить окопы, пополнить боезапас, помочь эвакуировать раненых. И полетела с лопат на брустверы земля. Прячась в складках местности, укрываясь среди высоких стеблей кукурузы, уходили в тыл раненые, еще способные самостоятельно передвигаться. За ними двинулись повозки с теми, кто получил тяжелые ранения, — таких тоже было немало. А навстречу спешили повозки со снаряжением и боеприпасами. Торопились воспользоваться затишьем и повара, оделявшие оставшихся в строю двойной обеденной нормой.

Особенно старался старший повар первого батальона сержант Алексеенко.

— Подходи, хлопцы, поторапливайся! Это ж надо, без завтрака сколько времени. Чертов фашист, чтоб его поперек живота схватило, так и не дал завтрак раздать. Вылить пришлось! Вот разоренье!

Сержант наделял бойцов поистине богатырскими порциями обеда и неспроста их поторапливал. Алексеенко понимал, что передышка будет недолгой. Учитывали это и все воины — от рядового бойца до командира бригады Красовского. Комбриг уже обзвонил все свои части, уточнил некоторые данные, отдал необходимые распоряжения.

А в это время в штабе 370-й пехотной дивизии противника генерал-майор Клепп, как потом выяснилось, учинял разнос своим подчиненным. Штаб располагался в Моздоке, в здании собора, на колокольне которого находился НП. Ныне этого здания нет — на его месте городская площадь, окруженная новыми домами.

Стрелки часов показывали ровно 18.00, когда сильный грохот нового артналета прервал непривычную тишину. Плотность вражеского огня на сей раз была особенно велика. На боевые порядки гвардейской бригады обрушился сплошной огневой вал. С характерным завыванием над позициями наших войск снова появились бомбардировщики — на этот раз тяжелые Ю-88, несшие по полторы тонны бомбового груза каждый.

С тревогой смотрели мы на черные фонтаны земли, вздымавшиеся над позициями артдивизиона 8-й бригады и 52-го минометного дивизиона. Понимали, что потери там были неизбежны, но как велики эти потери?!

А в районе переправы уже тянулся от берега к берегу узкий наплавной мост. По нему торопливо двигались на правобережный плацдарм танки и бронетранспортеры противника. Только бомбовый удар нашей авиации по переправе мог бы помешать переброске на правый берег значительных сил гитлеровцев.

Связавшись с командующим 9-й армией, я снова просил поддержки с воздуха. Увы! Девятка «петляковых» появилась над переправой лишь тогда, когда основные силы гитлеровцев уже были на правом берегу. Не зная, какой трудный бой пришлось перед тем выдержать на-

шим летчикам с вражескими истребителями, я сгоряча ругнул их за опоздание и принял к стереотрубе.

Несмотря на ошеломляющий артоналет и бомбовые удары вражеской авиации, наши артиллеристы, проявляя истинный героизм, начали ответный артобстрел. Но видно было, что им чрезвычайно тяжело делать свое дело под огнем такой высокой плотности.

Через полчаса сосредоточенные на правобережном плацдарме силы противника двинулись в атаку. И опять основной удар был направлен на прорыв обороны первого батальона 8-й бригады — на юг, вдоль шоссе и узкоколейки. Снова особенно тяжело пришлось третьей роте. В центр ее боевых порядков ворвались три вражеских танка. Но, видно, недаром делали мы такую серьезную ставку на противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью. Из «проутюженных» окопов то там, то здесь вылетала, сверкнув на солнце, бутылка... Вскоре от трех фашистских T-III к небу тянулись три столба черного дыма.

На левом фланге третьей роты с удивительным спокойствием вновь ловил в перекрестие прицела очередной танк сержант Саров. Однако его сорокапятку заметили. Башня танка развернулась в его сторону. Выстрелы орудия Сарова и танковой пушки прозвучали одновременно. Танк замер. Но в тот же миг взорвался рядом с сорокапяткой осколочный снаряд. Саров судорожно прижал к коленям лобастую голову и свалился у орудийного щита. Буквально через минуту над раненым в грудь сержантом склонилась осунувшаяся за этот день Галина Майская. Как могла она успевать от одного раненого к другому, как ухитрялась появляться в нужном месте через минуту-две после того, как потребовалась ее помощь? И все-таки успевала. Наскоро перебинтовав Сарова, военфельдшер попыталась вынести его с поля боя, но на первых же метрах пути сержант, не приходя в сознание, скончался.

Тем временем ожесточенный бой разгорелся на правом фланге третьей роты. Галина поспешила туда. Там, в районе позиции артдивизиона, гвардейцы схватились с танками врага. Сильным минометным и пулеметным огнем они сумели отсечь вражескую пехоту от танков, а в это время наши артиллеристы обрушили на машины противника всю свою огневую мощь. Потеряв еще два танка, гитлеровцы отошли.

Отошли... Нет, это не было отступлением. Противник отводил свои войска для того, чтобы дать им небольшую передышку и одновременно нанести очередной удар силами артиллерии и с воздуха по нашим боевым порядкам.

Минут через сорок снова появились Ю-88 и обрушили бомбы на наши позиции. Одновременно вступила в действие и артиллерия врага.

Приближался момент наивысшего напряжения боя. Танки и пехота противника снова атаковали первый батальон. На левом фланге третьей роты мужественно дрался основательно поредевший взвод лейтенанта Терещенко. Вторично раненный лейтенант умело руководил своими людьми, ведущими огонь по вражеской пехоте. Сюда-то и доставил патроны старший повар батальона сержант Алексеенко, увидев раненого лейтенанта и его поредевший взвод:

— Будем помогать вам, хлопцы. Маловато вас, а этих гадов вон сколько прет!

И заняв удобную позицию, сержант открыл огонь по фашистам. В его опытных руках обыкновенная русская трехлинейка была грозным оружием. Удивляло огромное самообладание старшего повара, не обращающего внимания на разрывы мин и свист пуль. Десяток гитлеровцев нашли свой бесславный конец от руки Алексеенко. Но мина, угодившая прямо в окоп, оборвала жизнь мужественного воина, успевшего прошептать напоследок:

— Эх, ужин не успел приготовить!

Ожесточенный бой шел и в районе кургана Абазу, на северных склонах которого оборонялся второй батальон майора Рудика. К двенадцати часам под натиском превосходящих сил противника батальон был вынужден оставить поселок Нижние Бековичи, где до этого занимал оборону, и отойти на километр южнее. Штаб батальона расположился теперь на вершине кургана. Закрепившись здесь на заранее подготовленных позициях, гвардейцы майора Рудика успешно отражали атаки врага.

Во второй половине дня авиация и артиллерия противника подвергли позиции батальона ожесточенной огневой обработке. Интенсивность бомбовых ударов и артиллерийско-минометного огня была очень велика. Так, в минометной роте было уничтожено два миномета вместе с расчетами. И командир роты лейтенант Нурибеков доложил в штаб батальона, что настроение у бойцов упало. Майор Рудик, сам тяжело раненный, был обеспокоен таким докладом. Он сознавал, что именно сейчас — перед очередной атакой противника — необходимо поднять боевой дух личного состава.

— Слушай, Василий Федорович, — преодолевая боль, сказал он старшему политруку Житникову, — может, сходишь к минометчикам?

— У нас там Бурмистров управится, — ответил комиссар. — А тебе, комбат, в тыл пора. С такой раной долго не выдержишься.

Младший политрук Бурмистров уже находился на огневых позициях. Помогал привести в порядок материальную часть, подбадривал бойцов метко сказанным словом и непоколебимым спокойствием. И минометчики быстро восстанавливали утраченное было душевное равновесие.

Тяжелые испытания выпали также на долю пятой и шестой стрелковых рот. В их окопах были убитые и ране-

ные. Ротные санитарки Женя Мясоедова и Тоня Скрипникова переползали от одного раненого к другому, оказывали им первую медицинскую помощь. И вряд ли кто-нибудь сможет подсчитать, сколько жизней, рискуя потерять собственную, спасла каждая из них.

От перенапряжения бойцы устали. Но командиры пятой и шестой рот лейтенанты Филоненко и Третьяк были опытными офицерами. Они сумели сплотить людей, ободрить их и подготовить роты к отражению новой атаки.

Нелегкая обстановка складывалась и на КП батальона. Медсестра Вера Колодей, небольшого роста восемнадцатилетняя девушка, едва закончила перевязывать тяжело раненного комбата Рудика, как ей снова пришлось начать борьбу за жизнь начальника штаба батальона лейтенанта Маркина. Вскоре их отправили в расположенный за курганом батальонный медпункт. Здесь, в полевом стане, вокруг которого росла кукуруза, скопилось очень много раненых. Медперсонал прилагал все силы и умение, чтобы своевременно оказать им помощь.

Но вот улетели, скрылись из виду последние вражеские самолеты. И тотчас на южной окраине Нижних Бековичей показались шесть танков противника в сопровождении пехоты. Принявший командование батальоном командир четвертой роты лейтенант Мельник видел со своего НП, как тяжело пятой и шестой ротам. Противнику удалось ворваться на наши позиции. И все же лейтенант колебался вводить в бой свой последний резерв — четвертую роту. Мельник вопросительно взглянул на комиссара батальона. Житников отрицательно покачал головой:

— Рано, Федор Григорьевич! Должны выстоять...

А шесть танков уже миновали первую нашу траншею и стали продвигаться в направлении батальонного НП. Казалось, ничто не сможет остановить их. Однако взводный шестой роты лейтенант Федоров сумел попасть бутылкой в моторную часть вражеской машины. Танк

вспыхнул. Почти сразу же чуть левее загорелся еще один танк: бойцы умело последовали примеру взводного. Не отставала от соседей и рота Филоненко. Ее бронебойщики фланговым огнем подбили третью машину врага. Оставшиеся танки начали поспешно отходить.

Наступил самый подходящий момент для контратаки. И тогда впереди четвертой роты появился комиссар батальона Житников. Бойцы слышали его спокойный и властный голос:

— За Родину! Гвардейцы, вперед!

Рота поднялась в атаку. Комиссар, бежавший впереди с пистолетом в руке, внезапно упал.

Вера Колодей, наблюдавшая за атакой, видела, как падал комиссар. Убит?! Нет, поднялся и, как-то странно придерживая левой рукой живот, снова побежал. Шагов через тридцать он снова упал. Вера выскочила из окопа и бросилась к комиссару. Он лежал весь в крови. Перевернув Житникова на спину, медсестра увидела большую рану. Медицинская помощь была уже не нужна... Но поднятая комиссаром в контратаку рота выбила противника из наших окопов и восстановила положение на участке.

А враг тем временем готовил очередную атаку на позиции второго батальона. Политрук Мордвин принял на себя обязанности комиссара.

Наивысшего напряжения достиг бой на правом фланге третьей роты первого батальона, где артдивизион бригады отражал атаку гитлеровских танков. Из двадцати орудий четыре были выведены из строя «юнкерсами». Противник, рассчитывая на большие потери в дивизионе, бросил на этот участок несколько своих Т-IV, предполагая добиться легкой победы. Но просчитался. Меткими выстрелами был подбит танк, через минуту — другой. Рассвирепевший враг бросил в атаку еще взвод танков.

В центре боевых порядков дивизиона стояла сорокапятка сержанта Атрепьева. Сюда-то и направили свой удар гитлеровские танкисты. Сержант уловил момент,

когда T-IV повернулся чуть боком, и пробил метким выстрелом бортовую броню. Внутри танка взорвался боезапас.

Но второй танк ударил по орудию осколочным. Прицельное приспособление было разбито вдребезги. Сержант вогнал снаряд в казенник и навел орудие «на глазок». Словно почуяв неладное, танк пошел зигзагами. Но уйти далеко ему не удалось: прозвучал выстрел, и моторная часть загорелась.

Однако через мгновение Атрепьева отбросило от орудия взрывной волной. Придя в себя, артиллерист пошевелил руками, ногами, ощупал голову. Ни единой царапины! Снова кинулся к своей пушке, но увидел, что она окончательно выведена из строя.

Один из танков устремился прямо на замолчавшее орудие, намереваясь раздавить и его, и расчет. Атрепьев притаился в окопе с противотанковой гранатой. Когда до вражеской машины оставалось не более пятнадцати метров, он метнул гранату. Так был подбит третий вражеский танк.

Несмотря на потери, противник продолжал атаку. Теперь особенно напряженно стало на левом фланге третьей стрелковой роты. Здесь основная тяжесть борьбы с танками легла на плечи бронебойщиков роты ПТР, в особенности на расчет сержанта Луценко, удобно укрывшийся за насыпью узкоколейки. Противник стремился во что бы то ни стало обнаружить и уничтожить бронебойщиков. Стоило нашему ПТР сделать один выстрел, как его засекали и энергично обстреливали. В таких условиях уничтожить гитлеровский танк можно было, только поразив его с первого выстрела. Сержант Луценко хорошо знал это. Он долго и старательно выцеливал бронированное днище T-III, взбиравшегося на невысокий пригорок метрах в ста от насыпи. Наконец выстрелил. Танк сполз с пригорка, пуская в небо черно-серый дым.

Гитлеровцы осатанели, на окоп Луценко посыпались мины, снаряды. Пули хлестали по брустверу.

— Сейчас они еще десятка два «юнкерсов» нашлют! — сказал Маломуж.

Сержант не ответил. Запрокинув чубатую голову, он неподвижно глядел в белесо-голубое небо, будто и впрямь высматривал там вражеские самолеты.

— Ну, гадье! — крикнул в бешенстве Маломуж. И, не обращая больше внимания на шквальный огонь, торопливо занял место наводчика, повел длинным стволом ПТР за танком, приближавшимся к нашим позициям.

— Это вам, сволочи, за сержанта! — крикнул он, добивая вторым выстрелом задымившую машину.

И тут же отвалился от своего ружья.

К нему подполз сержант Данцев, ротный парторг:

— Кузьмич! Ты что?

Но Маломуж замолчал навсегда.

Данцев накрыл лица павших бойцов пилотками и зло приложил к плечу приклад осиротевшего ружья. Но сраженный вражеской пулей, уронил голову на затвор, так и не выпустив оружие из рук.

А фашистские танки шли на наши позиции. И тогда ружье из окоченевших рук Данцева взял политрук роты Амбарцумян. Сделал первый выстрел... И опять начался жестокий обстрел «ожившего» противотанкового ружья. С железным спокойствием Амбарцумян взял на прицел ближайший гитлеровский танк и двумя выстрелами вывел его из строя. Но вскоре погиб сам, сраженный осколком мины.

Так и лежали они вчетвером у противотанкового ружья — два комсомольца и два коммуниста, четверо бесстрашных сыновей нашей великой многонациональной Родины — украинец Луценко, белорус Маломуж, русский Данцев и армянин Амбарцумян. Но вражеская атака захлебнулась. Фашисты отходили на старые позиции, оставив на поле боя сотни трупов и полтора десятка танков.

Глава третья

БОЙ У КРАСНОЙ ГОРКИ

★

ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ

Еще двое суток длился неравный бой. Противник непрерывно бомбил и вводил в действие все новые и новые танковые подразделения. К исходу 4 сентября ему удалось прорвать оборону бригады Красовского на участке Терская — Нижние Бековичи и продвинуться к югу на двенадцать километров. Здесь, на северных скатах Терского хребта, встретив упорное сопротивление 62-й отдельной морской стрелковой бригады, враг остановился и затих. Было ясно, что это затишье перед бурей. Противник явно готовился к новому, более мощному рывку. Запах кавказской нефти не давал ему покоя. Следовательно, и мы должны были принять меры, чтобы, как говорится, не ударить лицом в грязь. А для этого нужно было знать, когда, в каком направлении и какими силами будет нанесен удар. Необходимо было еще раз тщательно взвесить свои собственные возможности, подробнее изучить обстановку...

5 сентября на позициях было сравнительно спокойно. Редкие разрывы снарядов, треск коротких пулеметных и автоматных очередей стали настолько привычными, что воспринимались как некие составные части многоголосого дневного хора, образованного скрипом обозных колес, шелестом высокой кукурузы, шутливой перебранкой у полевой кухни.

Где-то в станице прокричал петух. Заскрипели ворота. И такой мирной тишиной повеяло от всего этого, что мне стало как-то не по себе. Известно: тишина на поле

боя — грозный предвестник. Если неопытный боец порой радуется ее приходу, то бывалый воин, наоборот, настораживается.

С начальником артиллерии корпуса подполковником Лившицем мы отправились на позиции 62-й отдельной морской стрелковой бригады.

Морские пехотинцы занимали оборону на рубеже Чумпалово, Красная Горка, Чеченская Балка, проходившем по северным скатам отрогов Терского хребта. Третий батальон бригады оседлал дорогу Моздок — Вознесенская, являвшуюся осью предполагаемого танкового удара гитлеровцев. Центром опорного пункта батальона были поселок Красная Горка и одноименная высота, господствовавшая над лежащей впереди местностью. Сюда-то мы и нанесли свой первый визит.

Враг тщательно наблюдал за местностью. Пулеметные и автоматные очереди то и дело вздымали пыль на брустверах окопов, если кто-либо из наших бойцов неосторожным движением выдавал свое присутствие. Приходилось строго соблюдать правила маскировки.

По неглубокому ходу сообщения, пригибаясь до пояса, добрались мы до НП командира третьего батальона капитана Демченко. Он встретил нас кратким докладом и в деталях ознакомил с обстановкой.

Первую траншею занимали вторая и третья роты, во втором эшелоне находились первая рота и несколько сорокапятков. Там же удобно расположились НП командиров батарей и дивизионов.

Батальон капитана Демченко уже понюхал пороху. Совместно с другими частями он выдержал серьезный бой с довольно большой группой танков противника, пытавшейся прорваться на Вознесенскую. Бой был длительным и упорным. Обе стороны понесли значительные потери.

В полукилометре просматривалась линия фашистских окопов. Оттуда изредка доносились короткие очереди.

— Осторожничают, сволочи,— усмехнулся комиссар батальона старший политрук Иван Васильевич Помазуев.— Вчера на рожон лезли.

Он только что возвратился из второй роты, понесшей большие потери.

— Тяжелый был бой,— рассказывал старший лейтенант Помазуев.— Левый фланг второй роты атаквала пехота под прикрытием двух танков. Передний танк с ходу проскочил было нашу первую траншею. В этот момент сноровку и хладнокровие проявил командир взвода младший лейтенант Рылов. Земля еще сыпалась из-под траков в траншею, а он поднялся в рост и бросил бутылку с горючей смесью. И знаете, Рылов это проделал, как на показательном занятии. Второй танк подбили артиллеристы. Немцы так близко шли за танками, что, не прижми их пулеметчики, могли бы в нашу траншею ворваться.

— А как обстоят дела в роте сейчас?

— Люди готовятся к бою, товарищ генерал. В каждом отделении — по два истребителя танков. Они вооружены противотанковыми гранатами и бутылками с КС. Политрук роты Пинкин отрабатывает с ними технику уничтожения танков. Опыт Рылова распространяет. Кроме того, многие своими глазами видели, как взводный сжег танк.

— Вчерашний бой многому научил нас,— включился в разговор политрук пулеметной роты Иван Андреевич Летемин.— Да и люди себя с лучшей стороны показали.

Ефрейтор Синетов, пулеметчик, вместе с автоматчиком Лапиным находились в одном окопе. Врагам удалось обойти их с флангов, но воины не растерялись. Пулемет Синетова и автомат Лапина нанесли большой урон атакующим фашистам.

Эти рассказы еще раз подтвердили, что наши бойцы перестали бояться слов «танки» и «окружение». Рождались новые черты в характерах людей, которые вчера

еще были садоводами и студентами, плотниками и бухгалтерами. Те черты, которые делают человека воином: бесстрашие и чувство долга. Вместе с тем люди накапливали в боях с врагом опыт и знания, а без них никакие личные качества не могут обеспечить победу.

Я пожелал бойцам успеха и распрощался. Мы с Лившицем спустились с Красной Горки и вскоре были в районе огневых позиций артиллерийского дивизиона капитана Токарева. Двадцать орудий дивизиона оседлали дорогу, ведущую в станицу Вознесенскую.

Артиллеристы, судя по всему, только закончили работы по оборудованию огневых позиций и отдыхали в ожидании ужина. Сбросив пропотевшие гимнастерки, батареицы сидели или полулежали у орудий. На большинстве из них были полосатые флотские тельняшки — память о родных боевых кораблях, с которых сошли на берег, чтобы биться с врагом на суше.

Невдалеке несколько человек, окружив старшего лейтенанта Хотулева, командира первой батареи, слушали, как он под чуть приглушенный перебор гитары пел популярную в те дни песню о синем платочке.

Мы тоже остановились послушать.

Хотулев, смутившись, оборвал было песню, но я попросил его продолжать.

— День рождения у него сегодня, товарищ генерал, — словно оправдывая певца, пояснил мне лейтенант Корсаков.

— Да хватит! — смутился Хотулев. — Тем более, что к бою это никакого отношения не имеет.

— Как не имеет? — возразил лейтенант Четыркин. — Ты теперь вполне совершеннолетний...

Тем временем старшина дивизиона Коваленков доложил, что ужин готов. Капитан Токарев, как хлебосольный хозяин, ни за что не хотел отпускать меня из расположения дивизиона, пока я не «отведаю артиллерийских харчей».

Только после ужина мы с начальником артиллерии корпуса двинулись по дороге на Вознесенскую. Справа и слева от нее располагались на огневых позициях 68-й тяжелый и 98-й артиллерийские полки. Их огневые позиции были выбраны с таким расчетом, чтобы фланговые дивизионы могли своим огнем перекрыть дорогу, где стояли батареи Токарева. Восемьдесят четыре орудия этих артчастей на участке фронта шириною в восемь километров представляли собою мощный барьер на пути танков противника.

Именно на эту артиллерию я и возлагал большие надежды. Во всех батареях проходила поорудийная тренировка в стрельбе прямой наводкой.

Корпусная артиллерия была надежным заслоном. И все-таки удара сотни танков этот заслон мог не выдержать. Тогда должен был вступить в действие последний резерв противотанковой обороны — отряд Корнеева, перекрывший дорогу у самого перевала. Отряд этот имел большой опыт боев. В начале августа он был направлен в район Буденновска совместно с другими отрядами вести активную разведку и сдерживать врага. С этими задачами отряд Корнеева справился хорошо, но под натиском превосходящих сил противника вынужден был отойти к Моздоку и вместе с другими частями защищал его до 25 августа. Теперь, усиленный 98-м арtpолком, он закрывал дорогу на перевал. Личный состав отряда подготовил отличные позиции.

С наступлением сумерек в сопровождении подполковника Лившица я возвратился в штаб корпуса. В штабной землянке меня ожидал Базилевский. Комиссар корпуса тоже весь день был в войсках и приехал часом раньше. Мы долго беседовали с Базилевским, обменивались впечатлениями с возвратившимися из поездки в войска офицерами штаба и политотдела. Засиделись далеко за полночь. Разошлись отдыхать часа за три до рассвета.

Разбудили меня в начале пятого. Было еще темно. Прохладный ветер доносил тонкие запахи сухого разнотравья. И мне почему-то очень захотелось пройтись до своего НП. Расстояние было чуть больше километра. Тропинка вилась между кустами, постепенно поднимаясь в гору. Я шел не торопясь, наслаждался утренней прохладой и тишиной. Общение с природой просто необходимо человеку. В особенности, когда он ежедневно и ежечасно видит вокруг себя смерть. Извилистая тропа вела к скрытому в полумраке НП. Справа, в той стороне, где Терек впадает в Каспий, горизонт посветлел и начал слегка розоветь. Пробуждались птицы, их песни доносились из ближних кустов. Утро сулило погожий день.

В блиндаже НП уже собрались офицеры штаба. Начальник оперативного отдела майор Никита Васильевич Минаев доложил, что связь со всеми частями работает нормально. Я поблагодарил его и попросил чаю, но гром артиллерийских залпов оборвал утреннюю тишину. Противник начал наступление.

6 сентября 1942 года в 5.30 начался бой у Красной Горки.

По всему фронту 62-й бригады противник вел сильный артиллерийский огонь. Плотность его была необыкновенно высокой. Судя по всему, в огневом налете принимала участие артиллерия всех четырех фашистских дивизий — 3-й и 13-й танковых, 111-й и 370-й пехотных.

В 6.00, когда стало светло, две группы Ю-88 бомбили наши артпозиции. Почти одновременно, грозно ревя моторами, прошли в направлении вражеских позиций штурмовики Ил-2 4-й воздушной армии. Поддерживая нас с воздуха, эти «летающие танки» нанесли по находившимся на исходных позициях гитлеровским войскам сокрушительный удар. Огнем своих пушек и пулеметов они

изрядно потрепали изготовившуюся к атаке живую силу противника. Но наша штурмовая авиация не смогла изменить положение. Два пехотных вражеских полка при поддержке тридцати танков начали фронтальную атаку.

★

ТЫ МНЕ ЖИВОЙ НУЖЕН!

Командира второго взвода второй роты разбудил разорвавшийся снаряд.

— Чтоб ты пропал! — Рылов с хрустом потянулся. — Что за подлая манера будить людей таким гнусным способом!

Наработавшийся вчера со своими бойцами до полного изнеможения, младший лейтенант был разозлен тем, что ему не дали выспаться. Но в то же время понимал, как его людям, побывавшим всего в одном бою, необходима моральная поддержка. И потому сменил ворчливый тон на насмешливый:

— Нечиста совесть у фрица. Нет ему ни сна, ни покоя. Точно! Вот нашего Лапина взять. Человек завтрак проспять может. Значит, совесть чиста. Верно говорю, Лапин?

Лапину было не до шуток: он еще не привык к арт-обстрелу и сейчас, съежившись на дне траншеи, вздрагивал при каждом очередном разрыве.

Взводный подполз к Лапину вплотную и, привалясь спиной к стене траншеи, закурил.

— Я вот примечаю, что вы, Лапин, отчаянной храбрости человек. Вчера в окружение попали, а как дрались...

Но и похвала не подействовала. Автомат Лапина остался лежать на бруствере, подвергаясь опасности быть выведенным из строя.

— Красноармеец Лапин! — раздался тогда властный голос Рылова. — Где ваш автомат?

Поблудневший автоматчик вскочил, схватил свое оружие и укрылся в траншее. Невдалеке снова прогрехотал разрыв, но теперь Лапин овладел собой.

— Молодец, Мина Ефимович! Так держать! С таким именем ничего не надо бояться. Подумаешь, снаряд! Он снаряд, а ты — Мина!

Лапин улыбнулся пока еще не послушными губами и, привалившись боком к стене окопа, закурил. А взводный уже торопился к командиру отделения сержанту Козлову. Тот — более опытный воин — умеет подавлять в себе чувство страха. Но он то и дело высовывается из траншеи, демонстрируя полное пренебрежение к опасности. Разъяренный Рылов сильным рывком швыряет Козлова на дно окопа:

— Мне здесь такие «герои» не нужны! Смерти не боятся только дураки. На кой черт мне убитый? Ты мне живой нужен, чтобы воевать, чтобы отделением командовать. Смотри мне! Еще раз высунешься таким фертом...

На самом бруствере оглушительно грохает снаряд. Едкий пороховой дым заполнил траншею, на упавших ничком людей сыплются комья земли.

— Чем они, сволочи, снаряды начиняют? — спросил, надсадно кашляя, Козлов.

— Розовым маслом! — сердито отозвался Рылов.

Бойцы взвода старались не пропустить ни одного слова, сказанного младшим лейтенантом. Взводный, который позавчера в бою поджег бутылкой с КС вражеский танк, для них образец мужества. Каждому хотелось чем-нибудь походить на своего командира. Сами того не замечая, люди перестали прислушиваться к грохоту разрывов и жалобному вою летящих мин.

Слово командира, личный пример его очень много значат для бойца в такой обстановке. Достаточно услышать, как взводный или ротный подбодрил растерявшегося солдата или пожурил не в меру бравого, достаточ-

но увидеть, как без лишней суеты делает он под обстрелом свое привычное дело,— и страх отступает, сменяется жгучей ненавистью к врагу.

Политрук третьей роты Михаил Алексеевич Пинкин всегда появлялся в тех местах, где бойцам нужна моральная поддержка. Вот и сейчас невдалеке, слева в траншее, рванул снаряд — Пинкин тотчас поспешил туда. Пострадал лишь один. Товарищи уже принялись его перевязывать.

— Что, Шамов, зацепило? — участливо спросил политрук. — Ну-ка, дайте взглянуть. — С видом знатока осмотрел рану и заметил:

— Умный осколок был, кость не задета. Жить тебе, Шамов, лет до ста.

— Если второй снаряд в траншею не угодит, — заметил кто-то.

— Не было такого случая, — засмеялся Пинкин, — чтобы второй снаряд попал в то же место. Можете считать, что артобстрел вам уже не страшен.

Бойцы облегченно вздохнули и стали осторожно выглядывать из траншеи, чтобы выяснить, как ведут себя враги. Ведь артоподготовка предшествует атаке.

Но противник, по-видимому, не надеялся на свою артиллерию — в воздухе появилось несколько групп Ю-88. Они бомбили огневые позиции артиллерийских полков. Почти одновременно с налетом «юнкерсов» двинулись в атаку тридцать танков. Вслед за ними поднялась вражеская пехота.

ТЯЖЕЛОЕ ИСПЫТАНИЕ

Противник перенес огонь своей артиллерии в глубину нашей обороны. Именно теперь начиналось самое тяжелое испытание. Шестнадцать вражеских танков двига-

лись в направлении второй роты третьего стрелкового батальона бригады Кудинова.

— Ну, политрук, наше время пришло,— сказал Пинкину старший лейтенант Попов.— Трудно будет! Ты, брат, возьми на себя левый фланг.

— Слушаюсь!

— Смотри, чтобы народ на рожон не лез. Танки пропускать над собой. Главное — отсекай пехоту!

Громада гитлеровского танка надвигалась на окоп. Прижавшись к сыпучей стенке, сержант Козлов не отрывал взгляда от вражеской машины, выжидал, когда прогрохочут над ним стальные траки, чтобы метнуть в T-IV бутылку с горючей смесью. Но снаряд сорокапятки опередил сержанта. Это стрелял наводчик Подольский.

— Подольский! Уходи ты по-доброму в тыл,— настаивал командир орудия сержант Коровников.— Это что такое делается! Ты ж мне орудие демаскируешь: в бинтах весь.

Подольский, дважды раненный в недавнем бою, хмуро отмалчивался, то и дело поправлял сползающую на глаза марлевую повязку.

— Я тебе что говорю?!— вышел из себя сержант.

— Не уйду я,— упрямо заявил Подольский.— Не имею такого морального права. Вон еще одна скотина лезет!

Тем временем вражеский танк уже перевалил через первую траншею. Теперь он двигался прямо на орудие Коровникова. Подольский снова припал к прицелу, но ослепительное оранжево-зеленое пламя взметнулось вдруг над T-IV. Это сержант Козлов, повторив подвиг младшего лейтенанта Рылова, поджег вражескую машину бутылкой с горючей смесью.

На левом фланге роты положение было сложнее. Здесь пехоте противника удалось ворваться в наши окопы, после чего последовала попытка продвинуться дальше — в глубь обороны. Путь врагу преградил взвод младшего лейтенанта Воронова. Сильно поредел его ряды,

многие бойцы погибли в бою за первую траншею. Плечом к плечу с Вороновым продолжали храбро сражаться ефрейтор Синетов, сержанты Ложакин и Дунаев, красноармеец Емельянов, раненный во время артобстрела, и другие. Теперь, оказавшись в полуокружении, они организовали оборону. Толково и расчетливо руководил боем взводный. И когда противник предпринял еще одну попытку продвинуться, Ворснгов, сам раненый, заменил вышедшего из строя пулеметчика. Получив за пулеметом второе ранение, младший лейтенант не прекратил боя. Враг неоднократно предлагал ему сдаться, но взводный неизменно отвечал:

— Смерть фашистам!

Пользуясь тем, что наши стрелковые подразделения связаны боем с гитлеровской пехотой, вражеские танки продолжали свое продвижение. Но их поджидали артиллеристы. Мы понимали, что остановить вражеские машины у переднего края не удастся, и решили бить их в глубине обороны силами артиллерии. В то же время стрелковые части должны были отсечь пехоту противника от танков, не давая ей продвинуться дальше и создать угрозу нашим артиллерийским позициям.

Когда танки врага перевалили через траншею второй роты, их встретил плотный огонь первой батареи 45-миллиметровых орудий истребительно-противотанкового дивизиона. Позиции батареи, которой командовал старший лейтенант Шульпин, были удачно расположены «за спиной» первой роты третьего батальона.

С тревогой наблюдал Шульпин, как около десятка танков шли на четыре орудия его батареи.

— Можем не удержать, Степан Иванович,— хрипло сказал он политруку батареи Королеву.

— Брось шутить. Должны удержать!

— Какие к черту шутки...

— Огонь! — раздалась команда.

Звонко ударили пушки.

— Ишь, крутится гад! — крикнул парторг дивизиона сержант Любименко. — Заряжай!

T-IV, увернувшись от первого снаряда, набирал скорость и зигзагами шел на расчет.

— Пусти-ка! — Любименко отстранил наводчика и сам принялся к прицелу.

Нити перекрестия легли на черный крест, украшавший бортовую броню...

— О-гонь!

Танк вздрогнул, крутнулся на месте и запылялся. Из люков полезли черные танкисты.

— Так стрелять! — крикнул парторг, обращаясь к наводчику.

Тем временем орудие сержанта Печерского остановилось вторую машину врага.

Били по прорвавшимся танкам и соседи. В третий раз раненный, не оставляя орудия красноармеец Подольский.

— Этот от меня не уйдет, — ворчал он, выцеливая очередную танк. — Ишь, моду пехота взяла, из-под самого носа фрицевскую таратайку увели...

Видно, никак не мог забыть наводчик, как сержант Козлов «похитил» у него «верный» танк.

Звонкий хлопок сорокапятки — и еще один танк врага замер на поле боя.

— Ну, и жадный же ты! — пошутил сержант Коровников.

— Я на них счет веду, — отозвался Подольский. — Не меньше сотни должен угробить.

И тут же опустился на землю: четвертое ранение! Но герой все же не покинул орудия.

Четыре вражеских танка горели перед позициями первой батареи противотанкового дивизиона. Еще несколько машин, подожженных пехотой, полыхали справа и слева. Но противник упорно рвался вперед, рассчитывая посеять панику. Вражеских машин, несмотря на значительные потери, было еще много. Они прорвали оборону второго и

третьего батальонов 62-й бригады. И хотя остановленная нашими стрелковыми подразделениями вражеская пехота не могла поддержать действия своих танков, последние сами по себе представляли достаточно грозную силу. Уничтожить танки можно было только массированным огнем корпусной артиллерии.

ОГОНЫ

Огневые позиции 98-го арtpолка специально располагались таким образом, чтобы в случае прорыва танков противника через линию обороны второго и третьего батальонов бригады Кудинова преградить врагу дальнейший путь к перевалу через Терский хребет.

Артиллеристы все время внимательно следили за действиями противника, были готовы в любой момент вступить в бой. Когда вражеские машины прорвались через боевые порядки 62-й бригады, командир 98-го арtpолка майор Павленко приказал батареям изготoвиться к бою.

Не менее полутора десятков танков двигались в направлении первой батареи, которой командовал лейтенант Иван Федорович Кочергин. Недавно он был ранен осколком снаряда. На голове Кочергина вместо фуражки красовалась «чалма» из окровавленного бинта. Переходя от одного орудия к другому, лейтенант давал указания. Накануне он детально изучил местность, наметил ориентиры. Особенно удобным был один ориентир — хорошо заметный куст, видневшийся впереди, на расстоянии километра. К этому кусту и двигались теперь танки. Три машины вырвались вперед. Их-то Кочергин и решил уничтожить в первую очередь.

— По та-а-нкам!.. — скомандовал лейтенант. — Первое орудие — по правому, второе и третье — по среднему, четвертое — по левому... Огоны!

Залп из четырех орудий тяжело ударил в уши.

Танки ответили осколочными. Кочергин пошатнулся.

— Врешь! Всех не перебьешь! — лейтенант продолжал руководить боем. А в сапог между тем набегала кровь.

Сапог разрезали, рану перевязали — и лейтенант захромал к месту в центре батареи.

— Огоны!

Прямыми попаданиями остановили два танка. Оставшийся в одиночестве панцирник замедлил ход, затем загорелся. Остальные машины развернулись и открыли по батарее шквальный огонь.

Старший сержант Бармин, командир орудия, встал на место раненого наводчика и с первого же выстрела поразил вражескую машину.

Но все чаще рвались на нашей позиции снаряды, все реже становились ряды батарейцев. Вскоре одно из орудий вышло из строя. Танки вот-вот ворвутся в расположение батареи... И в этот момент вступили в бой еще две батареи, стоявшие на флангах и выжидавшие, когда танки подойдут к ним на расстояние прямого выстрела.

Находясь в расположении второй батареи, командир первого дивизиона старший лейтенант Михаил Захарович Давыдов видел, как ведут с врагом неравный бой артиллеристы Кочергина. Давыдов считал, что бить танки противника следует только прямой наводкой. И когда танки приблизились, вторая и третья батареи по команде старшего лейтенанта открыли сокрушительный огонь.

Несколько вражеских машин было подбито, две загорелись. Остальные, отстреливаясь, начали отходить.

Второй дивизион 98-го арtpолка на своем участке — ближе к Чеченской Балке — бил по повернувшей вспять другой группе вражеских машин.

Северные скаты Терского хребта поросли кустарником. В лощинах были расположены огневые позиции 68-го тяжелого артиллерийского полка. Здесь же, на одном из

косогоров, находился и НП. Справа — селение Чеченская Балка. Через него из Малгобека на Моздок протянулась тонкая нить узкоколейки, по ней подвозилась нефть.

Замаскировавшись, к стереотрубе приник командир отделения разведки сержант Старич. Большая группа немецких танков атакует позиции 62-й морской стрелковой бригады. Но вот часть танков повернула в направлении позиций полка. Старич доложил командиру полка Петруне, а тот приказал батареям изготавиться к ведению огня прямой наводкой.

Двадцать танков атакуют позиции Петруни. Полк открыл огонь. Загорелись шесть машин врага. Остальные танки начали пятиться и отходить.

Запорошенные пылью, покрытые копотью артиллеристы и пехотинцы с ненавистью смотрели вслед отступавшим танкам. Гвардейцы выстояли. Только смерть могла вывести их из строя.

«КОНЦЕРТ» ПО ТОЙ ЖЕ «ПРОГРАММЕ»

Затишье длилось недолго. Противник не собирался отдыхать. И уж, конечно, в его планы не входило давать передышку нашим частям.

На позиции 62-й бригады снова обрушились тысячи мин и снарядов. Одновременно авиация противника нанесла бомбовые удары по нашей артиллерии. Утренний «концерт» повторялся по той же «программе». Весь передний край обороны бригады Кудинова затянуло клубами пыли и порохового дыма.

Ровно в полдень началась новая атака гитлеровцев. На сей раз вражеское командование бросило против бригады на участке фронта шириной не более четырех километров сто танков. За ними двигалось множество пехотинцев. Направление удара совпадало с дорогой, что вела

из Моздока на Вознесенскую через Красную Горку. Несмотря на то, что противник увеличил число атакующих боевых машин втрое, передовые батальоны не дрогнули. Успешно применяя новую тактику борьбы с бронетанковыми силами, стрелки хладнокровно пропустили танки через линию окопов в глубину обороны, предоставив нашей артиллерии бить вражескую технику прямой наводкой. Сами же, уничтожив противотанковыми гранатами и бутылками с горючей смесью несколько вражеских машин, занялись пехотой, которая под шквальным огнем пулеметов и автоматов на большинстве участков была вынуждена залечь. Но в отдельных местах врагу все же удалось ворваться в первую траншею. Оттуда доносились разрывы гранат: шла рукопашная схватка.

На участке, где держало оборону отделение старшего сержанта Бренера, вражеская пехота залегла в ста метрах от наших окопов. Но всего в десяти — пятнадцати метрах от первой нашей траншеи, буквально поливая ее огнем пушки и пулемета, упрямо маячила громадина Т-IV, стремившегося во что бы то ни стало проложить дорогу своим пехотинцам. Когда танк двинулся прямо на окоп, отделенный приказал бойцам приготовиться к отражению пехоты, а сам затаился с бутылкой горючей смеси. И как только Т-IV, обваливая стены траншеи, прогрохотал над его головой, Бренер метнул бутылку в моторную часть. Пламя сразу охватило машину, мотор заглох. Экипаж выскочил наружу, но тут же был уничтожен огнем гвардейцев. Откатилась и залегла кинувшаяся было вслед за своим танком вражеская пехота.

Неожиданно обстановка осложнилась: внутри остановленного танка начал рваться боезапас. Сержант приказал бойцам отойти от машины на безопасное расстояние, не прекращая огня по пехоте противника.

А неподалеку прижали вражеских пехотинцев к земле стрелки старшего сержанта Горбачева. На этом участке враг тоже пытался ворваться в наши окопы под прикры-

тием своего танка, но старший сержант подорвал машину противотанковой гранатой.

По-иному сложилась обстановка на участке взвода лейтенанта Виктора Ивановича Бойцова. Здесь один из танков противника, перемахнув через траншею, почти сразу же развернулся на сто восемьдесят градусов и снова ринулся на линию наших окопов, старательно «утюжа» их. Танкисты бросили из люков несколько гранат. В этот критический момент лейтенант Бойцов, пренебрегая опасностью, поднялся во весь рост и метнул в Т-IV бутылку — на броне вспыхнуло пламя. Тем временем вражеская пехота просочилась в траншею слева и справа. Поредевший взвод оказался в полуокружении. Бойцы поняли: настал час самого сурового испытания. И распахнулись солдатские гимнастерки, обнажились полосатые флотские тельняшки. Черные матросские бескозырки, бережно хранившиеся на груди, лихо надвинулись вместо запыленных касок.

А фашисты кричали:

— Рус, сдавайс! Матрозен, давай плен!

— А ну-ка, дай ему плен, Готовкин! — насмешливо бросил Бойцов сухощавому старшине 1-й статьи.

— Есть! — ответил Готовкин, посылая в направлении голоса автоматную очередь.

Враг открыл бешеный огонь, но горстка моряков не дрогнула. Старшина 1-й статьи Готовкин, краснофлотцы Выворов, Соловьев, Кривонин, Жаркелов, Верисов и другие, сплотившись вокруг своего раненого командира, продолжали мужественно сражаться. Ни сломить сопротивление моряков, ни продвинуться дальше в глубь нашей обороны вражеская пехота не смогла.

Не добились фашисты успеха и на участке отделения сержанта Абита Сарманова. Положение здесь также было осложнено тем, что пришлось драться в полуокружении. Метким огнем из всех видов стрелкового оружия Сарманов и его боевые друзья привели врага в замешательство.

И тогда сержант поднял свое отделение в контратаку. Яростным ударом гвардейцы выбили врага из траншеи. Но мужественный сержант погиб в этой контратаке смертью героя.

Большой урон пехоте противника нанесли бойцы пулеметной роты. Своевременно меняя позиции, пулеметчики прижимали врага к земле. Их огневая поддержка во многом способствовала тому, что наши стрелковые подразделения успешно отсекали фашистских солдат от танков. Младший сержант Пинаркин, поддерживая огнем отделение старшего сержанта Бренера, уничтожил из пулемета более полусотни гитлеровцев.

Политрук роты Летемин умело руководил действиями бойцов-пулеметчиков. В разгар боя он заметил тяжело раненного наводчика и в течение нескольких часов вел по врагу огонь. Его сразило пулей у раскаленного пулемета.

КАПЛЯ, ПЕРЕПОЛНИВШАЯ ЧАШУ

Не менее напряженный бой вела в глубине обороны наша артиллерия. Если во время предыдущей атаки основной удар танков противника пришлось отражать первому дивизиону 98-го артполка и 47-му отдельному противотанковому дивизиону, то теперь основной свой удар гитлеровцы направили против артиллерийского дивизиона 62-й бригады, которым командовал капитан Василий Кузьмич Токарев. Он видел со своего НП, как более тридцати машин противника, перевалив через боевые порядки третьего стрелкового батальона, двинулись вдоль дороги Моздок — Вознесенская, и приказал изготавиться к стрельбе.

Выстроившись шахматным порядком, чтобы дать возможность вести огонь идущим позади, вражеские машины неторопливо двигались вперед.

— Как на параде идут,— заметил Токарев.— На психику дают! Тридцать штук! Многовато...

Двадцать орудийных расчетов изготовились к стрельбе.

Первая батарея старшего лейтенанта Ивана Федоровича Хотулева, как и другие подразделения дивизиона, несколько поредела после вторичного налета вражеской авиации. Это усложняло выполнение боевой задачи, тем более, что против этой батареи гитлеровцы бросили семнадцать танков из тридцати.

Хотулев принял решение подпустить танки на расстояние верного выстрела. Он видел, что люди нервничают, и чтобы разрядить обстановку, запел свою любимую — «Синий платочек». Песню слушали командиры орудий В. И. Мильчаков, Г. А. Богданов, наводчики Е. М. Данилов, В. В. Бутаев, номера орудийных расчетов... После песни прозвучала команда «Огоны!».

Первыми выстрелами орудия Скрипникова и Богданова уничтожили две вражеские машины. Танки открыли по батарее шквальный огонь. Ранило командира огневого взвода лейтенанта Корсакова, вывело из строя орудие сержанта Скрипникова, был тяжело ранен лейтенант Четыркин...

Касательное ранение в голову получил командир орудия сержант Фирсанов. Его уговаривали покинуть поле боя.

— Отставить разговоры! — приказал сержант. Он встал к орудию за наводчика и, вращая маховик горизонтальной наводки, начал ловить в перекрестие вражескую машину. Первым же снарядом Фирсанов поразил танк.

— Запишите на мой текущий счет,— пошутил командир.

По соседству грохнуло орудие сержанта Мильчакова — еще один Т-IV завертелся волчком, поднимая бурую пыль.

— Не отстают соседи,— заметил Фирсанов и снова командовал: — Заряжай!

И тут же увидел: возле позиции соседей вздыбилась земля — орудие вышло из строя. Мильчакова отбросило взрывной волной на ящики с боеприпасами. Бойцы расчета получили тяжелые ранения и продолжать бой не могли.

Мильчаков поднялся, помог товарищам наложить повязки на раны, затем ушел в соседний расчет заменить там убитого наводчика.

Один за другим выходили из строя гитлеровские танки, подбитые орудиями дивизиона. Но панцирников оказалось очень много, и артиллеристы несли потери.

Вот убило еще одного наводчика. На его место стал командир огневого взвода младший лейтенант Константин Петрович Андрееenko, подбивший два вражеских танка. Тяжело ранило политрука батареи Михаила Железнякова.

Особенно трудно пришлось артиллеристам на левом фланге. Здесь, на батарее Хотулева, подбившей шесть танков, осталось только два орудия. А танки все ближе... Артиллеристы стали было разбирать бутылки с горючей смесью, но вражеские машины вдруг изменили направление, и, свернув круто вправо, начали обходить ее. Но были встречены огнем батареи лейтенанта Керцмана.

Находившиеся на огневых позициях заместитель командира батареи лейтенант Литовчин и командир огневого взвода лейтенант Кубарев приняли верное решение: подпустить танки противника на расстояние прямого выстрела и накрыть их внезапным огнем.

Неожиданный огневой удар батареи ошеломил врага. Его машины торопливо меняли направление движения. Но расчеты сержантов Бородулина и Бурмистрова прицельным огнем подбили три гитлеровских танка. Остальные предпочли отход. И тогда громоподобный залп потряс

землю. Это орудия 68-го тяжелого артполка ударили по танкам прямой наводкой.

Надо заметить, что артиллеристам этого полка нелегко было поражать такие маневренные цели, как танки. Ведь тяжелое орудие — не сорокапятка, легкая, способная быстро взять в перекрестие своего прицела движущуюся на большой скорости машину. Естественно, что из тяжелого орудия реже удаются прямые попадания. Но есть у них свое неоспоримое преимущество: сила разрыва их снаряда такова, что даже попавший не прямо в цель, а поблизости, он может повредить ходовую часть танка.

Над перевалом грохотала канонада. Повсюду видны разбитые Т-1V. Танковые башни, вырванные «с корнем», отлетели на несколько метров в сторону. Густые клубы пыли и дыма застилали поле боя, но и сквозь них можно было видеть, как замирали то здесь, то там исковерканные танки.

Врагу такая встреча пришлась явно не по вкусу. Около десятка танков устремились в промежуток между фланговым дивизионом 68-го артполка и дивизионом капитана Токарева. Противник намеревался прорваться по дороге к перевалу, с ходу захватить его и тем самым обеспечить свободное продвижение пехоте.

Артиллеристы стремились остановить движение этой группы, однако им удалось подбить только две машины. А преградить оставшимся танкам дорогу нужно было во что бы то ни стало. Эту задачу взяла на себя рота автоматчиков 62-й бригады. Командир роты капитан Чистяков и политрук Салунин вызвали добровольцев-гранатометчиков. Желание изъявили все как один. Капитан отобрал лучших: Михаила Ивановича Адамова, Сергея Васильевича Колотушкина, Михаила Степановича Быкова, Александра Григорьевича Жилкина и их командира — сержанта Беберты Дзарасова.

Выдвинувшись вперед, пятеро гвардейцев замаскировались в кустарнике вдоль обочины дороги.

— Бить наверняка, — предупредил товарищей Дзарасов. — Как пятерка Фильченкова под Севастополем.

Танки приближались. Слышался лязг гусениц. Порывы ветра доносили запах перегретого машинного масла.

— Бей! — крикнул Дзарасов, когда первая четверка машин поравнялась с укрывшимися в засаде краснофлотцами.

Сверкнув на солнце, полетели пять бутылок с КС. Четыре машины загорелись почти одновременно. Остальные резко сбавили скорость, остановились, а затем торопливо поползли назад, обстреливая кусты из пулеметов. Моряки прижались к земле.

— Целы? — спросил Дзарасов.

— Жилкина убило, — тихо ответил Колотушкин.

Дзарасов молча снял каску.

Сурово сжав губы, четверо моряков возвращались в расположение роты. Над ними с визгом пролетали осколки, свистели пули. А они шли, неся на плечах павшего товарища, шли скорбные и грозные.

...Бой продолжался. И еще нельзя было определить, на чьей стороне перевес.

Полковник Бушев, получив приказ, контратаковал слабо защищенный левый фланг противника силами резервной группы. Контратака была успешной — группа Бушева стала выходить на тылы наступающего врага. Командующий 9-й армией генерал Коротеев прислал большую группу штурмовиков Ил-2. Они обрушили свой удар на атакующие танки. И, наконец, в моем резерве оставался еще один залп 50-го полка гвардейских минометов. Я решил использовать его сразу же по окончании налета авиации. После залпа огромное количество разрывов наблюдалось в самой гуще боевых порядков противника.

Наверное, все это и явилось той каплей, которая переполнила чашу весов и решила исход боя в нашу пользу.

Бой начал угасать. С НП видно было, как откатывались назад гитлеровцы, оставляя на поле исковерканные, горящие танки, сотни убитых солдат и офицеров.

Командир 62-й бригады полковник Кудинов, НП которого находился в непосредственной близости от места боевых действий, постоянно докладывал о малейших изменениях в обстановке. Видя, что фашистские войска отступают по всему фронту его бригады, Серафим Павлович хриплым голосом сообщил по телефону:

— Товарищ генерал! Фашисты отступают на всех участках! Не выдержали нашего огня.

Я ответил, что вижу отход противника, и поздравил полковника с успехом:

— Герои твои гвардейцы, Серафим Павлович. Поблагодари их от имени командования.

— Кого поблагодарить конкретно, товарищ генерал?

— Всех! Всю бригаду! Да, вот, чуть не забыл... У нас сейчас кое-где мода завелась — бумагу экономить. Так ты уж, Серафим Павлович, проследи, чтобы бумагу экономили не во время составления наградных листов...

Кудинов пообещал лично проследить, чтобы всех достойных представили к наградам.

А награждать было кого. Гвардейцы били фашистскую нечисть с исключительным мужеством и высоким воинским мастерством, несмотря на то, что в этом бою у гитлеровцев было явное преимущество в военной технике. Противник имел свыше сотни танков, был обеспечен мощной поддержкой авиации, господствовавшей в воздухе. Мы же, почти лишенные танковых частей, смогли противопоставить вражеской технической оснащенности только умелое использование своей артиллерии и личных средств борьбы с танками. А, главное, необычайную силу

духа, безграничное мужество и сплоченность. И мы победили.

Оценивая боевые действия наших войск на этом участке фронта, Маршал Советского Союза А. А. Гречко в своей книге «Битва за Кавказ» уделяет сражению у Красной Горки особое внимание, подчеркивая, что в ходе его фашисты понесли громадные потери.

Нанести такой урон врагу могли только люди, слитые в единый боевой коллектив, вдохновленные одной идеей, сплоченные вокруг коммунистов.

Когда становилось особенно трудно, звучал призыв: «Коммунисты, вперед!». И люди, хранившие у сердца партийные билеты, увлекали за собой бойцов в контратаку, преграждали путь гитлеровским палачам. Таким был комиссар батальона старший политрук Василий Федорович Житников, возглавивший атаку четвертой стрелковой роты и погибший от тяжелого ранения.

Таким был и политрук роты Аршак Шамирович Амбарцумян, личным примером вдохновивший бойцов на отражение танковой атаки и подбивший фашистскую машину. Как и политрук пулеметной роты Летемин или командир батареи коммунист Кочергин, Амбарцумян свято исполнил долг коммуниста и патриота.

Можно назвать много фамилий, описать десятки подвигов, совершенных коммунистами корпуса, в особенности теми, кому партия доверила идейно-политическое воспитание воинов. Они всегда были на переднем крае, в самых трудных местах подавали пример беззаветной преданности Родине. Многие из них не увидели нашей победы в сражении у Красной Горки 6 сентября 1942 года.

Начальник политотдела 62-й отдельной морской стрелковой бригады старший батальонный комиссар Погромский вскоре после боев рапортовал комиссару корпуса Базилевскому: «За время боев с 4 по 6 сентября бригада потеряла политруков рот — 12, военкомов батальона — 2. Прошу дать пополнение».

Выбыли из строя такие прославленные бойцы, как политрук батареи Железняков, политрук второй роты Пинкин, секретарь партийного бюро артдивизиона политрук Архипов... Эти замечательные люди привели в надлежащую «боевую готовность» солдатскую душу — самое грозное оружие для победы над врагом. А победа была полной.

Начальник генерального штаба сухопутных войск немецкой армии генерал-полковник Ф. Гальдер, получив донесение о результатах боя 6 сентября под Моздоком, в своем военном дневнике 7 сентября 1942 года записал следующее: «Войска ударного крыла на Тереке лишь незначительно продвинулись вперед».

7 сентября части 11-го гвардейского стрелкового корпуса сами перешли в наступление и отбросили противника на девять километров в северном направлении. И хотя нам не удалось полностью ликвидировать плацдарм немцев южнее Моздока, все же это явилось показателем роста наших сил и военного мастерства.

За время боев с 1 по 12 сентября противник в этом районе понес следующие потери: 118 танков, 80 орудий и минометов, 59 автомашин с грузом и более 4 тысяч солдат и офицеров.

Военный совет Северной группы войск Закавказского фронта в своем обращении к личному составу 11-го гвардейского стрелкового корпуса от 12 сентября 1942 года подчеркивал, что гвардейцы, стойко и самоотверженно отражая удары гитлеровцев, нанесли значительный удар врагу, разгромив его 3-ю танковую дивизию и основательно потрепав 370-ю пехотную дивизию.

Военный совет объявил благодарность всему личному составу корпуса, всех приданных ему частей и выразил уверенность в том, что гвардейцы и впредь будут так же самоотверженно сражаться за родную землю, бить врага до полного уничтожения.

Глава четвертая

НА ПОДСТУПАХ К ОРДЖОНИКИДЗЕ

В КОРПУСЕ — НОВАЯ БРИГАДА

Два месяца вела напряженные бои 1-я танковая армия противника, стремясь прорваться к Орджоникидзе и Грозному, а оттуда — на Тбилиси и Баку. Понеся в районе Моздока и Эльхотово значительные потери и не добившись успеха, противник решил действовать на новом оперативном направлении. Сосредоточив в районе Прохладной 13-ю и 23-ю танковые, 2-ю румынскую горнострелковую дивизии, полк «Бранденбург» и другие части, он нанес удар по боевым порядкам нашей 37-й армии, овладел Нальчиком и продолжал развивать наступление на восток. Передовые части 13-й танковой дивизии уже подходили к Чикале. Над столицей Северной Осетии нависла смертельная опасность.

В это время 11-й гвардейский стрелковый корпус находился в резерве командующего Северной группой и располагался в районе Средних Ачалуп. Из состава корпуса вышли 8-я и 9-я гвардейские стрелковые бригады. Вместо них влилась 34-я стрелковая бригада полковника Ворожищева, сформированная в Сумгаите и укомплектованная курсантами пехотных и военно-морских училищ. Это были молодые бойцы. Движимые высокими патристическими чувствами, они рвались в бой. И я крепко верил и надеялся, что такие люди не подведут.

Выполняя приказ, корпус совершил шестидесятикилометровый марш и к утру 28 октября занял оборону по внешнему обводу Орджоникидзевского оборонительного района. 34-я стрелковая бригада заняла оборону на участ-

ке Фиагдон — Дзуарикау, прикрыв наиболее вероятное направление главного удара. 62-я морская стрелковая бригада заняла оборону севернее — на правом фланге.

31 октября с самого утра через передний край начали отход части, державшие оборону на реке Ардон. Было уже известно, что после захвата Нальчика противник продолжал продвигаться в юго-восточном направлении, занял города Дигора, Алагир, Ардон и теперь находился в пятнадцати километрах от нашей передовой.

Бойцы 34-й бригады суровыми взглядами провожали отходившие поротно, повзводно и отдельными группами части. Порой кто-нибудь из курсантов бросал:

— Драпаете, соколики?

Однако насмешника тотчас одергивали:

— Заткнись, герой кухонный! Сам сначала повоюй!

Отходившие бойцы, покрытые пылью и копотью, в разговор не вступали. Шли молча, угрюмо глядели в землю.

На северной окраине селения Майрамадаг к повозке с ранеными подошел крепко сбитый моряк-автоматчик. Нацелившись глазом на снайперскую винтовку одного из отходивших раненых красноармейцев, он негромко сказал:

— Отдай винтовку, парены!

— А вот это видел? — раненый показал внушительный кукиш.

— Да ведь тебе она вроде бы теперь ни к чему.

— Ошалел, что ли?

— Да что с тобой толковать, — и автоматчик попытался силой отобрать винтовку. Но за снайпера вступились товарищи. Подошел начальник медсанбата, пожилой военврач.

— В чем дело, товарищ? Кто вам дал право отбирать оружие?

— Никто мне такого права не давал, товарищ военврач третьего ранга,— хмуро ответил автоматчик.— А только не с руки мне автомат. Снайпер я. Винтовок с оптическим прицелом не хватает. А эта попусту в тыл едет!

— А что? Моряк дело говорит,— заметил военврач.— Может, передадите товарищу оружие? Оформим документально. А?

— Зарубки на прикладе видишь? — сказал тогда снайпер моряку.— Семнадцать зарубок — семнадцать фашистов. Доведешь счет до сотни. Ясно? А я подлечусь и проверю. На!

— Благодарю!

— Как звать-то тебя?

— Старшина первой статьи Николай Громов,— отчеканил моряк.

Наступил полдень, а отходящие подразделения и отдельные бойцы все шли и шли через передний край бригады. Парило. С северо-запада наползали клочковатые облака, сбивались в тяжелые тучи. Порывы ветра колыхнули уцелевшие остатки кукурузного поля.

Бригада Ворожищева была уже в полной боевой готовности. Занял свои места на НП командный состав. Изготавливались к бою орудийные и пулеметные расчеты.

К середине дня через расположение бригады прошли последние части прикрытия. Теперь между гитлеровцами и нашим корпусом не было ни единой живой души, если не считать разведки, которую комбриг вчера еще отправил в населенные пункты Хаталдон и Рассвет. Перед разведчиками была поставлена задача — замаскироваться и наблюдать за действиями гитлеровцев, определить силы противника и предполагаемое направление удара.

К вечеру 31 октября в селение Хаталдон вступил передовой отряд противника — несколько десятков мото-

циклистов и не менее тридцати танков. Видимо, это была разведка и авангард 13-й танковой дивизии вермахта. Установив все это, наши разведчики возвратились под покровом ночи в расположение бригады.

РАЗВЕДКА БОЕМ

Проснувшиеся до срока бойцы передней траншеи начинали первый день ноября непривычно тихо. Над долиной клубился туман.

Вдоль траншеи потянулись сизые струйки махорочного дымка. Забулькала во флягах вода. А общий любимец сержант Маркевич переделывал пушкинские строки на фронтовой лад:

Клубился над рекой туман.
«Лаптей» фашистских караван
Гудел над нами. Приближалась
Весьма горячая пора...
Стоял ноябрь уж у двора...

— Дайте ему кто-нибудь кусок хлеба! — крикнул старший сержант Приходько. — Пусть рот заткнет, а то, ей-богу, накличет пикировщиков.

— Воз-ду-ух! — раздалась команда.

Послышался протяжный ноющий гул, и не менее сорока Ю-87, или «лаптей», появилось над нашими позициями.

— Ну, что я говорил? — только и успел крикнуть Приходько.

Бомбы, обрушившиеся на передний край обороны, вздыбили землю. Более двух часов продолжалась непрерывная бомбардировка позиций второго и четвертого батальонов 34-й бригады. Особенно старательно пикировали «юнкерсы» на противотанковый ров, стремясь раз-

рушить его. Не были забыты и наши артиллерийские позиции.

Часам к одиннадцати последняя волна пикировщиков, отбомбившись, ушла восвояси. Стихло. Медленно оседал дым. Бойцы второго батальона, чихая, кашляя и отчаянно ругаясь, выкапывались из земли. Командир, старший лейтенант Сатаев, старался разглядеть со своего НП, насколько пострадал передний край.

— Товарищ батальонный комиссар,— обратился он к начальнику политотдела бригады Петру Григорьевичу Петибскому.— Я вас оставлю на несколько минут.

— В роты мотнуться хотите? — сказал, улыбнувшись, Петибский.— Ну, идите-идите, беспокойная душа.

Комбат исчез в ходе сообщения. Спотыкаясь, перекакивая через завалы, он спешил в роту Смирнова. Судя по действиям вражеской авиации, основной удар был нанесен именно здесь. Необходимо было уточнить, как обстоят в роте дела, велики ли потери. А связь, как назло, вышла из строя: провод был перебит.

Сатаев, ругая в душе связистов, повернул вправо по ходу сообщения и столкнулся с курсантом Алексеем Хилько, тащившим телефонный аппарат и катушку.

— Товарищ старший лейтенант! Связь с НП батальона восстановлена,— доложил Хилько.

— Ты бы еще до вечера копался...— проворчал Сатаев.

— Так ведь в трех местах обрыв был!

— Ну, если в трех, тогда ладно,— дружелюбно улыбнулся комбат.

В роте уже навели относительный порядок. Бойцы торопливо поправляли обвалившиеся кое-где стенки траншеи, восстанавливали местами разрушенный бруствер.

— Потери есть?

— Потерь нет, товарищ старший лейтенант,— ответил командир роты.— Разве что ров противотанковый потеряли.

Ров теперь представлял собой хаотическое смешение

земляных глыб, осыпей, воронок и не был уже препятствием на пути танков.

— Новый копать некогда,— жестко сказал Сатаев.— Будешь держаться так.

...Подминая гусеницами высокие стебли кукурузы, на наши позиции двигались вражеские танки. Они шли со стороны Хаталдона по обеим сторонам дороги Алагир — Орджоникидзе, намереваясь прорвать оборону бригады Ворожищева на стыке второго и четвертого батальонов. Атаковали двумя эшелонами, шедшими с интервалом триста — пятьсот метров. Первый эшелон двигался на значительной скорости и немного снизил ее, проходя разрушенный противотанковый ров. Этой небольшой задержки оказалось достаточно для артиллеристов взвода ПТО второго батальона, которые меткими выстрелами поразили два вражеских танка.

Однако остальные машины продолжали двигаться вперед и вскоре перевалили через первую траншею. Приходько послал в моторную часть одного из танков бутылку с горючей смесью. Над остановившейся машиной бушевало пламя. Танковые пулеметы пытались поразить укрывшегося старшего сержанта, но безуспешно.

Танки двигались дальше, но тут вспыхнул еще один, подожженный бутылкой с горючей смесью, брошенной рядовым Салиджановым. Танки замедлили ход. Теперь они выбирали свой путь осторожно, ведя непрерывный огонь из пулеметов, не давая нашим бойцам возможности поднять голову для броска бутылки или гранаты.

Открыла огонь приданная батальону батарея истребительно-противотанкового дивизиона и расчеты ПТР.

Наводчик противотанкового ружья старший сержант Бессонов открыл огонь по танкам при переходе через ров, однако на таком расстоянии поразить цель ему не удалось. А когда враг приблизился, слишком узкий сектор обстрела дзота не позволил вести прицельный огонь.

— Дур-рацкая затея — пэтээровцев в дзоты прятать, — ворчал старший сержант, выбираясь из-под наката и деловито устраиваясь с ружьем на открытой позиции.

— Теперь все гады, как на ладони! — И Бессонов шутливо скомандовал: — По порядку номеров р-рассчитайсь!..

Прогремел выстрел, за ним — второй. Замер, дернувшись, первый танк, из смотровых щелей повалил серо-черный дым.

— Следующий! — весело крикнул Бессонов, но тут же схватился за предплечье.

Стиснув зубы, он продолжал вести огонь и, подбив второй танк, оторвался от ружья, чтобы наложить повязку.

Ожесточенный бой разгорелся и на участке четвертого батальона. Здесь противник пытался прорваться через боевые порядки первой роты лейтенанта Виноградова. Курсанты — еще необстрелянные — с поразительным хладнокровием встретили врага.

Танк, подорванный связкой гранат сержанта Короткова, потерял гусеницу и завертелся волчком. Пушка и пулемет его продолжали вести огонь. Однако командир сорокапятки сержант Анатолий Трифонов сразу приметил эту остановленную машину — приземистая противотанковая пушка стремительно развернулась и ударила прямой наводкой. Тогда, обходя горящую машину, к траншее двинулись два других танка. Навстречу одному из них полз по-пластунски красноармеец Штерн. Недаром говорится, что смелость города берет. Маскируясь, боец поравнялся с Т-IV и метнул в него бутылку с горючей смесью. Танк загорелся, а Штерн тут же возвратился к себе в траншею.

Остальные танки продолжали атаку, ведя на ходу бешеный огонь из пушек и пулеметов. Потеряв еще две машины, противник сумел наконец прорваться через

первую линию наших окопов. Но здесь врага встретил огонь ПТР и сорокапятков.

Наводчик противотанкового орудия сержант Собко дважды ловил в перекрестие прицела головной танк. Но тот, словно чувствуя опасность, то резко сбавлял скорость, то круто разворачивался на месте. Снаряды ложились на метр-полтора впереди. Тогда командир расчета сам занял место у прицела. Как только передний каток танка попал в перекрестие, скомандовал:

— Огонь!

Выстрел был меткий — в танке взорвались снаряды.

Другие танки немедленно перенесли огонь на орудие Собко. Во время перестрелки загорелись еще два танка, подбитые из ПТР сержантом Кудрей и Борисовым.

На выручку боевым друзьям пришел и расчет четвертого орудия первой батареи 337-го истребительно-противотанкового дивизиона. Этот расчет под командованием сержанта Горба подбил одну и серьезно повредил другую вражескую машину.

Теперь, когда танки первого эшелона противника сосредоточили свой огонь на сорокапятке Собко, расчет четвертого орудия решил сделать все возможное, чтобы не допустить гибели боевых товарищей, дружба с которыми окрепла в боях под Севастополем.

Наводчик краснофлотец Петр Тимофеевич Бурый прильнул к прицелу, тщательно навел орудие. Один из вражеских Т-IV, проявлявший особую активность, был поражен...

Противник пришел в замешательство, танки остановились, затем дружно стали пятиться назад. Один за другим скрывались они в высокой кукурузе. Бой затихал. Надолго ли?

Судя по всему, это была разведка боем, потому что в атаке не принимала участия мотопехота, а отсутствие артподготовки свидетельствовало о том, что артиллерия противника еще на подходе.

Командующий Северной группой войск Закавказского фронта озабоченно поглядывал на оперативную карту, по которой я докладывал ему обстановку. После неудач 37-й армии генерал Масленников здорово сдал. Черты лица его заострились, глаза приобрели нездоровый блеск, между бровей залегла глубокая морщина. Чувствовалось, что Иван Иванович глубоко тревожится за судьбу столицы Северной Осетии.

Неподалеку взорвалась авиабомба. Посыпались стекла и штукатурка.

— Это уж, похоже, по нашу душу. Товарищ командующий, прошу пройти в щель,— сказал адъютант.

Мы спустились в щель. Масленников pokruxтел, удобнее устраивая ногу, поврежденную еще в гражданскую войну. Слышны были яростные хлопки зениток 54-й батареи, прикрывавшей штаб корпуса. Внезапно ошеломляющей силы взрыв потряс воздух— в щель сыпануло рыхлой землей. Все вокруг заволокло едким дымом.

Отряхиваясь, мы выглянули наружу. Дом, стоявший рядом, смотрел черными глазницами выбитых окон.

«Юнкерсы» бомбили Гизель. Прерывистый гул их моторов заглушался грохотом разрывов и звонкими хлопками зенитных орудий. 54-я батарея мужественно отражала вражеский налет, небо над Гизелью было в белых облаках разрывов.

— Слабовато бьют зенитчики,— недовольно заметил генерал Масленников.— Кто там у вас командует?

— Командир батареи старший лейтенант Кравченко,— ответил я.— Опытный артиллерийский командир, товарищ командующий.

— Отчего же батарея такого опытного артиллериста ни одной цели поразить не может?

Словно в ответ Масленникову один из Ю-88 качнулся,

задымил правым мотором и, заложив крутой вираж, потянул восвояси. Вскоре с оглушительным грохотом разлетелся на части второй бомбардировщик. Видимо, зенитный снаряд угодил ему в боезапас.

Генерал Масленников тотчас отдал должное мастерству батарейцев:

— Молодцы артиллеристы! Зря я на них ворчал... Настроение у меня паршивое. Где уж тут объективным быть...

После бомбежки в Гизели не осталось ни одной целой крыши — черепичная кровля отнюдь не лучшее прикрытие от «стального дождя».

Мы торопливо пошли к штабу. Под сапогами хрустело битое стекло и обломки черепицы. За ворот набилась земля, песок скрипел на зубах. Но в тот момент больше всего беспокоило меня только одно — связи!

Связи с бригадой Ворожищева все еще не было. О том, что происходило на ее участке, судить можно было только по непрерывному грохоту да густой туче пыли и дыма, которые застилали весь горизонт от Фиагдона до Дзуарикау.

ЛЕЙТЕНАНТЫ

Лейтенант Смирнов очнулся оттого, что его настойчиво тянули за ногу. Он попробовал пошевелиться, но не смог. Грудь, плечи и руки были сдавлены, свободными оставались только ноги и голова. Было трудно дышать, мешала тупая боль в затылке. Кто-то настойчиво продолжал дергать ногу. Теперь Смирнов услышал насмешливый голос Карибского:

— А ну, вылазы! Ночевать там собрался, что ли?

Лейтенант пошевелился. Со спины покатались комья земли.

Выбравшись с помощью Карибского из завала, Смирнов осмотрелся. На позиции второго и четвертого батальонов двигалось не менее ста вражеских танков. За ними шли автоматчики. Дальше виднелись бронетранспортеры с пехотой.

— Мать честная! Вовремя ты меня вытащил, Петр Андреевич. Ну, спасибо! И будь здоров! Побегу, в роту надо!

Лейтенант Карибский, качнув головой, посмотрел ему вслед и, согнувшись, пошел в противоположном направлении — на левый фланг батальона. Там выбрал себе огневую позицию пулеметный расчет Приходько. Но лейтенанту не удалось добраться туда. Танки почти вплотную подошли к первой линии окопов. В полный рост шла за ними пехота противника. А у Николая Науменко, старшины пулеметной роты, как на грех, вышел из строя «максим».

— Что случилось, Николай?!

— Заклинило, товарищ лейтенант.

Карибский и старшина хладнокровно устраняли повреждения, когда Т-IV тяжело навалился на их укрытие. Науменко рванулся было к нише с гранатами и бутылками, но лейтенант удержал его. Танк прогрохотал над головами, обваливая стенки окопа. Гитлеровские автоматчики оказались буквально в сотне метров от бруствера. Но тут наконец заговорил «максим» старшины. Автоматчики залегли, а прикрывавший их танк с неожиданной быстротой развернулся и снова двинулся на окоп. Карибский метнул под его заляпанное грязью днище противотанковую гранату. Подорванная машина остановилась в нескольких метрах от бруствера. Соседние танки немедленно открыли огонь по пулеметчикам, но те оставались неуязвимыми.

— Молодец, старшина! — похвалил лейтенант Науменко. — Хорошую позицию выбрал. Так и продолжай действовать.

— Да это не я,— отозвался старшина.— Пулемет-то Алехина.

— А где Алехин?

— Нету Алехина, Петр Андреевич. И расчета его нету. В бомбежку погибли.

А на стыке флангов второго и четвертого батальонов, где земля, казалось, колебалась под тяжестью десятков танков, мужественно дрались пулеметчики Приходько. Здесь уже пошли в ход гранаты и бутылки с горючей смесью. И пока наводчик отсекал короткими очередями пехоту, старший сержант метнул гранату и повредил гусеницу Т-IV, шедшего прямо на его позицию.

Танк, крутнувшись на месте, открыл огонь. Экипаж не подпускал к машине наших воинов. Но Приходько не был новичком в единоборстве с танками. Используя каждую воронку, каждую неровность на местности, он подобрался к подбитой фашистской машине почти вплотную. Сверкнула в воздухе бутылка с горючей смесью, и багровые языки пламени заплясали на моторной части обреченного танка.

СВЯЗИСТ ХИЛЬКО

Было уничтожено восемь танков противника, но оставшиеся — целая бронированная армада — все еще продолжали двигаться по изрытому воронками полю, обстреливая наш передний край.

Старший лейтенант Михаил Гурьевич Сатаев видел это со своего КП. Он был уверен в своем батальоне, незадолго до атаки побывал во всех ротах, беседовал с людьми. И все-таки, когда танки продвигались через боевые порядки первой стрелковой роты, а расположившийся на ее правом фланге взвод ПТО со ста пяти-

десяти — двухсот метров начал вести огонь, Сатаев опустил голову.

Старший лейтенант только тогда поднял голову, когда почувствовал на своем плече руку. Это был начальник политотдела бригады батальонный комиссар Петибский. Стиснув зубами папиросу, комиссар жестом попросил прикурить... Сатаев долго искал в карманах спички. Затем решился взглянуть туда, где несколько минут назад еще был взвод ПТО.

Восемь исковерканных танков остались на выжженном пятачке кавказской земли, ставшем могилой взвода.

— Товарищ командир, штаб бригады вызывает, — окликнул комбата телефонист.

В трубке слышался злой, хриплый голос комбрига Ворожищева:

— Ты что там делаешь, Сатаев! Чай пьешь? Почему танки пропустили? Где твой взвод ПТО?

— Нет у меня взвода ПТО, товарищ полковник.

— Как это нет? Испарился, что ли?!

И тогда комбат не выдержал:

— Погиб взвод! Все погибли до единого человека! Подкреплений ваших ждал!

— Так... — голос Ворожищева сразу стал тихим и печальным. — Ты извини, брат, не знал я... Сам понимаешь... А насчет подкреплений не заикайся, нет у меня резервов. Что касается прорвавшихся танков, чтобы их не было...

Полковник Ворожищев дал отбой, и Сатаев понял, что нельзя ничего изменить, что помощи ждать неоткуда и что гитлеровские танки придется уничтожать своими силами.

— Хилько! — хмуро сказал он телефонисту. — Связь с минометной ротой!

Но Алексей только развел руками:

— Опять обрыв, товарищ старший лейтенант!

— Какой же ты связист, если у тебя связи нет? Давай

ноги в руки и бегом к минометчикам! Скажешь лейтенанту Сальникову: пусть танки уничтожит. На обратном пути восстановишь связь.

Хилько быстро добрался до минометчиков и передал приказ комбата.

Лейтенант Сальников, черный от копоти, с опаленными волосами и неизменной сигаркой в зубах, угрюмо выслушал связиста.

— Беспокойный комбат. Будто я и так не знаю, что этих гадов надо не «с музыкой» встречать. Ладно. Передай — сделаем. Да! Ты связист, что ли?

— Так точно!

— Значит, как при царе-горохе, в скороходы записался? Чтоб я тебя в роте больше не видел! Связь налаживай!

И Хилько побежал вдоль провода. Юркий и на диво хладнокровный, он устранил два порыва. Но неподалеку от воронки, в которой он сращивал концы перебитого кабеля, показался вражеский танк.

Противник заметил одинокого бойца и решил устроить «веселую охоту». Но курсант Бакинского пехотного училища Алексей Хилько, сняв телефонный аппарат и катушку, со связкой гранат устремился навстречу бронированной машине.

Пущенная вслед за гранатами бутылка с горючей смесью завершила дело. Перебив из автомата высокочивших танкистов, Хилько принялся восстанавливать связь.

Артиллеристы

На участке обороны второго и четвертого батальонов бой достиг кульминационного момента. Неся большие потери, вражеские танки рвались к высоте 608,2 и вдоль дороги на Орджоникидзе. Их авангард прошел все ли-

нии наших траншей и появился в непосредственной близости от огневых позиций отдельного истребительного противотанкового дивизиона 34-й стрелковой бригады.

Артиллеристы этого дивизиона поддерживали второй и четвертый батальоны.

Командир сорокапятки сержант Трифонов сосредоточенно следил за маневрами противника. Прицельное приспособление на его орудии вышло из строя во время бомбежки — огонь приходилось вести «на глазок». Но бывший курсант Севастопольского Высшего военно-морского училища имени ЛКСМУ имел за спиной опыт обороны Севастополя и любил повторять слышанное где-то присловье: «Стрелять можно и из капустной кадки, была бы злость». Впрочем, теперь, когда Т-IV шли прямо на позиции артиллеристов, можно было вполне обойтись без прицела.

Сержант, все время наблюдавший за бойцами своего расчета, понимал, что люди нервничают, и решил действовать за наводчика.

Приближаясь, танки непрерывно вели огонь. Трифонов навел орудие через ствол. Первый выстрел — мимо цели! Зло сплюнув, сержант снова навел орудие и на сей раз не промахнулся. Обходя с двух сторон подбитую машину, на орудие Трифонова устремились два Т-III. Тремя выстрелами сержант подбил еще один танк. До третьей машины оставалось не больше пятнадцати метров...

— Заряжай,— хрипло крикнул сержант и вдруг увидел бледное лицо наводчика.

— Снаряды вышли...

— Уводи расчет! — крикнул Трифонов наводчику.

И он остался у орудия с двумя противотанковыми гранатами в руках. Хруст раздавливаемой пушки слился с оглушительным грохотом взрыва...

Мужественно дрался с врагом и расчет сержанта Николая Лукина. Его сорокапятка, подбив головной танк,

на какое-то время привела противника в замешательство. Но, опомнившись, танки открыли по орудиям огонь и вывели сорокапятку из строя. Сержант Лукин погиб.

Уничтожив три из двенадцати наших противотанковых орудий, танки лавиной двинулись в прорыв и вскоре достигли высоты 608,2. Опьяненные успехом, фашисты попытались развивать наступление, но в бой вступили 76-миллиметровые орудия артиллерийского дивизиона 34-й бригады. А это никак не входило в расчеты противника, потерявшего к тому времени более двадцати боевых машин. Бой стал затихать. К вечеру над полем сражения воцарилась тревожная тишина передышки.

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

2 ноября 1942 года поздний осенний рассвет застал меня на корпусном НП, старательно оборудованном на самой вершине высоты 722,7 в километре южнее Гизели.

Связь с бригадой Ворожищева давно была налажена, и Александр Васильевич подробно доложил обстановку. Предпринятая накануне атака противника была, как я и предполагал, «генеральной репетицией» к готовящемуся сражению. По данным разведки, фашистское командование стягивало в район высоты 608,2 и к северной окраине Дзуарикау свежие танковые и моторизованные части. Подтянулась к району боевых действий и вражеская артиллерия. Все это свидетельствовало о решимости немецкого командования любыми средствами продолжать продвижение в сторону города Орджоникидзе. Я поинтересовался у полковника Ворожищева, не пришлось ли ему пустить в дело свой резерв. Вопрос этот был продиктован беспокойством за судьбу Суарского ущелья.

— Батальон моряков-автоматчиков буду держать до конца,— угрюмо ответил Александр Васильевич.— Если враг прорвет оборону, батальон запрет Суарское ущелье. Там и умрем.

По тону комбрига было ясно, что натиска сотни гитлеровских танков сильно поредевший батальон старшего лейтенанта Сатаева может не выдержать.

«А помощи не просит»,— подумал я, но в этот момент Ворожищев срывающимся голосом сказал:

— Дайте хоть батарею сорокапяток, товарищ генерал!

Значит, даже гордый комбриг Ворожищев, который никого никогда ни о чем не просил, не выдержал, сломил свое самолюбие, хотя знал, что резервов нет.

И я отказал. Я не имел права ослаблять и без того малочисленный резерв корпуса, в состав которого входили 6-й отдельный минометный батальон, 54-й пулеметный батальон, 47-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион и 54-я отдельная зенитно-артиллерийская батарея.

...В девять утра появились самолеты противника. Несколько групп пикирующих Ю-87 начали ожесточенно бомбить боевые порядки второго и четвертого батальонов. Артиллерийские позиции и второй эшелон 34-й бригады подверглись яростному бомбовому удару нескольких групп вражеских самолетов. Одновременно с авиабомбами фашисты сбрасывали тракторные колеса, пустые металлические бочки, двутавровые балки, издававшие при падении ошеломляющий вой и свист. Все это делалось для того, чтобы деморализовать наших бойцов, внести панику в их ряды. Но психическая атака гитлеровской авиации оказалась безуспешной. Хотя сто- и пятидесятикилограммовые «гостинцы» натворили немало бед, повредив несколько наших орудий и минометов.

Почти на нет были сведены все проведенные нами ночью саперные работы.

Не успела отбомбиться первая волна «юнкерсов», как открыла шквальный огонь вражеская артиллерия. Не менее четырех артиллерийских и минометных полков в течение получаса вели непрерывный обстрел нашей обороны. Замысел фашистского командования — уничтожить все живое на направлении предполагаемого танкового удара — осуществлялся последовательно и настойчиво.

Лишь по прошествии часа авиация противника очистила небо, а артиллерия и минометы перенесли огонь в глубину нашей обороны.

Буря туча пыли и дыма висела в воздухе над старательно перепаханной бомбами землей. Вдоль линии обороны второго и четвертого батальонов расстилалось, казалось, совершенно безжизненное, все в воронках, пространство. Но когда гитлеровские танки с присущей им самоуверенностью двинулись через эту «пахоту», земля ожила! Из обрушенных траншей, из-под ошенившихся переломанными бревнами дзотов, из полузасыпанных индивидуальных ячеек и пулеметных гнезд то здесь, то там поднимались с гранатами и бутылками с КС советские воины, вступая в единоборство с бронированными машинами.

В первые же минуты танковой атаки тяжелое положение сложилось на левом фланге второго батальона. Его прикрывали огнем пулеметы старшего сержанта Приходько и сержанта Маркевича. Именно на этот участок нашей обороны пришелся удар острия танкового клина. Пулеметчики, в задачу которых входило отсечение вражеской пехоты от танков, могли действовать только вполсилы, так как буквально за несколько минут до того пулемет Маркевича был приведен в негодность осколками снаряда. И тогда у сержанта возник дерзкий замысел: под огнем противника он пробрался к неболь-

шой впадине, где со вчерашнего дня стоял подбитый фашистский бронетранспортер. Вскоре оттуда послышался треск немецкого пулемета.

Противник не сразу сообразил, что произошло. За это время Маркевич успел уничтожить не менее двух десятков врагов. Но вскоре противник опомнился. По бронетранспортеру был открыт огонь из всех видов оружия. А когда и это не помогло, вражеский танк стремительно двинулся вперед, чтобы раздавить и машину, и укрывшегося в ней смельчака. Маркевич не стал ждать. Вооружившись двумя бутылками с КС, он пополз навстречу танку. Уже ощущался смрад перегретого машинного масла, отработанных газов и пороховой гари... И тут вражеская пуля попала в бутылку с горючей смесью! Пламя охватило сержанта, нестерпимая боль пронизала все его тело. Но он нашел в себе силы встать во весь рост и шагнуть навстречу танку. Т-IV попятился от этого живого факела. Теряя сознание, Маркевич успел поджечь вражескую машину.

Героическая гибель Маркевича вдохновила его боевых друзей на новые подвиги. Воины бесстрашно вступали в единоборство с бронированными чудовищами. Ценой своей жизни преграждали им путь. Так, ординарец лейтенанта Карибского красноармеец Александр Колотовкин с противотанковой гранатой бросился наперерез вражеской машине. Очередью из танкового пулемета он был тяжело ранен, но продолжал ползти и, наконец, бросился под гусеницы Т-IV, взорвал танк и погиб сам.

Один за другим сжег два танка лейтенант Карибский. Еще одну вражескую машину подорвал гранатой старший сержант Приходько.

Охраняя свой броневой заслон, пехотинцы противника активизировали свои действия. Немецкие автоматчики почти вплотную прижались к атакующим танкам. Такого нельзя было допускать. И политрук пулеметной

роты Королев заставил залечь пехоту противника. С левого фланга его поддержал пулеметный расчет Приходько.

Все же часть вражеских автоматчиков ворвалась в нашу траншею. Только что подорвавший два танка рядовой Салиджанов оказался лицом к лицу с врагами. Он уложил многих, но силы были явно неравными. И когда немецкая речь послышалась за спиной, он вынул из ниши последнюю противотанковую гранату... Родина посмертно наградила героя орденом Ленина.

★ ПОДВИГ МЛАДШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА ПЯТИСОТНИКОВА

Не менее жестокий бой вел в это время четвертый батальон, не желавший сдавать своих позиций. Яростные схватки шли за каждую улицу селения Дзуарикау, за каждый дом.

Наводчики ПТР красноармеец Борисов и сержант Кудря, подбившие по пять танков, теперь перенесли огонь на бронетранспортеры и автомашины с пехотинцами. Несколько машин загорелось. Горохом сыпались с них гитлеровские солдаты и тут же попадали под огонь пулеметчиков старшего лейтенанта Осипова и автоматчиков лейтенанта Кирьяна.

А в тылу батальона семь уцелевших пушек противотанкового дивизиона бригады вели неравный бой с шестью десятками атакующих танков...

Несмотря на героическое сопротивление двух стрелковых батальонов и артиллеристов бригады, к полудню 2 ноября крупные танковые силы врага прорвали фронт на участке второго батальона и рассекли оборону бригады надвое. Полторы сотни танков и несколько полков мотопехоты противника стремительно продвигались к селению Нижняя Саниба.

Моряки батальона автоматчиков, составлявшего второй эшелон 34-й бригады и занимавшего оборону на участке от высоты 570,3 до юго-западной окраины селения Майрамадаг, преградили путь бронированной армаде и готовились вступить в неравный бой. В это время комбат старший лейтенант Березов получил приказ комбрига: избегая боя с танками противника, скрытно отойти на северную окраину селения Майрамадаг и занять там оборону.

— Ничего себе приказик! — воскликнул Березов. — Отводить батальон на виду у скопища танков! Да они мне половину людей перебьют!

Но приказ надо было выполнять.

Необходимо было во что бы то ни стало задержать на какое-то время стальную лавину. Сделать это вызвалась группа курсантов-автоматчиков во главе с командиром взвода младшим лейтенантом Пятисотниковым. Вооруженные противотанковыми гранатами и бутылками с КС, они выдвинулись вперед и внезапно дерзко атаковали передовые танки противника. Несколько машин было выведено из строя. Опасаясь нарваться на сильный заслон, весь первый эшелон вражеской танковой колонны резко сбавил скорость. Тем временем батальон Березова, оставив свои траншеи, скрытно отходил на юг, к Майрамадагу. Противник все же заметил отход батальона и понял, что ставшая на пути танков группа прикрытия малочисленна. Обходя свои подбитые танки, бронированная армада открыла огонь и решительно двинулась на горстку моряков.

Еще два танка запылали, подожженные бутылками с горючей смесью. Но головная машина ринулась на укрывшихся в неглубоком овражке смельчаков. Подорвать ее не удалось — танк ловко маневрировал. Надо было любой ценой задержать противника еще на несколько минут, чтобы дать возможность батальону закончить отход и закрепиться на новых позициях. Тогда

младший лейтенант Пятисотников с противотанковой гранатой пополз навстречу головной машине. Он остановил танк, но погиб и сам.

РЕЗЕРВ ВСТУПАЕТ В БОЙ

Нижняя Саниба горела. Густой дым был виден с корпусного НП. С тревогой за исход боя следил я за развитием событий.

Противник не задерживался в горящем селении, танки и мотопехота торопились закрепить успех и как можно дальше углубиться в нашу оборону, угрожая столице Северной Осетии.

Но за восточной окраиной Нижней Санибы, в районе высоты 630,1, дорогу фашистам преградил резерв корпуса. По вражеским танкам открыли огонь орудия 47-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона. Минометчики 6-го отдельного минометного батальона и расчеты 54-го пульбата всей силой своих огневых средств обрушились на гитлеровскую пехоту.

Расчет одной из противотанковых пушек выбрал удобную позицию на северо-восточной окраине Нижней Санибы и не обнаруживал себя до того момента, пока авангард танковой колонны противника не миновал позицию сорокапятки. Тогда опытный наводчик орудия сержант Лунин несколькими выстрелами в борта подбил два танка. Почти тотчас же вступили в бой занявшие выгодную позицию на склонах высоты 630,1 бронебойщики младшего лейтенанта Шульгина. Подпустив танки на короткое расстояние, чтобы поражать их наверняка, расчеты сержанта Ябликова и ефрейтора Игликова открыли огонь. Первыми же выстрелами были выведены из строя два Т-IV.

Противник обстрелял расчеты ПТР. Однако позиция бронебойщиков не пострадала. Тогда группа вражеских танков двинулась к ним, намереваясь раздавить дерзких пэтээровцев.

Взвод Шульгина встретил противника дружным огнем. Яблицов и Игликов подбили еще по одной машине. Кроме того, два танка подожгли бойцы других расчетов.

Одновременно с западной окраины Гизели открыла огонь батарея сорокапяток лейтенанта Феоктистова. Ее четыре орудия вступили в единоборство с пятнадцатью танками. Артиллеристы, несмотря на потери, буквально за несколько минут уничтожили пять вражеских машин.

Танки замедлили ход. Лишь на правом фланге они попытались продвинуться вперед и, преодолев горную речушку Гизельдон, ворваться в Гизель. Однако враг был встречен мощным огнем 54-й отдельной зенитно-артиллерийской батареи и, потеряв три боевые машины, вынужден был отойти.

В течение сорока минут после этого противник не предпринимал атак. В Нижней Санибе постепенно накапливались все новые и новые подразделения его танков и мотопехоты. Мы долго не могли разгадать причину передышки. Когда над позициями наших войск появились «юнкерсы», стало ясно: противник ждал удара своей авиации.

На боевые порядки корпусного резерва обрушились авиабомбы. Зенитная батарея вступила в бой с несколькими десятками самолетов и два из них сбила. Но досталось и батареям: одно орудие было разбито прямым попаданием бомбы.

Сразу после воздушного налета танки широким фронтом пошли в атаку. Артиллеристы 47-го дивизиона, успевшие во время сорокаминутной передышки сменить огневые позиции, и батарейцы-зенитчики встретили врага прицельным огнем из всех уцелевших орудий. Еще несколько танков было выведено из строя.

Три часа длился неравный бой. Сил у нас становилось все меньше. 2 ноября 1942 года противнику удалось овладеть населенным пунктом Гизель.

ПЕРЕДИСЛОКАЦИЯ

Сумерки опускались на станицу Архонскую, где расположился штаб 11-го гвардейского стрелкового корпуса. Эта передислокация была обусловлена многими причинами, и прежде всего тем, что в результате прорыва танков противника в район Гизели штаб оказался лишенным связи со своими соединениями.

Обстановка к вечеру 2 ноября была такова: овладевший Нижней Санибой и Гизелью противник достиг западной окраины Орджоникидзе, где был остановлен 12-й дивизией НКВД.

Приданная корпусу 319-я стрелковая дивизия и 62-я отдельная морская стрелковая бригада прочно удерживали свои участки обороны. Первый и третий батальоны 34-й стрелковой бригады, несмотря на понесенные потери, героически держали фронт по западной и южной околицам селения Фиагдон до высоты 549,6.

Гитлеровские части углубились в нашу оборону примерно на пятнадцать километров при ширине прорыва не более четырех километров. Однако периметр этого «аппендикса», начиненного войсками и техникой противника, составлял примерно тридцать пять километров. Для того чтобы вести активные боевые действия на линии фронта такой протяженности, сил, которыми располагал враг, было явно недостаточно. Но немецкое командование, по-видимому, и не стремилось к этому. Направление вражеских атак оставалось прежним — строго на восток. Противник явно рассчитывал на то, что наша оборона в этом районе вот-вот рухнет. Но просчи-

тался: оборона наших войск оказалась достаточно прочной. У стен Орджоникидзе противнику, значительно ослабленному в боях с частями 11-го гвардейского корпуса, не удалось поколебать сопротивление 12-й дивизии НКВД. А развивать наступление широким фронтом в северном направлении он не мог, так как не имел достаточного для такой операции количества сил.

Напрашивался вывод: вражеские войска, продолжая попытки прорваться к Орджоникидзе, нанесут удар и в районе Майрамадага, чтобы прорваться через Суарское ущелье и рейдом по Военно-Грузинской дороге выйти в тыл защитникам столицы Северной Осетии. Такой вариант развития событий был предусмотрен нашим планом, в соответствии с которым второй эшелон 34-й бригады должен был запереть Суарское ущелье. Но от комбрига 34-ой Ворожищева с самого утра 2 ноября не было никаких сведений. Тем не менее я верил в Александра Васильевича, в его командирский опыт, в способность организовать надежную оборону.

В расчете на успешную оборону Майрамадага был разработан план разгрома гизельской группировки противника войсками нашего корпуса, при условии его усиления несколькими истребительно-противотанковыми артиллерийскими полками и танками. Мне не терпелось доложить план генералу Коротееву, так как каждый час промедления осложнял положение наших войск в районе Майрамадага. Однако связь со штабом армии пока не была налажена.

В это время в штаб корпуса прибыл представитель штаба Северной группы войск генерал Дашевский. Увидев меня, он обрадовался. В штабах армии и Северной группы, оказывается, были глубоко обеспокоены предположением, что штаб 11-го гвардейского корпуса во главе с командиром либо погиб, либо угодил в плен.

— Это как прикажете понимать, Иван Павлович? — шутливо отчитал меня Дашевский. — Исчезли вместе со

всем корпусным руководством и помалкиваете! Там генерал Коротеев все телефоны оборвал. Масленников громы и молнии мечет, весь свой штаб разогнал. Вас ищем!

— А я здесь ни при чем, Яков Сергеевич. Резерв корпуса был слаб и сдержать натиск двухсот танков не смог. Подкрепления мне командующий Северной группой не дал. Вот и оказался я едва ли не в окружении. Так что спрос с генерала Масленникова.

— Ладно-ладно! Привыкли все на начальство валить, а меня из-за вас в войска гоняют — обстановку выяснять.

Я заметил, что Дашевский очень устал. Видно, не спал несколько суток, мотался по переднему краю. Однако на мое приглашение отдохнуть генерал ответил отказом:

— Не могу, дорогой мой! Времени нет. Докладывайте о положении корпуса.

Как можно подробнее я ознакомил Дашевского с обстановкой. Не преминул особо подчеркнуть сложное положение войск, оборонявших район Майрамадага. Но похоже было, мой доклад чем-то не удовлетворил представителя штаба группы. Лукаво прищурившись, Яков Сергеевич поинтересовался:

— Какие меры предлагает командование одиннадцатого гвардейского корпуса по обороне Орджоникидзе?

Я заметил, что два дня назад меня об этом не спрашивали, но ответил, что лучшей формой обороны столицы Северной Осетии считаю немедленную операцию по отсечению и уничтожению войск противника, прорвавшихся на участке 34-й бригады.

Дашевский сначала с некоторым удивлением, а затем с нескрываемым интересом выслушал разработанный мною план ликвидации гизельской группировки противника. Потом несколько минут что-то подсчитывал в уме и наконец спросил сердито:

— И с планом такой операции ты уже третий час си-

дишь в Архонской?! Кстати, какими силами располагает полковник Ворожищев?

— По-видимому, кроме батальона автоматчиков, в его группу вошли оставшиеся в живых люди из второго и четвертого батальонов. Ну и, конечно, кое-что из техники сохранили артиллеристы артдивизиона, бригадного противотанкового дивизиона и минометчики бригады.

— Что ж,— сказал Дашевский,— будем надеяться, что группа Ворожищева до начала операции по уничтожению гизельской группировки врага сумеет удержать Майрамадаг и Суарское ущелье.

Когда генерал уехал, я задумался над тем, каково приходится сейчас защитникам Суарского ущелья.

ОПЕРАЦИЯ ВРАГА ПРОВАЛИЛАСЬ

Утром 3 ноября в штабной землянке, заботливо оборудованной среди кустов на горном склоне юго-восточнее селения Майрамадаг, полковник Ворожищев собрал командиров частей, из которых состояла его группа.

Старший лейтенант Сатаев, прорвавшийся ночью с горсткой уцелевших бойцов в Майрамадаг из района высоты 608,2, устроился в самом дальнем углу, опустив на руки забинтованную голову. Серdito шмыгал носом простуженный командир дивизиона капитан Костюк. О чем-то вполголоса озабоченно беседовали командир 337-го истребительно-противотанкового дивизиона капитан Максим Архипович Престинский, командир второй батареи старший лейтенант Мартышевский и командир дивизиона 120-миллиметровых минометов капитан Ерохин.

Поздно ночью моряки-артиллеристы под руководством этих мужественных командиров буквально на руках

вывели из вражеского окружения в район Майрамадага шесть орудий. При переходе через шоссе им пришлось вступить в бой с группой противника, чтобы прорваться к своим. В этом ночном бою был серьезно ранен капитан Престинский, однако не оставил своего поста. Вот и сейчас одним из первых он явился на совещание.

У входа в землянку пристроился капитан Шурупов. После ранения капитана Халилова он стал командовать четвертым батальоном.

Ворожищев медленно обвел взглядом собравшихся и хрипло сказал:

— Первую нашу задачу удержать фронт до организации обороны Орджоникидзе мы выполнили. Второй и четвертый батальоны заплатили за это очень дорогой ценой... Перед нами стоит новая задача — не пустить гитлеровскую сволочь в Суарское ущелье. В нашем распоряжении семь орудий артдивизиона, шесть 45-миллиметровых орудий. Минометов нет. Пулеметов мало...

Он замолчал, недовольно покосившись в сторону входа, откуда слышался какой-то шум. В землянке появился лейтенант, весь с ног до головы в грязи.

— Товарищ полковник! Пять пулеметных расчетов, выйдя из вражеского окружения, прибыли в ваше распоряжение!

Ворожищев всмотрелся в чумазое лицо командира и вдруг облегченно воскликнул:

— Ох, чертушка! Да это же Карибский!

И это действительно был командир пулеметной роты, сумевший собрать тех своих бойцов, кто уцелел после боя 2 ноября. К ним присоединились люди различных подразделений второго батальона, всего около взвода. Всю ночь группа осторожно пробиралась в направлении Майрамадага. Пять пулеметов, два противотанковых ружья и боезапас затрудняли передвижение, но воины знали цену оружию. К утру они вышли в расположение наших войск.

Теперь в распоряжении полковника Ворожищева было и пулеметное подразделение — хорошее дополнение к батальону автоматчиков и смешанному батальону, созданному из остатков второго и четвертого батальонов бригады, а также — бригадного дивизиона 120-миллиметровых минометов. С такими силами можно было противостоять натиску 2-й горнострелковой дивизии румын, которой гитлеровцы доверили взятие Майрамадага.

Противник, силы которого во много раз превосходили силы защитников Суарского ущелья, был настолько уверен в легкой победе, что уже 3 ноября во второй половине дня без предварительной артподготовки атаковал группу Ворожищева. Однако встреченный огнем автоматчиков старшего лейтенанта Березова поспешно отступил, оставив на поле боя несколько сотен своих солдат и офицеров. Не принес врагу успеха и следующий день, хотя части 2-й румынской горнострелковой дивизии четырежды ходили в атаку.

Утром 4 ноября моряки боевого охранения из роты лейтенанта Эдуарда Мирзы-Туниева, которыми командовал парторг курсант Рафаэль Хуцишвили, увидели пробиравшихся через густой кустарник несколько десятков человек. Это были женщины, с усилием тащившие за собой тачки с различным скарбом и направлявшиеся в сторону Майрамадага.

— Не стрелять! — приказал Хуцишвили. — Кто говорит по-осетински?

— Я говорю, Рафаэль, — отозвался курсант Валентин Цомаев.

— Спроси, кто они и откуда. Что-то эти гурии шагают, как солдаты...

Цомаев громко окликнул женщин по-осетински. Ответа не последовало.

— Огоны! — решительно скомандовал Хуцишвили.

Ударили автоматы. «Гурии», подхватив подолы юбок, пустились наутек, сверкая подковами солдатских сапог.

На брошенных тачках остались автоматы, пулеметы, гранаты...

В этот же день «разжились» оружием и минометчики. Обычно вражеские солдаты и офицеры сосредоточивались перед атакой за насыпью дороги. Однажды для поддержки атакующих противник установил там несколько минометов. Отразив очередную атаку, моряки нанесли ответный удар и, перевалив через дорогу, захватили лотки с минами. Старшина Романенко взвалил на свои дюжие плечи миномет. Его примеру последовали другие.

ЗАЩИТНИКИ МАЙРАМАДАГА

Бесплодные двухдневные атаки 2-й горнострелковой дивизии насторожили фашистское командование, ожидавшее в районе Майрамадага легкого успеха. Успех был необходим гитлеровцам, так как попытки 13-й танковой дивизии овладеть столицей Северной Осетии с ходу оказались безрезультатными. Чтобы сломить сопротивление защитников Суарского ущелья и прорваться к Орджоникидзе по Военно-Грузинской дороге, противник усилил 2-ю горнострелковую дивизию отдельным полком «Бранденбург», которому было придано шестьдесят танков.

5 ноября вражеская авиация бомбардировала наши позиции в районе Суарского ущелья. Группы по пятнадцать — двадцать «юнкерсов» одна за другой бомбили траншеи севернее и восточнее Майрамадага.

Одновременно открыла огонь и артиллерия противника. В течение получаса продолжался ожесточенный огневой налет, а в 9 часов 30 минут на позиции группы Ворожищева двинулись танки. Они шли двумя эшелонами, по тридцать машин в каждом, готовые смять, стереть с лица земли немногочисленную группу защитников Суарского ущелья.

Широко расставив ноги, не выпуская из зубов козьей ножки, командир четвертой батареи артдивизиона лейтенант Рак высматривал что-то в бинокль.

— Дружевецкий! — зычно крикнул лейтенант, обращаясь к командиру орудия, невысокому смешливому сержанту. — Чего зубы скалишь? Немцы идут. По местам!

В батарее после боя осталось только два орудия, но лейтенант подал команду так, словно здесь были все четыре:

— Батарея-е-я!.. По танкам!.. Прицел шестнадцать...

Прогремели два слившихся воедино орудийных выстрела.

И почти тотчас же вздрогнула земля у огневых позиций батареи: по нашим пушкарям открыли огонь наступавшие танки.

— Ну, кто скорей успеет! — крикнул командир четвертого орудия сержант Дружевецкий. — Огоны!

Один танк задымил и, круто взяв вправо, наскочил на шедший рядом. Столкнувшиеся танки на несколько мгновений остановились. Этого оказалось достаточно для такого опытного артиллериста, каким был Рак. Два попадания одно за другим превратили обе машины в пылающий костер.

Тяжело рвануло где-то возле орудия Дружевецкого. Но сержант, казалось, не услышал разрыва вражеского снаряда — он выстрелил по переднему танку и подбил его.

Точно били по атакующим машинам и артиллеристы бригадного 337-го истребительно-противотанкового дивизиона, потерявшего в бою 2 ноября половину своих орудий. Курсанты Севастопольского училища береговой обороны мстили за гибель своих товарищей. Из расчетов сорокапяток особенно выделялся четкой и слаженной работой расчет орудия, которым командовал сержант Собко. Правда, их осталось всего трое, да и сам сержант дважды был ранен в бою у высоты 608,2. Но три смель-

чака вывели свое орудие в ночь на 3 ноября из вражеского окружения, а теперь подбили два танка и несколько бронетранспортеров.

На северной окраине Майрамадага в боевых порядках батальона автоматчиков оборудовала свои огневые позиции батарея старшего лейтенанта Мартышевского. Здесь тоже действовали отличные мастера своего дела. Расчет орудия сержанта Иванова, укрывшись за плетнем крайнего левого дома селения, тщательно замаскировавшись, держал под контролем значительный отрезок шоссе, соединявшего Алагир и Гизель.

Ранним утром 3 ноября удобная позиция оправдала себя. Опытный наводчик сержант Никитенко с первого выстрела подбил шедшую по дороге машину с автоматчиками. Вражеские солдаты бросились врассыпную. Шедшие следом машины начали объезжать подбитую стороной.

Когда на Майрамадаг были брошены танки, расчету Иванова пришлось перекатить орудие к одной из конюшен, ближе ко второму орудью, которым командовал сержант Лесных. Здесь оба расчета достойно встретили врага: подбили по танку каждый.

Уже семь танков горело перед нашим передним краем, однако остальные продолжали двигаться вперед. Вскоре до десятка фашистских машин, перевалив через первую траншею, проникли в глубь нашей обороны. Их встретили противотанковыми гранатами и бутылками с КС автоматчики батальона Березова. Одна за другой вспыхнули еще две машины: это курсанты Дьяченко и Кошечев, пропустив их над траншеей, бросили бутылки. Третий танк подорвал гранатой тяжело раненный курсант Рахим Газизов.

Первый эшелон атакующих танков противника потерял уже треть своего состава и начал поспешно отступать на исходный рубеж. Вражеская пехота пыталась на отдельных участках поддержать действия танков силь-

ным автоматнo-пулеметным огнем, прижать к земле наших истребителей... Но пулеметчики старшина Науменко и сержант Воскресенцев, выдвинувшись вперед, подавили немецкие огневые точки.

Враг замешкался. Воспользовавшись этим, командир роты курсантов-автоматчиков лейтенант Мирза-Туниев поднял своих людей в контратаку. За один только день его рота пять раз контратаковала противника. Румынские горные стрелки на своей шкуре испытали стремительность и силу удара моряков-автоматчиков. Даже хваленые вояки из отборного полка «Бранденбург» в поспешности отхода превзошли своих румынских союзников.

Воцарилась тишина. Но длилась она недолго. Вновь появились «юнкерсы», они пикировали на огневые позиции артиллерии, на траншеи пехотинцев, на полуразрушенное еще первым налетом селение Майрамадаг. Потом начался артоналет...

Грохот разрывов оборвался так же внезапно, как и начался. Взглянув на часы, лейтенант Рак процедил:

— Аккуратны! Часы проверять можно. Ровно полчаса обрабатывали. Теперь танки пойдут...

И снова слышались над нашими огневыми охрипшие голоса командиров.

Изготовившись к стрельбе, сержант Дружевецкий спросил командира батареи:

— Товарищ лейтенант, чего это они? Роздыху не дают ведь...

— Бьют их под Орджоникидзе, Дружевецкий! Горят их вонючие керосинки, небо коптят, а в город ворваться не могут. Вот они и жмут на нас. Слабинку в нашей обороне найти хотят... Заря-жа-ай!

Артиллеристам все тяжелее становилось вести борьбу. В последнюю бомбежку разбило два 76-миллиметровых орудия и две сорокапятки. Поредели ряды батарейцев. В расчете Собко осталось двое. Но его приземистая пушка по-прежнему точно поражала цели.

Нелегко пришлось также третьему и четвертому орудиям второй батареи 337-го дивизиона. Ими командовали сержанты Денисюк и Абакумов. Правда, расположенные возле каменного здания школы их орудия были весьма удачно прикрыты стенами, поэтому расчеты больших потерь не понесли. Третье орудие уже подбило два танка. Обозленный враг открыл по нему шквальный огонь. Павшего наводчика Каргина заменил краснофлотец Воронов. Расчет продолжал вести огонь. Но противник, стремясь во что бы то ни стало уничтожить третье орудие, решил разрушить надежное прикрытие — школу. Вскоре здание запылало. Тогда Денисюк приказал откатить пушку и укрыть ее в саду соседнего дома. Положение осложнилось еще и тем, что убило заряжающего Липчанского. На его место стал Зверховский. Наводчик сержант Шкоков и заряжающий Романов несколькими выстрелами подбили два фашистских танка, угрожавших орудию Денисюка. С пригорка по третьему танку открыл огонь расчет ПТР сержанта Пугина. Наводчик Николай Умрихин двумя выстрелами поджег вражескую боевую машину.

Еще шесть танков подбили артиллеристы, но были потери и у наших пушкарей. Навсегда замолчало орудие сержанта Дружевецкого. Лейтенант Рак, в батарее которого осталась лишь одна пушка, сам встал к панораме. Сползавший на глаза окровавленный бинт мешал прицеливаться. Лейтенант с яростью сорвал повязку и снова принялся к панораме. Выстрел — и еще один танк замер на месте.

И все-таки слишком неравными были силы. Оставшиеся восемь орудий не могли сдержать натиск множества танков врага. Но советские артиллеристы держались стойко.

Пополз со связкой гранат навстречу одному из танков курсант Михаил Расковалов. Он слишком близко подобрался к танку — осколок собственной гранаты ранил

Михаила в голову, но машина врага была выведена из строя.

Очередной танк поразил гранатой Карибский, который поспевал везде. Только что вел единоборство с танком, а через минуту его уже можно было видеть у пулемета старшины Науменко.

А пулеметы нужны были позарез. Вражеская пехота под прикрытием танков рвалась к нашим окопам, ее нужно было срочно отсекал. Тем паче, что не менее полутора десятков вражеских машин уже перевалили через первую траншею. Головной танк вошел в Майрамадаг, но тут же запылял, подожженный моряками-автоматчиками. Три других танка сожгли бутылками с КС бойцы из батальона старшего лейтенанта Сатаева.

Встретив столь яростный отпор защитников Майрамадага и потеряв еще десяток машин, противник начал отходить. И снова в контратаку пошла рота Мирзы-Туниева. К ней присоединились другие подразделения. Неожиданный натиск защитников Майрамадага вызвал панику в рядах горных стрелков противника. Побросав оружие и своих раненых, фашисты кинулись наутек.

Так закончился еще один день боев под Майрамадагом — 5 ноября 1942 года. В этот день героически погибли парторг роты Рафаэль Хуцишвили, мужественный снайпер старшина 1-й статьи Николай Громов, старшина пулеметной роты Николай Науменко...

ГИЗЕЛЬСКИЙ МЕШОК

Когда мужественные защитники Суарского ущелья отражали последнюю в этот день атаку гитлеровцев, был получен приказ командующего 9-й армией генерал-майора Коротеева, определивший задачу армии по ликвидации гизельской группировки противника. Этим при-

казом 11-му гвардейскому стрелковому корпусу предписывалось силами двух стрелковых и двух танковых бригад утром 6 ноября нанести удар в направлении населенных пунктов Дзуарикау и Майрамадаг с задачей окружить и уничтожить прорвавшуюся к Орджоникидзе группировку противника и не допустить ее отхода на запад.

По сути дела, это был мой план ликвидации гизельской группировки гитлеровцев, расширенный за счет вовлечения в операцию 4-й гвардейской стрелковой бригады 10-го гвардейского стрелкового корпуса и приданных последнему танковых бригад.

Наступление началось на рассвете 6 ноября. 4-я бригада попыталась из района населенного пункта Ногир нанести удар по вражеским позициям северо-восточнее Гизели, но потерпела неудачу.

Совершенно иначе сложилась обстановка на участке 10-й гвардейской стрелковой бригады. Выполняя приказ, ее части, поддержанные 63-й танковой бригадой, нанесли стремительный удар в направлении высоты 570,3, разметали пытавшихся оказать сопротивление гитлеровцев и вышли к селению Майрамадаг, где соединились с группой полковника Ворожищева.

Так была проведена операция по окружению фашистов, прорвавшихся в район Гизели. На дороге, ведущей из Алагир в Орджоникидзе, у северной окраины селения Майрамадаг защитники Суарского ущелья встречали первый батальон бригады полковника Бушева, которым командовал капитан Григорий Иванович Диордица. Он явился в Майрамадаг и ознакомил с обстановкой полковника Ворожищева.

Обстановка была весьма сложной. В гизельском мешке оказались отборные гитлеровские части. Они всеми силами будут стремиться восстановить положение и пробить себе дорогу из мешка. Несомненно, навстречу прорывающимся будут наносить удары и основные силы

противника. От гвардейцев полковника Бушева и группы Ворожищева требовались большие усилия, чтобы не допустить выхода окруженных вражеских частей из мешка. Впереди было главное сражение.

Началось оно на рассвете 7 ноября 1942 года, в день 25-й годовщины Великого Октября. Вражеская авиация нанесла по боевым порядкам 10-й бригады бомбовый удар большой силы. Одновременно открыла огонь артиллерия противника. Не менее получаса длилась обработка позиций бригады Бушева. Как только она окончилась, из Нижней Санибы ринулись в атаку 60 вражеских танков в сопровождении пехоты на бронетранспортерах.

С этого момента на протяжении пяти суток шли почти непрерывные бои 10-й бригады и группы Ворожищева с пытавшимся вырваться из окружения противником. Каждый эпизод этих боев может быть вписан в историю битвы за Кавказ как образец негибаемого мужества и воинского подвига. Совершил его на высоте 570,3 и расчет ПТР, которым командовал сержант Дмитрий Остапенко. В этом бою отважный бронбойщик уничтожил тринадцать танков врага. Он был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Это не единичный случай. Родной брат героя, тоже командир расчета ПТР, сержант Иван Остапенко уничтожил из своего ружья семь вражеских танков. Его наградили орденом Ленина.

Навечно покрыла себя славой третья пулеметная рота лейтенанта Гилева. Когда пехота противника при поддержке шестнадцати танков двинулась на южные склоны высоты 604,6, где рота занимала оборону, над позициями пулеметчиков прозвучал голос их командира:

— Ни шагу назад! Смерть фашистским гадам!

Потом был неравный бой. Силы противника превосходили силу роты во много десятков раз. Гвардейцы дрались, не щадя жизни. Гранатами и бутылками они вывели из строя четыре танка. Не один десяток вражеских

вояк остался на склонах высоты... Пулеметчики решили умереть, но не отступить.

В этом ожесточеннейшем бою третья пулеметная рота проявила образец верности долгу. Кавказская земля навеки сохранит благодарную память о таких героях, как командир роты гвардии младший лейтенант Дмитрий Александрович Гилев, заменивший в трудную минуту погибший расчет бронебойщиков. До последнего вздоха вели огонь по вражеской пехоте гвардейцы: сержанты Петухов, Тимофеев, Тарасов, Знаменский, рядовые Кузьменков и Денисенко.

Неувядаемой славой покрыли себя в этом бою командиры взводов гвардии младшие лейтенанты Глиняной и Дудинский.

Бесстрашие проявили и те, кто уцелел в сражении. Гвардии младший политрук Иван Гаврилович Витченко уложил одного из гитлеровцев, после чего оружием поверженного врага уничтожил еще семь фашистских вояк. Через некоторое время Витченко лег за пулемет и вел огонь до тех пор, пока противник не был отброшен.

Таких примеров можно привести немало.

Пятидневное сражение закончилось 11 ноября разгромом гизельской группировки противника. На всем протяжении от Орджоникидзе до реки Фиагдон стояли сожженные и подбитые танки, транспортеры, орудия и другая вражеская техника.

В общей сложности противник потерял здесь более 140 танков, 2350 машин, множество орудий, минометов, более пяти тысяч солдат и офицеров.

С комиссаром корпуса Базилевским мы ходили по полю боя в районе Новой Санибы и Майрамадага, где было много подбитых и сгоревших танков, автомашин, орудий, минометов. Это было огромное кладбище военной техники врага. Мы беседовали о прошедших боях, вспомнили Моздок. Там, имея полное господство в воздухе, противник послал против нас свою 3-ю танковую

дивизию, имевшую в начале боя 150 танков, а к концу его потерявшую около сотни боевых машин.

Противник имел в этих боях полное превосходство в военной технике, особенно в танках и авиации, был уверен в своей победе. А победили мы! Победили потому, что оказались сильнее духом.

Эта внушительная победа наших войск положила начало перелому в ходе боевых действий на Северном Кавказе.

Часть вторая
НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ

Глава первая

ОТ ВИСЛЫ ДО ОДЕРА

ГРОЗНАЯ ОГНЕВАЯ СИЛА

Над заснеженными развалинами старого фольварка загрохотало. Раскаты доносились с востока. Из-под развалин выбрался седой старик-поляк, глянул на небо, перекрестился, удивляясь зимней грозе. И снова скрылся в развалинах.

Но это была не гроза. Гролом артиллерийских орудий возвещал о своем начале сорок пятый год.

Минувший сорок четвертый был годом полного освобождения от оккупантов территории нашей страны. Уже в Румынии и Болгарии, в Венгрии и Северной Норвегии звучала русская речь и сыпались живые цветы на краснозвездную броню советских танков.

Линия фронта, сократившаяся теперь почти вдвое, пролегла по землям Померании, Польши, Чехословакии, Венгрии.

Фашистская верхушка лихорадочно искала пути раскола антигитлеровской коалиции и в то же время бросала все силы на создание оборонительных рубежей для удержания жизненно важных центров третьего рейха. Таких рубежей на территории Польши, между Вислой и Одером, было семь. Особое внимание уделялось усовершенствованию оставшихся укреплений на бывшей германо-польской границе и на левом берегу Одера. Именно здесь гитлеровское командование намеревалось преградить нам путь. Восточный фронт противника укреплялся частями, снятыми с западного фронта.

Перед нашими войсками стояла задача: взломав обо-

ронительные линии между Вислой и Одером, освободить из-под фашистского ига братский польский народ и повести стремительное наступление на столицу Германии.

Эта сложная задача была возложена на войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов при содействии войск левого крыла 2-го Белорусского фронта с севера и правого крыла 4-го Украинского фронта — с юга.

В намечавшейся грандиозной операции, впоследствии получившей название Висло-Одерской, должна была принять участие в составе 1-го Белорусского фронта и 5-я ударная армия.

12 января 1945 года после многокилометрового марша соединения и части 9-го Краснознаменного стрелкового корпуса, входившего в состав 5-й ударной армии, вышли на магнушевский плацдарм и заняли исходное положение для наступления.

Проверяя готовность своего 9-го корпуса к предстоящему наступлению, я побывал на огневых позициях артиллерии и еще раз с удовлетворением отметил огромное количество боезапаса, сконцентрированного не только в нишах у орудий, но и в тщательно замаскированных штабелях. Впечатляла и плотность: на километр фронта приходилось до трехсот орудий и минометов. Такого количества артиллерии мне за все годы войны еще не приходилось видеть. Это была грозная огневая сила, способная прорвать любую вражескую оборону.

Да, небывалой мощи достигла к тому времени наша военная техника, выкованная героическим советским народом. А ведь осенью 1942 года противник был убежден, что Советский Союз, лишенный донецкого угля, криворожской и запорожской руды, украинского хлеба и уничтоженного в первые военные месяцы промышленного оборудования, не сумеет дать армии необходимого количества вооружения, горючего, боеприпасов. Но фашистские заправки просчитались. Уже к концу 1942 года наша оборонная промышленность сумела не только

догнать, но и превзойти гитлеровскую Германию по производству самолетов, танков, артиллерийских орудий.

А теперь, в начале 1945 года, вся эта грозная сила должна была обрушиться на вражеские оборонительные рубежи, обеспечить разгром варшавско-радомской группировки противника и выход наших войск на меридиан Лодзи с тем, чтобы в дальнейшем развить наступление на Быдгощ — Познань.

Кто-то из генералов тогда поинтересовался: почему завезено так много боеприпасов? Маршал Жуков ответил на этот вопрос просто и весьма выразительно:

— Хочу быть уверенным в успехе на двести процентов.

И каждый из нас понял: командующий делал все, чтобы свести до минимума потери наших войск.

«БОГ ВОЙНЫ»

Темна январская ночь. Метет поземка. Полковник Емельян Иванович Шикин, начштаба, зябко потирает руки. Только командующий корпусной артиллерией генерал Петр Михайлович Игнатьев бодрится, подтрунивает:

— Надо было сидеть в теплом блиндаже, не лезть в открытый окоп. А если очень уж хочется поглядеть на работу пушкарей, то! нечего на холод сетовать.

Игнатьев гордится тем, что может сегодня показать всю свою огневую силу и еще раз напомнить, что «артиллерия — бог войны».

За Вислой, где укрепился противник, таились во мгле шесть рядов колючей проволоки, десятки дотов, сотни дзотов и припорошенная снежком смертоносная гладь минных полей.

Вражеское командование понимало, что магнушев-

ский плацдарм будет использован нашими войсками для нанесения очередного удара.

За час до рассвета 14 января 1945 года сильнейший удар обрушился на всю линию обороны противника. За первым ударом последовал второй, третий... Двадцать минут гремела непрерывная канонада, над землей бушевало море огня и дыма.

На месте первой линии обороны противника дымились груды бетонных развалин, чернели глубокие воронки, усеянные щепой разбитых накатов. От проволочных заграждений остались жалкие клочья. Почти полностью были уничтожены или подавлены огневые точки противника. А если даже какой-нибудь чудом уцелевший расчет пытался открыть огонь по нашим боевым порядкам, то его немедленно подавляли. В 251-й пехотной дивизии гитлеровцев, противостоявшей наступавшим частям корпуса, пять рот было полностью уничтожено огнем нашей артиллерии и минометов.

К концу артподготовки передовые части 301-й дивизии находились в двухстах метрах от переднего края вражеской обороны. А еще через несколько минут командир первого стрелкового батальона 1052-го полка майор Суровцев доложил, что его люди овладели второй траншеей противника и успешно продвигаются к третьей.

Тяжелее сложилась обстановка на участке второго стрелкового батальона того же полка. На его пути оказался небольшой населенный пункт, превращенный противником в узел обороны. На флангах этого узла по наступающему батальону вели огонь два уцелевших крупнокалиберных пулемета. Они препятствовали выполнению замысла комбата Василия Александровича Емельянова: взять опорный узел обороны врага обходным маневром.

Уничтожить вражеские огневые точки вызвались рядовые Коробейников и Джалмагобетов. Умело используя образовавшиеся во время артподготовки многочислен-

ные воронки, Коробейников почти вплотную подобрался к расчету пулемета и несколькими гранатами вывел его из строя. Не менее сноровисто действовал и Джалмагобетов, уничтоживший гранатами и огнем из автомата другой пулеметный расчет. Сразу же после этого батальон начал маневр по обходу узла обороны. А враг в панике бросился бежать, однако не многим фашистам удалось добраться до траншеи.

Успешно атаквали противника и другие полки. Но враг усилил сопротивление — из третьей траншеи его выбили со значительно большим трудом. Очевидно, немаловажную роль в упорстве врага сыграло и то обстоятельство, что за его спиной находилась река Пилица, лед на которой во многих местах был разбит нашей артиллерией.

Наши воины продолжали наносить удары по вражеской обороне. Немалую помощь пехоте оказали артиллеристы офицеров Рака, Башмакова и Хомякова. Расчеты полковой артиллерии двигались вплотную за стрелковыми частями и в ходе боя за третью траншею гитлеровской линии обороны сыграли значительную роль.

К исходу 14 января наши войска овладели первой полосой обороны противника и вышли на правый берег реки Пилицы. На противоположном берегу была расположена вторая полоса вражеской обороны — еще более мощная, глубже эшелонированная. Здесь гитлеровское командование надеялось задержать наши войска.

Мне запомнился угрюмый, тяжело выговаривающий слова пленный унтер-офицер первой роты 184-го пехотного полка. Он не был сторонником поражения Германии и вовсе не был противником фашистского режима, но это был морально побежденный враг, понимающий неизбежность близкой расплаты. Мрачно глядя себе под ноги, он скупно рассказывал, что в их роте до артналета было семьдесят человек, а после остались единицы. Многие пытались бежать и погибли под огнем.

После Днепра и Днестра форсировать Пилицу шириной пятьдесят метров казалось вроде бы делом несложным, но командир 1050-го полка подполковник Идрис Исхакович Гумеров был озабочен.

— Ни два ни полтора,— ворчал он, вглядываясь в смутно белевшую впереди реку.— Вплавь нельзя, лед мешает. По льду нельзя, вода не дает. И Камалова шайтан где-то носит!

Полковой инженер капитан Камалов, едва только сгустились сумерки, ушел с группой саперов проводить «ледовую разведку». Не так-то просто среди ледяного крошева, разводьев и полыней, образовавшихся на реке от разрывов сотен мин и снарядов, найти надежную переправу — этаким нетронутый ледяной мост, способный выдержать тяжесть атакующих подразделений. Вешками, черно-белой лентой отмечали саперы проверенный путь. Капитан трижды проваливался в ледяную воду Пилицы. Группа неоднократно подвергалась внезапному пулеметному обстрелу врага, и тогда рядом с вешками оставались лежать тела павших.

Подполковник Гумеров уже окончательно потерял терпение, когда группа Камалова наконец возвратилась. В сплошь покрытом коркой льда обмундировании капитан доложил о результатах разведки.

Первым на ледовую переправу был брошен батальон гвардии капитана Александра Федоровича Богомолова. Капитан понимал сложность стоявшей перед его людьми задачи: по льду, под огнем противника переправиться на сильно укрепленный левый берег. Именно здесь, вдоль левого берега, и проходила вторая полоса обороны противника. Перед самым форсированием комбат побывал в первой и второй ротах, которые должны были идти головными, подбодрил людей.

Бесшумно двинулись по льду за взводом взвод бойцы первого батальона. Но враг открыл по ним шквальный пулеметный огонь. Десятки ракет, одна за другой расползли ночное небо над Пилицей, освещая атакующие подразделения. Вздывая столбы воды, перемешанной с обломками льда, загрохотала вражеская артиллерия. Начался жаркий и яростный ночной бой за клочок земли на левом берегу польской реки.

Солдаты знали, что бой будет жестоким. Не зря ведь в первых рядах атакующих шел сам комбат. И солдаты ринулись за ним по «ледяному мосту». Ринулись стремительно и неудержимо. Считанные минуты потребовались батальону Богомолова, чтобы пересечь Пилицу и ворваться в первую траншею противника в районе населенного пункта Бяла Гура.

Враг пытался выбить храбрецов с захваченного плацдарма. Семь раз немецкая пехота при поддержке танков контратаковала батальон, но бойцы Богомолова не дрогнули. Они удержали плацдарм и дали возможность остальным подразделениям полка успешно форсировать реку.

Однако не обошлось без казусов. Перед первой вражеской контратакой один из молодых бойцов с нарочитой веселостью крикнул пожилому соседу-бронбойщику:

— Ну как, батя? Не дрогнем?

— С-с-са-амо с-с-со-б-бой,— ответил Николай Степанович Маркелов.

— Бать, да ты никак в штаны наложил?

— В-вот я теб-бя тресну по башке этой штукой,— ласково сказал Маркелов, похлопав ладонью по противотанковому ружью.— Сразу старших уважать научишься. Т-ты небось с-сухой, а я д-до н-нитки...

Бронбойщик действительно угодил на самой середине Пилицы в полынь. И если бы не длинное ПТР, дело

могло бы кончиться плохо. Во время первой же контратаки противника Маркелов подбил вражеский танк.

Вторую машину прикончил из сорокапятки Иван Николаевич Плохих, расчет которого оказался в боевых порядках стрелкового батальона. Сам Богомоллов, когда обнаружил в своем «хозяйстве» противотанковое оружие, лишь одобрительно хмыкнул.

— Как же вы ее через реку-то, ребятки? — спросил затем комбат, кивнув в сторону пушки.

— На спине, однако, товарищ гвардии капитан, — по-сибирски окая, шутливо ответил Плохих.

Ниже по течению тоже шел жаркий бой. Первоначально предполагалось, что в форсировании Пилицы примут участие 1050-й и 1052-й полки 301-й дивизии. А 1054-й полк, прикрывая правый фланг атакующих частей, должен был держать оборону, развернув свои боевые порядки фронтом на север. Но, стремясь обеспечить выполнение боевой задачи по обороне правого фланга дивизии, командир 1054-го полка подполковник Радаев провел тщательную разведку сил противника. С этой целью к левому берегу реки была направлена группа бойцов под командованием старшины Ашхарбека Казаряна. Первые же наблюдения показали, что противник готовится нанести встречный удар по правому флангу дивизии. Для этой цели враг и накапливал силы перед фронтом 1054-го полка. Тогда Казарян принял дерзкое решение: упредить противника и, форсировав Пилицу, захватить плацдарм на ее левом берегу. Отправив связного с донесением к подполковнику Радаеву, старшина поднял своих людей в атаку.

Этим неожиданным превентивным ударом враг был захвачен врасплох. Горстке мужественных советских воинов удалось ворваться в расположение противника, захватить небольшой плацдарм и укрепиться на левом берегу. Вскоре прибыло посланное Радаевым подкрепление.

Враг предпринял было несколько попыток отбросить группу Казаряна на правый берег и атаковать полк Радаева, но тщетно. А через полчаса подобного рода попытки уже потеряли какой-либо смысл, так как через Пилицу к тому времени переправились 1052-й полк 301-й стрелковой дивизии, 902-й и 905-й полки 248-й дивизии. Весь левый берег реки в районе населенных пунктов Пальчево и Застружье был занят нашими войсками.

УСЛУГА ЗА УСЛУГУ

Рассвет 15 января 1945 года застал меня на северо-западной окраине Пальчево. Части корпуса, форсировавшие ночью Пилицу, уже расширили плацдарм до пяти-семи километров в глубину и до десяти километров по фронту.

— А что, Иван Павлович,— лукаво улыбаясь, пытался вызвать меня на откровенность Шикин.— Ведь на совесть сделано?

— Хвастун ты, полковник...

— Как знать! За сутки свалить две полосы обороны — это, товарищ генерал, такая штука, что и похвалиться не грех.

— Да ты сначала удержи эти две полосы, Емельян Иванович! Неужели полагаешь, что противник вот так, за здорово живешь, оставит нас в покое?

Словно в ответ мне зазуммерил полевой телефон.

Командир стрелковой дивизии полковник Антонов сообщал, что его разведка засекла концентрацию значительных сил противника перед боевыми порядками 1050-го и 1052-го полков.

Замысел вражеского командования был ясен: фланговой контратакой сбить с плацдарма 301-ю и 248-ю стрелковые дивизии. Мобилизовав наличные резервы (в том числе до сорока танков), противник после сильной

артиллерийской подготовки перешел в наступление.

Особенно сильный удар был нанесен по боевым порядкам батальона. Но люди капитана Богомолова, первыми форсировавшие Пилицу, знали себе цену. Когда появились первые танки, за которыми, пригибаясь, словно крадучись, двигались автоматчики, батальон встретил их достойно. Неспроста в дни боевой учебы уделял Богомолов борьбе с танками так много внимания. Теперь его бойцы хладнокровно пропустили над окопами боевые машины врага, а затем встретили вражескую пехоту огнем такой плотности, что та залегла.

Тем временем бронбойщик Маркелов выбирался из глубокой воронки на обочине дороги Пальчево — Варка.

— Черт понес меня в эту яму, — ворчал он. — Никакого обзора! Разве что по самолетам стрелять.

Танки были уже в нескольких сотнях метров, когда бронбойщик наконец удобно устроился на открытой позиции. Прямо на него уверенно двигался головной танк.

— Давай, давай. — Длинный ствол ПТР медленно опустился. — Видали мы вашего брата...

Раздался выстрел, но танк продолжал двигаться.

— Заговоренный, леший! — Маркелов выругался и снова навел ружье.

Но не повезло и на этот раз. В самый момент выстрела Николай Степанович чихнул. Сказалось «купание» в Пилице. А танк был уже в нескольких метрах. Скрипнув зубами, Маркелов крепко зажал в руке противотанковую гранату. Но тут грохнуло почти рядом — и танк загорелся. Это Николай Плохих из своей сорокапятки вlepил прямой наводкой снаряд в бронированный борт. Однако тут же на его позицию двинулись еще две машины. Развернуть пушку и снова ударить бронбойным по одному из танков Плохих еще успел. Однако он понимал, что второй танк остановить ему не удастся. Артиллерист на мгновение было растерялся, но танк вдруг остановился, задымил.

Это была работа бронебойщика Маркелова. Услуга за услугу!

Невдалеке вел трудный бой с четырьмя танками противника расчет сорокапятки сержанта Блохина. Огнем танковых пушек и пулеметов уже были выведены из строя два номера расчета и разбит прицел орудия. На подмогу пришел расчет орудия Николая Плохих.

Враги решили во что бы то ни стало уничтожить вездесущее орудие Николая. Три танка на большой скорости двинулись в атаку, и один из них раздавил пушку. Но наводчик, находившийся у орудия, успел прыгнуть в ближайший окоп, схватил противотанковое ружье одного погибшего бронебойщика и выстрелом почти в упор подбил машину. Остальные два танка были расстреляны самоходчиками лейтенанта Денисюка, подоспевшими на выручку.

Не менее яростным был бой и на участке третьего батальона 1052-го полка. Здесь противник тоже контратаковал значительными силами, но опытные командиры рот Благитин и Оберемченко умело организовали оборону. Их поддерживали пулеметчики Карибского, отсекавшие пехоту противника от танков. Пять раз поднимались в атаку вражеские автоматчики, и пять раз отбрасывали их в исходное положение бойцы Благитина и Оберемченко.

Противник двинул на этот участок еще несколько танков, намереваясь нанести удар на стыке флангов рот. Но именно здесь расположились самоходки лейтенанта Шкокова. Они вступили в неравный бой с атакующими танками. Нелегко было вести бой с превосходящими силами двум СУ-76. Тем более, что среди танков были три «тигра». Несмотря на исключительный героизм бойцов рот и экипажей СУ-76, обстановка становилась все напряженней. В бой включилась артиллерия. Дивизион 823-го артиллерийского полка под командованием капитана Сотникова внезапным огневым налетом накрыл противника. Оберемченко и Благитин подняли своих бойцов в

атаку и выбили врага с занимаемых позиций. В атаке смертью храбрых погиб парторг батальона старший лейтенант Рубцов.

Успешно атаковал противника и первый батальон. В этом бою Плохих, ранее потерявший свое орудие, дрался как пехотинец. Значительно опередив бойцов батальона в неглубоком овраге, он неожиданно обнаружил вражескую батарею, готовившуюся открыть огонь прямой наводкой. Четыре гранаты и несколько автоматных очередей решили судьбу большинства орудийных номеров. Уцелевшие разбежались. Совершенно исправные орудия стали трофеями отважного воина.

Бесстрашно действовал в этом бою и бронбойщик Маркелов. Он подбил два вражеских танка. Когда осколком снаряда было разбито его ружье, он стал действовать как стрелок. Вплотную подобрался к орудию, бывшему прямой наводкой по нашим атакующим бойцам, и гранатой вывел его из строя. Несколько позже он забросал гранатами вражеское пулеметное гнездо.

Противник отчаянно сопротивлялся... Но вдруг, бросая оружие и боевую технику, фашисты в беспорядке начали отходить.

Для наших наступающих подразделений такой поворот событий оказался непредвиденным. Ведь ожидалось упорное, яростное сопротивление противника, а тут — внезапное паническое бегство.

Мало кто знал, что бегство это было вызвано выходом в тыл противнику танковых частей 2-й танковой армии генерала Богданова.

ВНЕЗАПНЫЙ УДАР

С вершины небольшого холма, возвышавшегося на северо-западной окраине Пальчева, хорошо просматривалась вся близлежащая местность. Отсюда Шикин, Иг-

натьев и я в течение нескольких часов наблюдали за ходом боя. Но, пожалуй, не менее внимательно следили мы за наведением моста через Пилицу восточнее Пальчева.

По этому мосту командование фронта решило перебросить на плацдарм 2-ю танковую армию генерала Богданова. После прорыва вражеской обороны на участке нашей армии танковые корпуса Богданова должны были выйти в глубокий тыл противника. Инженерные части со всей возможной скоростью вели работы по наведению надежной переправы.

И вот наконец наступил момент, когда по деревянному настилу моста двинулись через Пилицу боевые машины 2-й танковой армии. Я залюбовался стремительными тридцатьчетверками. С тяжелым рокотом, но легко и маневренно проносились они мимо нас. Невольно подумалось о том, как изменилось за годы войны проведение крупных военных операций, насколько выросло оперативное искусство наших полководцев. Ведь такие глубокие тыловые рейды крупных танковых объединений позволяли нам громить вражеские резервы еще на подходе к линии фронта, разрушать коммуникации, ликвидировать подготавливаемые противником линии обороны.

А танки все шли и шли мимо нашего холма. Казалось, нет им числа. Мне неоднократно приходилось видеть крупные скопления танков. Видел я и танки фон Клейста в бою у Красной Горки и в сражении под Орджоникидзе. Но такой броневой мощи, какая проходила перед нами сейчас, я еще не встречал никогда. Лишь наша страна могла, пройдя через три с лишним года тяжелейших сражений, не только не ослабеть, но, наоборот, обрести новую небывалую силу.

Замыкающие машины танковой армии скрылись за высоткой...

Теперь перед нашим корпусом во всей своей сложности возникала новая боевая задача — двигаться вслед за танковыми соединениями. Судя по стремительному старту, танковые колонны будут идти в очень высоком темпе. Следовало поторопить командиров соединения с выступлением, и я отправился в 301-ю стрелковую дивизию. Но Владимир Семенович Антонов уже отдал соответствующие распоряжения подполковнику Радаеву: 1054-й полк должен был быть авангардом дивизии. В авангарде полка, получившего задачу следовать в направлении населенного пункта Скерневице, пойдет первый стрелковый батальон.

Батальон уже стягивался к дороге и строился в походную колонну. Неподалеку, возле батареи СУ-76, которой усиливался авангард, я увидел Максима Архиповича Престинского. Как всегда неугомонный, командир 337-го отдельного самоходного артдивизиона со старшиной Александром Собко пришел проверить и напутствовать подчиненных. Самоходные установки были уже в колонне батальона, и я снова увидел своих давних боевых товарищей — лейтенантов Алексея Денисюка, Ивана Шкокова, комсорга дивизиона Сергея Денисова и других.

Почти одновременно с 301-й дивизией выступили части 248-й стрелковой дивизии генерала Галая. Началось стремительное продвижение наших войск к границе гитлеровской Германии.

В истории военного искусства до этого времени не были известны такие темпы наступления. В отдельные дни наши танковые части проходили с боями по шестьдесят — семьдесят километров.

Создавая оборонительные рубежи на территории Польши и рассчитывая остановить наше наступление, гитлеровское командование даже не подозревало, какой сокрушительной силы удар нанесут здесь советские войска.

Генерал Типпельскирх писал об этой операции в своей книге «История второй мировой войны»:

«Удар был настолько сильным, что опрокинул не только дивизии первого эшелона, но и довольно крупные подвижные резервы, подтянутые по категорическому приказу Гитлера совсем близко к фронту. Последние понесли потери уже от артиллерийской подготовки русских, и в дальнейшем в результате общего отступления их вообще не удалось использовать согласно плану».

Наши крупные танковые соединения в тесном взаимодействии с авиацией, завоевавшей к тому времени полное господство в воздухе, мощными стремительными ударами дробили фронт противника, уничтожали его коммуникации, захватывали переправы и узлы дорог в фашистском тылу.

Уже 16 января наши танки вышли на рубеж Жирардув, Скерневице, а 19 января частями 2-й танковой армии генерала Богданова был взят город Лодзь. Попытка гитлеровцев остановить наше наступление путем переброски в район Лодзи из Восточной Пруссии танковой дивизии СС «Великая Германия» и пяти дивизий с западного фронта успеха не имела, ибо все эти войска, еще не успев как следует развернуться, были разгромлены.

Благодаря мощным и стремительным ударам танковых соединений задача стрелковых войск, в частности 9-го Краснознаменного корпуса, сводилась к ликвидации отдельных опорных пунктов противника и очагов его сопротивления. Один из таких опорных пунктов гитлеровцев был расположен на западном берегу реки Равки, неподалеку от польского города Лович.

Авангард 1054-го полка подошел к реке Равке 18 января. Специальный разведывательный отряд под командованием начальника разведки 301-й дивизии майора Боровко, выявлявший вражеские опорные пункты и гарнизоны, своевременно сообщил о наличии боеспособных частей противника в районе города Лович. Учтя донесе-

ние разведки, командир первого батальона 1054-го полка капитан Айрапетян принял решение подойти к реке, скрытно, чтобы нанести внезапный удар.

Используя рельеф местности, батальон вплотную подошел к левому берегу реки.

Неожиданная атака авангарда, успешное форсирование реки дали возможность прорвать оборону противника на этом участке. За первым батальоном на западный берег вышли остальные части дивизии. Сопротивление врага было сломлено. В тот же день был занят город Лович.

Соединения корпуса проходили по двадцать пять — тридцать километров в сутки, стремясь не отставать от танковых частей. И все-таки разрыв между армией генерала Богданова и нашими дивизиями достигал шестидесяти — семидесяти километров.

26 января стало известно, что танкисты вышли к Мезерицкому укрепленному рубежу и частично овладели им. Мы делали все, чтобы ускорить движение. Для отдыха оставляли несколько коротких ночных часов, и все-таки нагнать танкистов не могли. Отставали тылы, иссякало горючее, запасенное из расчета нашего наступления не далее рубежа Быдгощ, Познань. Вся наша базировавшаяся на механической тяге техника, в том числе корпусная и большая часть дивизионной, а также зенитная артиллерия остались на дорогах Польши. И только дивизион СУ-76 да полковая артиллерия на конной тяге продолжали двигаться со стрелковыми частями, в какой-то мере представляя нашу огневую мощь.

Кое-кто в штабе корпуса и в штабах дивизий начал высказывать беспокойство по поводу сложившейся ситуации.

— Бежим, как на пожар. Вот оторвемся от тылов, от артиллерии. Противник тем временем опомнится и...

— А вот и не надо давать ему опомниться. Бить га-

дов, чтоб бегом бежали! — возражали оптимистично настроенные офицеры.

Хлюпали по мокрому снегу сапоги, хрипло дышали люди. Куда-то за грязно-серые холмы падало бесцветное зимнее солнце. Обессиленные после дневного марша солдаты падали на чудом уцелевшие скирды прошлогодней соломы или находили приют в развалинах одиноких фольварков.

И вот уже какой-нибудь ротный заводила и балагур, грызя крепкими зубами солдатский сухарь, поминал добрым словом «нечаянно забытые на Висле» кухни. А рассерженный старшина, топорща прокуренные усы, советовал ему придумать что-нибудь поновее.

— Да что там кухни! — хмуро бросал из темноты богатырского роста сержант. — Когда ни артиллерии, ни танков нету, кухней не спасешься. А мы все прем! И все вперед! Вот попадем в окружение...

— Ну, уморил! — усмехался только что сердившийся старшина. — Не то время! Это тебе не сорок первый!

— Все равно! Оборону бы занять. Тылы опять-таки подтянуть...

— Оно неплохо бы и на печке полежать, поспать малость, — ехидничал старшина, — фашисты же тем временем войска на восточный фронт перебросят. А мы с тобой застрянем здесь еще на полгода. А что оно такое — полгода войны? Это, брат, мало, что нашего брата здесь убивать да калечить будут. На то мы и солдаты. А то, что пацанам-недоросткам да бабам нашим на своих худых плечах еще полгода всю страну держать, да еще нас кормить-одевать, да каждому оружие надо...

— Так ведь, почитай, третью неделю бегом бежим! — оправдывается сержант.

— Нет, брат! Нам теперь вперед и вперед жать, не оглядываться. Да перемахнуть бы через Одер, да занять оборону... А тогда уж стоять, насмерть стоять, как под Сталинградом.

29 января 1945 года произошло событие чрезвычайной важности: мы вышли на польско-германскую границу.

Моросящий дождь вперемешку с мокрым снегом сечет лицо. Ватники и шинели намокли. Пропитались водой сапоги и ботинки.

— И зима-то у фашиста не как у людей,— проворчал Плохих.

— Это еще не ихняя земля,— возразил его сосед, глухо кашляя.— Польская она. А весна здесь и вправду ранняя.

Заметив придорожный указатель, на котором готическим шрифтом написано «Черникау», солдат яростно ударил по нему прикладом.

— Это ж надо? Черникау! Я вам дам, гадам, «Черникау» да «Бреслау»! Взяли моду, паразиты: из Бреславля — Бреслау...

— Не трать силы, паря! — засмеялся Плохих.— Вон целая ворона с пауком тебя дожидается.

Невдалеке виднелся пограничный столб с хищным орлом и гитлеровской свастикой. Под ним — табличка с готической надписью: «Дойчланд».

Замедляя шаг, солдаты останавливались у вражеского пограничного столба. Вот она — граница фашистской Германии! Сотни раз измеряли расстояние до нее циркулями по картам, теперь дошли... О чем они думали в этот торжественный момент, познавшие горечь отступления и тяжесть потерь, насмерть стоявшие под Орджоникидзе и Моздоком, сокрушившие мощь хваленых гитлеровских войск, бесстрашные, мужественные бойцы?!

Два стрелка удерживали побледневшего пожилого солдата, пытавшегося дать очередь из автомата по фашистскому орлу:

— Брось, Степаныч! Побереги патроны. Самоходчики сейчас двинут его...

Через мгновение многотонная громадина САУ сбила пограничный столб с фашистским стервятником на макушке и торжественно прошла по нему, вдавливая в землю гусеницами ненавистное изображение.

История справедлива. Было время, когда распоясавшиеся гитлеровские вояки нагло и бесцеремонно стирали с лица земли пограничные знаки многих европейских государств. Но настал час возмездия. Теперь по дорогам Европы, на запад, к столице фашистского рейха, шли освободители поработенных народов, спасители культуры и цивилизации.

На месте поверженного вражеского пограничного столба вырос новый с лаконичной табличкой: «Нам до Берлина 220 километров».

Мы хорошо знали, где он — Берлин. Мы хорошо знали, что в ста сорока километрах от нас — Одер. Тот Одер, который сами немцы называли ключом к Берлину.

Глава вторая

НА ОДЕРЕ

ТЕХНИКА ОТСТАЛА ОТ ПЕХОТЫ

Итак, с 14 по 31 января наши части прошли с боями по зимним дорогам и бездорожью пятьсот тридцать километров. Подобных темпов наступления не знала ни одна армия в мире. Даже Ставка Верховного Главнокомандования не смогла предвидеть такой стремительности. 17 января, на четвертый день наступления, Ставка в порядке уточнения ставила 1-му Белорусскому фронту задачу: выйти на рубеж Быгдош, Познань не позднее 2—4 февраля. Дальнейшее наступление вообще не планировалось. Однако в темпы продвижения внесли свои коррективы действия авиации и вырвавшиеся за рекой Пилицей на оперативный простор танковые армии. Отрываясь от общевойсковых соединений на шестьдесят — сто километров, танки громили колонны подходящих резервов противника, не давая им занять подготовленные к обороне рубежи, захватывали крупные населенные пункты и важные стратегические узлы, уничтожали вражеские штабы, базы и линии связи, сеяли в рядах фашистского воинства страх и растерянность.

Пользуясь завоеванным красноречивыми истребителями господством в воздухе, эскадрильи штурмовиков своим огнем рассеивали скопления вражеской пехоты, их авиапушки и реактивные снаряды, уничтожали фашистские танки и автомашины. Бомбардировщики различных типов наносили сокрушительные удары по оборонительным сооружениям, стратегическим пунктам и скоплениям техники противника.

Благодаря такому тесному взаимодействию наших танков и авиации, стрелковым соединениям предоставлялась полная возможность безостановочно двигаться все-сокрушающим стремительным потоком на запад, ликвидируя по пути отдельные гарнизоны и опорные пункты врага, захватывая один за другим хваленые оборонительные рубежи, которые войска противника не успевали даже занять.

Соединения и части 5-й ударной армии 31 января почти вплотную подошли к Одеру.

Неподалеку от своих дивизий, тщательно укрывшихся в негустых, чем-то похожих на парки приодерских лесах, юго-восточнее населенного пункта Бэрвальде в домике железнодорожного сторожа расположился штаб 9-го Краснознаменного стрелкового корпуса. Из узкого окна было видно, как проносились низко над лесом эскадрильи «юнкерсов». Авиация противника на подступах к Одеру «показала зубы».

— Разгулялись стервятники,— заметил генерал Игнатьев, поглядывая в окно.— Знают, что моих зенитчиков нет. И авиация наша исчезла куда-то.

— Ну, самолеты, положим, с полевых аэродромов по такой «кислой» погоде взлетать не могут,— отозвался Шикин.

— Немцы-то летают?

— Немцы, Петр Михайлович, летают с приберлинских бетонированных аэродромов,— вмешался я.— Да дело не только в авиации. Вернее, не столько в авиации, сколько в артиллерии.

Игнатьев в сердцах даже застонал с досады, а затем взмолился:

— Иван Павлович! Пошли меня взводом, что ли, командовать! Ну, какой я начальник артиллерии без... артиллерии?!

С невольным сочувствием посмотрел я на генерала. Да, с артиллерией было плохо. Все, что базировалось на

механической тяге, осталось из-за отсутствия горючего на дорогах Польши. «Перевыполнение плана», которым мы так гордились, имело и свои негативные стороны: тылы не сумели обеспечить нас горючим; армия, а вместе с нею и корпус остались без артиллерии, без боезапаса, без продовольствия и многого другого. С дивизиями сюда пришло по два-три десятка орудий и минометов на конной тяге, да и то с невероятными трудностями.

— Да, ничего себе картинка вырисовывается,— мрачно констатировал Шикин.— Воевали — веселились... И танкисты хороши! То дым коромыслом подняли, а то вдруг исчезли, словно и не было их.

— Худо, чего уж толковать,— согласился Игнатьев.— А вот комкор не жалуется, помалкивает. Вам что, жаловаться неохота, Иван Павлович?

В этот момент в комнату вбежал дежурный по штабу и, смешавшись, совсем не по-уставному доложил:

— Товарищ генерал! Командующий армией!

Я поднялся и с улыбкой глянул на Петра Михайловича:

— Вот сейчас и я пожалуйюсь.

Но командарм упредил меня. Внимательно выслушав мой краткий доклад, Николай Эрастович Берзарин вместо обычного теплого приветствия суховато сказал:

— Жаловаться не советую. Сам знаю, что обстоятельства весьма усложнились. Тем не менее помощи ждать неоткуда.

Мы прошли в одно из помещений штаба. Коротко поздоровавшись с присутствующими, командарм тяжело опустился на стул. Заговорил нарочито шутливо:

— Ну и упрятались, словно медведи. Едва нашел...

— Авиация противника житья не дает, товарищ командующий,— решил оправдаться Шикин.

— Мне бы ваши заботы,— усмехнулся Берзарин и весело добавил: — А техника-то, первоклассная техника, отстала от пехоты! Впрочем, где за вами угнаться.

По тридцать и больше километров в сутки, да еще и без дневок. Прямое нарушение уставов.

— Уставы, будем надеяться, нас простят,— заметил я.— А вот как противник посмотрит на то, что мы к Одеру без артиллерии пожаловали? Ведь за Одером нас будут контратаковать и непременно крупными танковыми силами. У нас же противотанковых средств мало. Одна надежда на танкистов генерала Богданова.

— Вы, Иван Павлович, совершенно невозможный человек,— устало ответил Николай Эрастович.— Откуда у вас эта вредная привычка — взять и в самое больное место шилом ткнуть? И на танки генерала Богданова рассчитывать не приходится.

В штабе наступила тяжелая тишина.

Берзарин пристально оглядел наши помрачневшие лица, затем встал, тяжело навалился на стол, на котором лежала испещренная пометками карта. Заговорил сухо и лаконично:

— Войска Второго Белорусского фронта, ведя трудные бои по уничтожению восточно-прусской группировки противника, сосредоточили все свои усилия на северном направлении. В связи с этим левый фланг Второго Белорусского фронта отстал от нашего правого фланга на сто шестьдесят километров. Мне незачем вам объяснять, что именно этот участок и является в настоящее время самым уязвимым нашим местом. Гитлеровское командование воспользовалось создавшимся положением. Разведка донесла о спешном формировании в восточной Померании крупной группы войск, с помощью которой противник намеревается нанести сильный фланговый удар и, отрезав вырвавшиеся вперед войска Первого Белорусского фронта, прижать их к Одеру и уничтожить. Маршал Жуков принял решение — силами сорок седьмой и шестьдесят первой армий, первой гвардейской и второй танковых армий, а также Первой Польской армии — нанести встречный удар по восточно-померанской группировке

противника, чтобы устранить угрозу его флангового удара.

Командарм выпрямился и неожиданно спросил меня:

— Ну, Иван Павлович, уяснили, где наши танки?

Я облегченно вздохнул.

Николай Эрастович удивленно глянул на меня:

— Да вам словно полегчало? Отчего бы?

— Я теперь, товарищ командующий, за свой правый фланг спокоен,— съехидничал я, хотя на душе было тяжело.

— Хорошо, хоть этим порадовал,— рассмеялся Берзарин.— Что же касается задачи нашей, то она предельно проста: форсировать Одер, занять плацдарм и держать его до подхода главных сил фронта. Армейский передовой отряд, который наступает в полосе вашего левого соседа генерала Фирсова, уже занял на западном берегу Одера городок Кинитц. Желаю не отставать. Да, Иван Павлович! Судя по донесениям разведки, противник еще не успел занять оборонительные укрепления на западном берегу реки. Но это сегодня. А завтра, может статься, займет. Спешить надо. Сейчас главная задача — занять плацдарм на западном берегу Одера. Нужно опередить противника, иначе потом за этот клочок земли большой кровью платить придется.

Пожелав нам успеха в предстоящей операции, командующий 5-й ударной армией отбыл. Проводив его, я долго смотрел в темноту, в сторону Одера, где завтра должны были развернуться главные события.

ЗАХВАТ ПЛАЦДАРМА

Было ясно, что только немедленный захват территории на западном берегу и организация ее обороны смогут обеспечить выполнение поставленной перед корпу-

сом задачи — создания надежного плацдарма для удара частей и соединений 1-го Белорусского фронта по Берлину.

Уже стемнело, когда я выехал в распоряжение 230-й, а затем 248-й стрелковых дивизий, чтобы информировать их командование и штабы об обстановке и поставить задачу по захвату плацдарма. Нужно было разъяснить подчиненным, что необходимо ускорить движение вперед, к Одеру, ускорить форсирование этой водной преграды и захват плацдарма на западном берегу. Кроме того, я особо нацелил командиров соединений на организацию серьезной обороны, так как в недалеком будущем следовало ожидать ответного удара.

Вместе с тем я обратил внимание командования обеих дивизий на то, что наше успешное многодневное наступление неправильно оценено кое-кем из офицеров соединений, которые ослабили бдительность и заразились опасной болезнью «шапкозакидательства». Я предложил Николаю Захаровичу Галаю и Даниилу Кузьмичу Шишкову как можно строже контролировать точное выполнение приказов в полках и батальонах.

1 февраля 1945 года 230-я дивизия полковника Шишкова двинулась в направлении населенного пункта Целлин. Однако с самого рассвета вражеская авиация начала наносить непрерывные бомбовые удары по колоннам дивизии. Только на район Бэрвальде противник произвел сто тридцать самолетовылетов. Соединение понесло потери, вынуждено было рассредоточиться. Лишь с наступлением сумерек наши части смогли продолжить движение. Передовые подразделения, форсировав Одер по льду в районе населенных пунктов Альт-Блессин и Целлин, овладели плацдармом при незначительном сопротивлении противника. К полуночи дивизия Шишкова всеми силами вышла на плацдарм и приступила к организации обороны.

Почти так же сложилась обстановка и на участке 248-й

дивизии Галая. Полки намеревались засветло форсировать реку и овладеть плацдармом, но при подходе к населенному пункту Клоссов были остановлены массированными ударами гитлеровской авиации. Тем не менее 899-й стрелковый полк к 19.00 перешел по льду Одер и вышел на окраину населенного пункта Ортвиг, где был остановлен противником. Чуть позднее форсировал реку 902-й полк. Он полностью овладел прибрежным городком Гросс-Нойендорфом, продвинулся дальше и частью сил вышел к высоте 14,0 на так называемых «горах» Фукс.

К 24.00 1 февраля командир 248-й стрелковой дивизии генерал Галай и командир 230-й стрелковой дивизии полковник Шишков доложили о выполнении поставленной задачи.

ДЕРЖИСЬ! СКОРО БУДУ!

К концу дня 1 февраля стало ясно, что попытка гитлеровского командования ударом с севера, из восточной Померании, во фланг войскам 1-го Белорусского фронта задержать наше наступление и форсирование Одера не увенчалась успехом. Тем не менее обольщаться было рано. Слишком уж большие надежды возлагала фашистская верхушка на Одерскую оборонительную линию. Именно здесь был тот последний рубеж, на котором они рассчитывали сдержать натиск советских войск до предполагаемого заключения сепаратного мира с Англией и Соединенными Штатами Америки и до создания Германией атомного оружия, с помощью которого заправила третьего рейха надеялись изменить ход войны.

Было ясно, что командование противника сделает все для того, чтобы отбросить назад, на правый берег, захва-

тившие плацдарм наши войска, и что попытка эта будет предпринята в ближайшие часы.

Тогда мы еще не знали, что в течение ночи гитлеровцы стянули к району плацдарма 25-ю мотодивизию, 34-й батальон фольксштурма, 397-й запасный батальон, 1-й легкий артполк, 19-й легкий артдивизион, 8-й авторемонтный батальон, 13-й моторизованный артдивизион, 5-й запасный разведбатальон, 12-й саперный батальон, 12-й запасный строительный батальон, 4-й запасный саперный батальон и более полусотни танков. Все эти части торопились занять оборону по западному берегу Одера. Но не успели. На рассвете 2 февраля противник нанес сильный бомбовый и артиллерийский удар по 899-му и 902-му стрелковым полкам 248-й стрелковой дивизии, атаковал их боевые порядки танками. Удар был настолько сильным, что полки отошли к Одеру. Здесь они зацепились за крупный населенный пункт Гросс-Нойендорф и целый день вели напряженный бой.

Немало солдат и офицеров проявили в тот день образцы мужества и героизма, но положение полков продолжало оставаться чрезвычайно тяжелым. Нужно было принимать срочные меры по вводу в действие свежих сил для обеспечения обороны плацдарма.

Понимая, что полки делают отчаянные усилия удержаться на плацдарме, генерал Галай отдал приказ форсировать Одер 905-му полку, стоявшему во втором эшелоне. Но все попытки этого полка выполнить приказ оказались безуспешными: вражеская авиация попросту не давала поднять головы.

Стало ясно, что, если даже 905-й полк сумеет переправиться через Одер, восстановить положение на плацдарме все-таки не удастся.

— Придется, по-видимому, вводить в дело 301-ю дивизию, — сказал я, обращаясь к Шикину.

— Кажется, пора, Иван Павлович, Ленев почти кричит о помощи.

Командир 902-го полка полковник Ленев действительно несколько раз открытым текстом просил по радио полковника Филатова поспешить к нему на помощь.

Дмитрий Трофимович Филатов, полк которого был прижат к земле авиацией гитлеровцев, постоянно обнадеживал Ленева:

— Я иду, дружище! Держись! Скоро буду!

Но «перешагнуть» через Одер 905-му полку удалось только с наступлением темноты. Выйдя на плацдарм, полк энергично атаковал противника. И вскоре все три его батальона вышли на шоссейную дорогу между Ортвигом и Гросс-Нойендорфом.

Примерно в это же время в районе Целлина форсировала Одер 301-я дивизия полковника Владимира Семеновича Антонова. Еще во второй половине дня я вызвал его по радио в штаб корпуса. Антонов явился без промедления, но ему не повезло: почти у самого штаба корпуса машина попала под бомбежку и вышла из строя. Кроме того, был убит адъютант комдива лейтенант Козобко — толковый, исполнительный офицер.

Боевая задача, которую я поставил перед полковником Антоновым, сводилась к следующему: в ночь на 3 февраля форсировать Одер всеми силами 301-й дивизии и с утра повести решительное наступление на Ортвиг.

Антонов точно выполнил поставленную перед ним задачу.

Растерявшийся противник откатился за полотно железной дороги, но на участке железнодорожной станции Ной-Барним — Ортвиг вновь активизировался и сумел организовать сильную оборону. 301-я дивизия остановилась в полукилометре от этого рубежа и начала закрепляться. Таким образом, с помощью вторых эшелонов нам удалось восстановить плацдарм в прежних его границах.

Глава третья

«РЕСПУБЛИКА» ШАПОВАЛОВА

ПО ВРАГУ — ЕГО ЖЕ СНАРЯДАМИ!

Проливной дождь, начавшись с вечера 2 февраля, к утру поутих, но небо по-прежнему оставалось в тучах. Липкая грязь, в которой вязли ноги, серьезно мешала продвижению. Тем не менее к полудню 3 февраля противник решил перейти в наступление. Учитывая, что на плацдарме появились наши свежие силы, он использовал свое временное господство в воздухе и нанес по советским войскам сильный бомбовый удар. Более пятидесяти вражеских бомбардировщиков в течение довольно продолжительного времени бомбили позиции 1050-го и 1052-го полков 301-й дивизии и 905-го полка 248-й дивизии. Вскоре в «обработку» наших позиций включилась и артиллерия — мины и снаряды обрушились на боевые порядки этих полков.

Предположив, что силы защитников плацдарма подавлены массированным ударом, противник начал действовать более активно. Из-за полотна железной дороги и из района Ортвига на позиции 301-й дивизии и 905-го полка 248-й дивизии пошли в атаку до пятидесяти танков с автоматчиками на броне. За ними двигалась на бронетранспортерах мотопехота.

Когда танки приблизились к боевым порядкам 905-го полка, по ним открыла огонь батарея сорокапяток капитана Сергея Дементьевича Никитина. Первыми же выстрелами были подбиты танк и два бронетранспортера противника. Танки ответили яростным огнем.

Капитан Никитин был опытным офицером. Позиции

батареи были выбраны со знанием дела, а расчеты хорошо потрудились, чтобы отрыть для своих орудий надежные укрытия. И вражеские снаряды почти не достигали цели. Высоким было и огневое мастерство расчетов, где находились такие знатоки своего дела, как наводчик орудия сержант Глазко, который двумя выстрелами уничтожил один за другим танк и бронетранспортер.

Однако батарее приходилось вести бой со слишком многочисленным врагом. На позиции полка Филатова шли двадцать пять танков. Это была значительная сила, остановить которую огнем батареи сорокапяток было невозможно. Тем более, что через несколько минут после начала боя орудие сержанта Глазко было выведено из строя. Но расчет пушки не остался без дела.

Во время вчерашней атаки наши воины захватили немало фаустпатронов. Теперь все номера расчета, вооружившись трофейными фаустпатронами, выдвинулись вперед и открыли огонь по врагу из его же оружия. Вскоре запылали еще несколько танков и бронетранспортеров.

Применили фаустпатроны и воины первой стрелковой роты, которой командовал капитан Бутырский. Благодаря стойкости пехотинцев и слаженным действиям расчетов батареи Никитина атака на участке 905-го полка была отбита.

Вскоре центр боя сместился на участок 1050-го полка 301-й дивизии. Противник стремился вклиниться на стыке первого и второго батальонов. Первый батальон, занимавший оборону на правом фланге полка Гумерова, подвергся сильному удару танков и мотопехоты со стороны железнодорожного полотна в районе станции Ной-Барним и из района станции Ной-Левин. Под натиском превосходящих сил противника батальон отступил к Одеру.

Второй батальон, которым командовал капитан Федор Кузьмич Шаповалов, обойденный противником с обоих флангов, попал в окружение. Но благодаря стойкости солдат и офицеров, благодаря умелой организации боя

он сумел укрепиться в районе фольварка и занять круговую оборону. Воины батальона были полны решимости удержать важный для наших войск опорный пункт.

Не дрогнул под натиском вражеских танков и мотопехоты и третий батальон. Солдаты Героя Советского Союза капитана Богомолова еще раз продемонстрировали высокие боевые качества в сложной тактической обстановке.

А подполковник Гумеров нервничал. Отход первого и окружение второго батальона поставили полк в сложное положение.

— Куда тебя несет? — отчитывал он капитана Ленского. — Ты же Шаповалова подводишь, фланг ему открыл.

Ленский оправдывался, ссылаясь на большое численное превосходство противника и его значительную техническую оснащенность. Однако Гумеров не принимал оправданий.

После недолгого колебания командир полка ввел в бой свои резервы. С их помощью первому батальону удалось закрепиться на местности.

КОМБАТ ШАПОВАЛОВ

Батальон Шаповалова был окружен. На пятачке радиусом не более восьмисот метров, в центре которого высился прочный каменный дом с глубокими полуподвалами и многочисленными хозяйственными постройками, образовалась простреливаемая со всех сторон, но все-таки удерживаемая территория. Солдаты вскоре нарекли ее «республикой» Шаповалова.

Все три роты второго батальона занимали оборону по окружности пятачка, а их тылы, обращенные внутрь круга, почти вплотную примыкали к расположившемуся

в полуподвале дома КП. Здесь же, в самом центре «республики», были позиции минометной роты старшего лейтенанта Седова. Рядом с ними стояли сорокапятки лейтенанта Багирова. Расчет одного из орудий занял огневую позицию возле ворот усадьбы.

За бетонной стеной надежно укрылись и те пулеметные расчеты роты Карибского, которые не были брошены на укрепление огневых средств стрелковых рот.

Взобравшись на чердак дома, комбат внимательно осмотрел в бинокль равнину. Тревожное чувство, не покидавшее его долгое время, слегка поутихло. Шаповалов знал: фриц ночью не вояка. Стало быть, до утра батальон получил отсрочку.

Уже четыре жестокие атаки были отбиты. В ротах — большие потери, но самое страшное — на исходе боеприпасы, продукты, медикаменты.

Шаповалов спустился в помещение своего КП. Хмуро глянул на офицеров, сказал чуть слышно:

— В ротах последние патроны считают. Если завтра к утру нам не помогут, останется только одно — рукопашная! Дай-ка докурить, Кузьменко.

Шаповалову шел двадцать второй год. Но за его плечами был уже не один год войны. Еще в боях на Голубой линии он, тогда еще командир роты, своей кровью окропил землю Тамани. Там пришли к нему одновременно и большая радость, и тяжкое горе: за боевые подвиги на Таманском полуострове получил первую награду Родины и здесь же узнал о гибели отца — ефрейтора Кузьмы Петровича Шаповалова, командира минометного расчета, павшего смертью храбрых на этом же участке фронта.

В кармане гимнастерки рядом с партийным билетом хранил комбат письмо матери, наказывавшей сыну отомстить за гибель отца и дойти до Берлина. И вот до столицы гитлеровской Германии каких-нибудь семьдесят пять километров, а Федор Шаповалов не знает, суждено

ли ему пройти их. Может, с рассветом придется возглавить последний бой своего батальона...

В самом начале предыдущего боя комбат стал очевидцем гибели орудийного расчета от прямого попадания вражеского снаряда. Часом позже на глазах у Шаповалова осколки фашистской мины оборвали жизнь наводчика ПТР сержанта Серова и его напарника рядового Белякина. Наконец, всего полчаса назад Шаповалов навсегда простился с павшим от вражеской пули лейтенантом Корольковым, командиром пулеметного взвода.

Замполит подсел поближе к комбату, понимая, как нелегко сейчас на душе у Шаповалова, и сказал вдруг вкрадчивым голосом:

— Между прочим, я распорядился насчет печенья и конфет. Больше никто ни грамма не получит. Весь запас оставим нашим девчатам к восьмому марта.

— Хитрая ты bestия, замполит,— усмехнулся Шаповалов.— Это же надо такое придумать. Завтра утром решается судьба батальона, так ты наложением ареста на конфеты морально-боевой дух поднимаешь?

— Разгадал загадку? — Кузьменко заговорщически приложил палец к губам: — Ну и помалкивай. Хотя, между прочим, я совершенно уверен, что мы еще будем наших девчат восьмого марта сладостями потчевать.

— Ладно. Будем так будем. Ты лучше скажи, как там настроение в шестой роте?

— А что? Настроение боевое! У Рабенко ребята, знаешь, что придумали? Ночью на нейтралку пойдут немецкие «шмайсеры» и боеприпасы собирать. Будем бить фрицев их же оружием.

— Неплохо придумано, замполит. Но это проблемы не решит,— возразил Шаповалов.— Можно, конечно, собрать все силы в кулак и ударить как следует. Наверняка удалось бы соединиться с батальоном Богомолова. Так ведь противнику только этого и надо. Ведь потом их с этого чертова фольварка не выбьешь.

— Да, ты прав. Это не выход,— согласился Кузьменко.

Оба замолчали, склонившись над картой. С приходом капитана Карибского и комсорга батальона старшего лейтенанта Салиджана Алимова на КП снова возобновился разговор.

— Что с боезапасом будем делать? — спросил командир пулеметной роты.

— Весьма свежий вопрос,— усмехнулся Шаповалов.— У минометчиков последний боекомплект остался. У артиллеристов почти нет снарядов. А чем ты обрадуешь, комсорг?

Алимов усмехнулся:

— У Храмова я был. Там полный порядок. Правда, с патронами тоже туго, но Федор Ефимович отдал приказ вести прицельный огонь одиночными выстрелами и подпускать врага ближе, чтобы бить наверняка.

— Оптимист у нас комсорг,— невесело усмехнулся Карибский.— В пятой роте полный порядок, огонь ведут только одиночными выстрелами.

Обстановку разрядил внезапно возникший в дверях парторг батальона старший лейтенант Гвоздев. Собственно говоря, о том, что это именно он, Гвоздев, можно было догадаться только по голосу. Парторг с ног до головы был перемазан грязью. На черном лице поблескивали белки глаз да зубы. Все поначалу настороженно рассматривали пришельца, не могли узнать. Лишь когда старший лейтенант заговорил, разом узнали знакомый голос. На КП грянул дружный смех, посыпались шутки:

— Ты что, фашистов пугать ходил?

— Да это он так, для маскировки!

— Нечего смеяться, у парторга ревматизм. Вот он и лечил его грязевыми ваннами.

Гвоздев только укоризненно покачивал головой:

— Ладно скалить зубы! Пусть-ка кто-нибудь из вас

сходит в четвертую роту. Если вернется, тогда я посмеюсь.

— Ты поскорей приводи себя в порядок, а то, правда, на черта похож. Да не возись долго, сейчас чай пить будем.

Под чаем подразумевалась солдатская кружка кипятка с сухарем.

Парторг ушел и через четверть часа возвратился совершенно преображенный. За чаем рассказал, что с ним приключилось:

— Это мне за беспечность досталось. Я от Яковлева шел. Бодро этак шагаю себе. Радуюсь, что четвертая рота все-таки успешно отбила атаки. Командир у них молодец. И тут меня чуть не накрыли. Перекрестным огнем. Как сыпанули из пулеметов. Я рядом в воронку рыбкой. А там жидкой грязи по пояс. Чуть было не захлебнулся...

— Так, может, не давать тебе чаю?

— Почему?

— Может, жижи из воронки по завязку досталось?

— Ну вас к лешему, шутники!.. Э... А почему конфет нету?

— У замполита спроси. Он зажал.

— Вместо патронов, что ли, выдавать будешь?

— Восьмого марта девочкам праздник устраю, — отозвался Кузьменко.

— Ого! Далеко загадал. А впрочем, мысль верная. Надо девушек порадовать. Нелегко им приходится. Ты в санвзводе был, замполит?

— Был. Тяжко там. Раненые в помещении, раненые под стеной. Смирнова с ног сбилась. Перевязочные материалы кончились — постельное белье на бинты пускают. Осунулась Валентина, молчит, а по всему видно, что втихомолку плачет.

Хлопнула дверь, на пороге появился взволнованный майор Азарян, начальник штаба батальона.

— Федор Кузьмич! Антонов вызывает...

Все замерли. Шаповалов стремительно поднялся и быстрыми шагами прошел в соседнее помещение, где находилась рация. Десять минут он отстукивал ключом, и все это время на КП царила полная тишина. Слышно было лишь дыхание офицеров. Каждый из них понимал, что от разговора комбата с командиром дивизии во многом зависит судьба батальона. Характер Антонова был хорошо известен подчиненным, они знали: полковник не оставит своих людей без помощи, если есть хотя бы малейшая возможность. Но есть ли у комдива такая возможность — этого собравшиеся на КП офицеры знать не могли.

Шаповалов возвратился таким радостным, что всем стало ясно: вести — хорошие. Комбат сказал кратко и весело:

— Завтра утром атакует полк Радаева. Полковник Антонов просил продержаться до этого времени. Но противник может атаковать нас до подхода радаевского полка. Поэтому советую не вздыхать с облегчением, а разойтись в роты, чтобы организовать надежную оборону и подбодрить людей, сообщив о решении командира дивизии.

С улицы донеслись хлопки минометов и несколько далеких разрывов.

— Что там за чертова обедня? — озабоченно проворчал комбат, бросившись к выходу. — Неужели решились на ночную атаку?

Вслед за комбатом наружу высыпали остальные.

Как выяснилось, где-то на своем переднем крае противник установил громкоговоритель и на ломаном русском языке предлагал попавшему в окружение батальону сдаться в плен. Враги хвастались каким-то новым оружием и близким ударом из Померании, но особый упор делали на то, что, дескать, в 1941 году Красная Армия дала им «прикурить» под Москвой, а здесь, под Берлином, они отплатят тем же. Чувствовалось, что текст составлен

кем-то из тех, кому уже давали «прикурить», ибо в передаче было употреблено именно это выражение.

Бойцы Шаповалова встретили «обращение» хохотом, а командир минометной роты старший лейтенант Седов вслепую выпустил по громкоговорителю несколько мин.

— Видно, попал, — смеясь, сказал он Шаповалову. — Сразу заткнулись!

— Дать бы тебе по загривку, Ваня! — зло заметил комбат, — чтобы поумнел и мины попусту не тратил. Фрицы отлично знают, что мы именно так ответим. Их цель — заставить нас расходовать боезапас попусту. Будем считать, что этой цели они достигли.

Седов виновато опустил голову.

ЕЩЕ ОДИН ЖЕСТОКИЙ БОЙ

Утро 4 февраля, которого с таким нетерпением ждали окруженные, оказалось для них очень тяжелым. Едва солнце поднялось из-за померанских лесов, раздался многоголосый ноющий гул. Большая группа вражеских «юнкерсов», появившаяся со стороны Берлина, начала первый заход. Волна за волной бомбардировщики обрабатывали изуродованный клочок земли, в который мертвой хваткой вцепился второй батальон 1050-го полка — «республика» Шаповалова...

Сразу же после налета противник бросил в атаку восемнадцать танков и до полка пехоты. Стало ясно: до подхода полка Радаева придется выдержать еще один жестокий бой. Правда, люди Шаповалова готовились к такому повороту событий еще с вечера. И это сыграло, пожалуй, большую роль в том, что с самого начала боя четвертая и пятая роты успешно боролись с танками врага.

Противотанковыми гранатами и бутылками с горючей

смесью бойцы Яковлева и Храмова уничтожили четыре боевые машины. Остальные танки немедленно начали отходить назад, не прекращая, однако, огня из пушек и пулеметов. Под прикрытием этого огня вражеская пехота атаковала наши позиции. Солдаты и офицеры, подпустив пехоту противника на близкое расстояние, прицельным огнем нанесли ей значительный урон и принудили отступить. Особенно отличился в этом бою парторг батальона Гвоздев. Он уничтожил более десятка фашистов.

Гораздо тяжелее сложилась обстановка на участке шестой роты. В первые же минуты боя был ранен командир роты старший лейтенант Рабенко, что привело бойцов в некоторое замешательство. Этим воспользовались враги и усилили натиск. Шестая рота вынуждена была отойти, оставив свои позиции.

И тогда к роте поспешил капитан Кузьменко и повел ее в контратаку. Перед этим замполит получил пулевое ранение, но, зажав рану рукой, поднялся первым с возгласом: «Вперед! За Родину!».

Поступок капитана воодушевил бойцов. Яростным ударом рота отбросила врага и вернула утраченные позиции.

Сильно поредели ряды минометчиков батальона. Некоторые расчеты полностью вышли из строя. Начальник штаба батальона майор Азарян, в прошлом минометчик, организовал в штабе батальона группу для пополнения минометной роты и сам возглавил ее. И хотя тяжелое ранение вскоре вывело майора Азаряна из строя, созданная им группа, пополнившая минометную роту, способствовала успешному отражению атаки противника.

В минуту наивысшего напряжения боя рядом с КП умолк станковый пулемет. Туда сразу пришел Карибский: через мгновение в опытных руках командира пулеметной роты «максим» снова заработал.

Однако, несмотря на мужественное сопротивление батальона, противник все усиливал натиск.

Александр Федорович Богомолов видел, как нелегко приходится Шаповалову, но ничем не мог помочь товарищу: третьему батальону с рассвета тоже пришлось отражать сильную атаку противника. На всех участках дела пока шли вроде неплохо. Однако между батальонами врагу удалось вклиниться в нашу оборону. И Богомолов решил ввести в бой на этом участке свой резерв, чтобы не только отбросить врага с позиций батальона, но и, насколько это возможно, помочь Шаповалову, отвлечь на себя часть сил немцев. Замысел капитана увенчался успехом. Ударом резерва, который повел в атаку сам Александр Федорович, фашисты были отброшены и ослабили натиск на «республику» Шаповалова.

В этой блестяще проведенной контратаке Богомолов был тяжело ранен. Чтобы оказать ему помощь, начальник батальонного медпункта лейтенант Галина Федоренко, пренебрегая опасностью, бросилась в самую гущу боя. Но, несмотря на все старания Гали, Герой Советского Союза капитан Александр Федорович Богомолов умер у нее на руках.

Он лежал с широко открытыми глазами, устремленными в серое февральское небо, и не знал, что ровно через минуту на боевые порядки гитлеровцев обрушится артиллерийско-минометный шквал. А еще через двадцать минут полк Радаева грозной атакой отшвырнет противника за полотно железной дороги и вызволит из окружения «республику» Шаповалова.

Глава четвертая

ОБРАЩЕНИЕ МАРШАЛА ЖУКОВА

★

ЛЕДОХОД НА ОДЕРЕ

5 февраля 1945 года над Одером светило солнце. Но ни ранняя весна, ни хорошая погода никого из нас не радовали, потому что ночью лед на Одере тронулся.

Все находившиеся на плацдарме части корпуса оказались отрезанными от баз снабжения: переправиться на противоположный берег по льду стало теперь невозможно. Плавсредства нельзя было применить из-за битого льда, двинувшегося по всей ширине реки. Прекратилась подача на плацдарм боеприпасов, продуктов питания, медикаментов. Прекратилась эвакуация с плацдарма раненых, а их в подразделениях было немало.

На левом берегу у нас по-прежнему не было ни одного танка, ни одного зенитного орудия. Неизвестно где пребывала и наша авиация. Все это чрезвычайно тревожило штаб. Но самое большое беспокойство испытывали мы оттого, что с вводом в бой 301-й дивизии в корпусе не осталось никаких резервов.

Емельян Иванович Шикин с самого утра «завелся» и непрерывно ворчал — верный признак того, что начальник штаба серьезно озабочен сложившейся обстановкой:

— За всю жизнь ни разу еще не слышал о соединении, начисто лишенном резервов!

— Ну, допустим, что это так, — соглашался генерал Игнатьев. — Что же из этого следует? Я, например, за свою жизнь еще ни разу не слышал о соединении, начисто лишенном артиллерии.

— Но ведь надо, надо что-то делать! — волновался Шикин.

— А что делать? Просить помощи у командарма? У него тоже нет резервов. Полно вам плакаться, Емельян Иванович! Двадцать шестой корпус генерала Фирсова в аналогичном положении. Все его части — на плацдарме в районе Кинитца. А резервов, как и у нас, нет. Но Фирсов не просит помощи у Берзарина!

— А вам сие откуда известно, Петр Михайлович? — вмешался я. — Может быть, и просит. Нам сейчас надо рассчитывать только на собственные силы. Есть сведения, что тылы наконец получили возможность обеспечить горючим технику, оставшуюся на дорогах Польши. Скоро начнет подходить артиллерия. Вот и не будет причины одному ворчать, что не слыхал о соединении без резервов, а другому — ехидничать, что не видел корпуса без артиллерии. Только как продержаться эти несколько дней?

— Одна надежда на то, что противник, получив вчера хороший тумак, еще будет приходить в чувство и не сунется в драку, — задумчиво проговорил генерал Игнатьев.

— И это говорит командующий артиллерией корпуса! — воскликнул Шикин. — Нет, Петр Михайлович, противник не такой дурак. Он отлично осведомлен о нашем положении. И понимает, что именно сегодня, когда на Одере ледоход, когда у корпуса нет резервов, ему надо нанести удар по нашему плацдарму.

Подобные разговоры в тот день не раз возникали в штабе. И, как правило, оканчивались ничем, ибо мы могли надеяться только на стойкость, отвагу, мужество своих солдат и офицеров.

Последний разговор завершился несколько неожиданно. В штаб корпуса был доставлен пленный офицер. Разведчики 301-й дивизии сумели каким-то чудом перебраться с «языком» через Одер.

Пленный вел себя самоуверенно, но показания давал с охотой. Он почти слово в слово повторил то, что передавали через громкоговорители гитлеровцы в ночь на 4 февраля перед боевыми порядками батальона Шаповалова, пытаясь склонить его к сдаче.

— Мы разобьем вас на Одере, как вы разбили нас под Москвой,— гордо воскликнул обер-лейтенант, назидательно подняв к потолку указательный палец.— Это не пустые слова, господа. Вы проникли на западный берег великой германской реки, вы похитили ключ от нашей столицы. Но не позднее чем сегодня в полдень в соответствии с волей фюрера мы вырвем этот ключ из ваших рук!

«Язык» говорил много и напыщенно. Пугал нас «новым оружием», уверял, что Красная Армия — на краю гибели. Но с ног до головы перемазанный грязью обер-лейтенант в сочетании со всеми его угрозами был настолько комичен, что вскоре все расхохотались.

И тогда «язык» взорвался. Брызгая слюной, он быстро-быстро заговорил по-немецки. Потом помолчал и отчеканил:

— К 12.00 ваши части будут атакованы 25-й мотодивизией, пехотной дивизией «Дебериц», пехотной дивизией «Берлин» и 606-й дивизией особого назначения. После этого удара от вас останется мокрое место! Если только вам сам черт не поможет. А теперь можете смеяться, господа!

Когда пленного увели, у всех возникло желание узнать, почему brave обер-лейтенант был так перемазан грязью. Выяснилось, что парторг батальона Шаповалова старший лейтенант Гвоздев, скручивая «языка», основательно вывалял его в грязи. И снова веселый смех раскатился по штабу корпуса. Но на этот раз он был недолгим.

Данные визуального наблюдения, сведения, полученные от других пленных, и многое другое подтверждало

сообщение обер-лейтенанта о подходе свежих соединений противника и готовящемся ударе. Тут уж, как говорится, было не до смеха.

Вскоре позвонил из своего штаба командир 26-го гвардейского стрелкового корпуса генерал Павел Андреевич Фирсов. И он был обеспокоен повышением активности противника.

— По всем признакам,— говорил Фирсов по телефону,— гитлеровцы готовятся одним ударом ликвидировать и твой, и мой плацдармы, Иван Павлович. У тебя что-нибудь заметно?

Я рассказал Павлу Андреевичу о полученных разведкой сведениях и предполагаемом времени вражеской атаки. Тот долго сопел в трубку, затем сказал:

— Значит, и у тебя то же... Вот ведь положение! Резервов нет, артиллерии — кот наплакал, поддержки с воздуха — никакой. О танках и говорить нечего. Словом, ей-ей, почти как в начале войны. Опять на энтузиазме выезжать?

Положение было действительно тяжелым, рассчитывать приходилось только на стойкость и мужество людей, намертво вцепившихся в заодерский плацдарм. В сложившейся обстановке нужно было во что бы то ни стало подбодрить личный состав частей и подразделений, поднять боевой дух. Для этого необходимо было найти такие слова, которые пробудили бы в сознании каждого солдата понимание всей важности поставленной перед нами задачи. Найти слова, которые дошли бы до сердца каждого воина, укрепили его веру в неизбежность нашей победы.

Именно такие слова нашел в этот нелегкий для 5-й ударной армии час командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Г. К. Жуков.

Буквально через несколько минут после телефонного разговора с генералом Фирсовым из штаба армии было получено следующее обращение маршала Жукова:

«Военному совету 5-й ударной армии, командирам корпусов и дивизий 5-й ударной армии.

На 5-ю ударную армию возложена особо ответственная задача: удержать захваченный плацдарм на западном берегу Одера и расширить его хотя бы до 20 км по фронту и 10—12 км в глубину.

Я всех вас прошу понять историческую ответственность за выполнение порученной вам задачи и, рассказав своим людям об этом, потребовать от войск исключительной стойкости и доблести.

К сожалению, мы вам не можем пока помочь авиацией, так как все аэродромы раскисли, и взлететь самолеты... не могут. Противник летает с берлинских аэродромов, имеющих бетонные полосы. Рекомендую:

- 1) зарыться глубоко в землю;
- 2) организовать массовый зенитный огонь;
- 3) перейти к ночным действиям, каждый раз атакуя с ограниченной целью;
- 4) днем отбивать атаки врага.

Пройдет 2—3 дня, противник выдохнется. Желаю вам и руководимым вами войскам исторически важного успеха, который вы не только можете, но и обязаны обеспечить.

4 февраля 1945 г.

Г. Жуков».

Обращение командующего фронтом немедленно было передано в политотделы дивизий, и тотчас же в роты и батареи двинулись политработники, партийные вожаки и коммунисты-агитаторы, чтобы донести до солдатских сердец слово маршала.

А в подразделениях было беспокойно. Люди тревожились, что ледоход на Одере отрезал их от баз снабжения, что прекратилась доставка боезапаса, продовольствия, курева. Тревожило и то, что до сих пор не подошла отставшая артиллерия. В минуты затишья солдаты строили предположения, обменивались мнениями об об-

становке, ворчали на погоду. Ругали тыловиков за отсутствие боезапаса.

В восьмой роте 1054-го полка кто-то, со вздохом вывернув кисет, скрутил тончайшую самокрутку и занудил:

— И все-таки непонятно, чего мы здесь торчим? Там люди воюют, фрица гонят. Танки у них есть. Авиация летает, прикрывает с воздуха...

— Какое ж твое предложение? На побывку домой, что ли?

— Зачем? Отойти за Одер, дождаться танков, авиации, а потом ка-ак двинуть!..

— Вот ведь, дурак, прости господи! Да за Одер как ты переправишься?

— Чего пустое молоть! Сейчас думать надо, как выстоять. Назад дороги нет.

В самый разгар спора в траншее появился комсорт батальона старший лейтенант Сеничкин. Лицо его было взволновано, но, по своему обыкновению, он широко улыбнулся солдатам, и все вокруг заулыбалось ему в ответ. В батальоне любили комсорта за чуткость и душевность, глубоко уважали за личную храбрость и неизменную привычку быть всегда на переднем крае, среди бойцов, в особенности в самые напряженные моменты.

Сеничкин включился в солдатский разговор так естественно, словно был тут уже давно:

— Это верно, друзья, дороги назад нам отсюда нет. Не спорю, трудно приходится. Два сухаря на обед, три затыжки на ужин — прямо скажем, не густо. И патронов мало, и снаряды по пальцам пересчитать можно. А выстоять необходимо! Ведь сейчас на нас вся страна смотрит. Это подумать только — восьмая рота на самом острейшем всех фронтов страны! Дорогу на Берлин прокладываем. А вот отступи восьмая рота, что будет? Батальон покатится. За ним полк отойдет, дивизия... Вот и нет плацдарма за Одером! Снова его брать придется. И, может, десятки тысяч людей положить... А сколько лиш-

них месяцев из-за этого фашизм на земле еще просуществоует? Нет, смотреть нам в глаза друг другу стыдно станет, если допустим такое. Выходит, на нашей с вами совести лежит громадная ответственность. Историческая! Да вот, послушайте слово маршала Жукова.

И старший лейтенант зачитал солдатам текст обращения. Когда закончил чтение, в траншее долго молчали. Потом пожилой солдат, тот самый, который недавно предлагал отходить назад, за Одер, негромко сказал:

— Вот сидим мы тут... люди вроде маленькие... А не знаем, что историю делаем, что ждут от нас «исторически важного успеха»! И маршал о нас думает. Знает, не сладко нам приходится. Вишь, как душевно пишет: «Я всех вас прошу...». А ведь мог бы и приказать. Значит, в самом деле на главном месте обретаемся мы. И еще... Простите меня, товарищи, за глупые слова мои! По недомыслию... Одно знаю: умереть надо, а этого куска земли за Одером не отдать!

— Очень правильная мысль,— поддержал его комсорг.— Только не умирать надо, а победить!

Обращение маршала Жукова имело громадный морально-политический эффект. Заместитель командира 230-й дивизии по политчасти полковник Веремеев, инструктор политотдела корпуса майор Никулина, заместитель командира 902-го полка по политчасти подполковник Шаренко и многие другие политработники, непосредственно знакомившие личный состав рот и батарей с обращением командующего фронтом, отмечали в своих донесениях, что форма обращения маршала «Я всех вас прошу» и оценка деятельности войск по удержанию одерского плацдарма как «исторически важной», «особо ответственной задачи» имели огромное психологическое воздействие на личный состав. Люди клялись любой ценой отстоять и расширить плацдарм на левом берегу и обеспечить в ближайшем будущем возможность скорейшего наступления на столицу третьего рейха.

Г л а в а п я т а я

ЗА ЖИЗНЬ СОЛДАТСКУЮ

АТАКА ВРАГА ЗАХЛЕБНУЛАСЬ

Болотистые низины по левому берегу Одера испещрены протянувшимися во всех направлениях примитивными ирригационными сооружениями — грабенами. Это довольно глубокие водоотводные каналы, имеющие порой значительное протяжение. В одном из таких грабенов и расположился КП первого батальона 1054-го полка. В обращенной к противнику стенке канала было сделано несколько глубоких ниш, в которых удалось разместить радистов и телефонистов. Здесь же «проживали» ближайшие помощники комбата и сам капитан Грач Минасович Айрапетян. Однако «жилплощадь» большую часть времени пустовала, так как они почти постоянно находились в ротах.

Вот и сейчас, возвратившись из второй роты, Айрапетян застал на месте только комсорга батальона младшего лейтенанта Авакяна. По осунувшемуся лицу и воспаленным глазам молодого офицера было видно, что он провел бессонную ночь и чем-то расстроен.

Грач Минасович и сам почти сутки не спал. Ночью он тщательно осмотрел состояние окопов второй роты, проверил пополнение боезапаса после отражения двух вчерашних атак противника, побеседовал с пулеметчиками и посоветовал им с целью экономии патронов вести огонь только по целям и короткими очередями. Поговорил со снайперами роты:

— В условиях строжайшей экономии боеприпасов эффективность вашего огня особенно велика. Во время

отражения атак противника вы должны проявлять максимум хладнокровия. С этой минуты ваше незыблемое правило: «Каждая пуля — в цель».

Но главное, для чего ходил Айрапетян во вторую роту, было стремление узнать, насколько высок морально-боевой дух личного состава. Обрывки разговоров, выражение лиц, некоторые детали быта переднего края о многом могли сказать опытному офицеру. И капитан, сопоставив все увиденное и услышанное, пришел к верному выводу: люди выстоят.

Как-то комсорт Авакян возвратился из первой роты сумрачный, и это встревожило комбата:

— Ты чего хмуришься, как Севан перед бурей?

— Радоваться нечему, товарищ капитан. Из-за какого-то головотяпа в первую роту вместо завтрака сухари доставили.

Комбат облегченно вздохнул, скрыл улыбку:

— Значит, и мы сухарями позавтракаем. Видишь ли, Грант, изменить что-либо и наказать этого головотяпа не в нашей власти. Потому что имя головотяпа — ледоход на Одере. Ты не знал? Ночью Одер двинулся. Теперь мы отрезаны от баз. Так что придется некоторое время посидеть на сухарях. Да и с боезапасом туговато будет.

Внезапно донеслась команда наблюдателя: «Воздух!». Со стороны Берлина к району плацдарма группами по десять — двенадцать машин приближались фашистские бомбардировщики. Капитан Айрапетян, младший лейтенант Авакян и подошедший начальник штаба батальона старший лейтенант Тихонов пытались подсчитать количество вражеских машин.

— Что-то густо сегодня, — озабоченно заметил Тихонов, — больше сотни насчитал...

Вскоре весь плацдарм окутался дымом, разрывы авиабомб слились в непрерывный грохот, который заглушил гул моторов. Как только отбомбилась авиация,

сотни минометов и орудий обрушили огонь на наши боевые порядки. Не менее получаса бушевала на плацдарме «горячая метель».

Наконец грохот прекратился. И тогда сразу из трех пунктов — со стороны Ной-Левина, Ной-Барнима и Ортвига — двинулись на наши позиции танки. За ними шли цепи горланивших песни пьяных фашистских вояк. Похоже, гитлеровское воинство было заранее уверено в успехе.

Командир второй роты 1054-го полка лейтенант Щербаков видел, что основной удар противника на участке их батальона придется на его роту. Но испытанный во многих сражениях офицер умел сохранять в бою хладнокровие, трезвый расчет. И пока вражеская пехота не приблизилась на расстояние пятисот метров, из окопов второй роты не прозвучало ни одного выстрела. Только тогда, когда враг пересек этот полукилометровый незримый рубеж, вступили в дело пулеметчики старшего лейтенанта Алдабека Майербекова. Нет, недаром Айрапетян беседовал с ними ночью. Такого меткого огня и таких коротких очередей во второй роте еще, пожалуй, не видали. В руках опытных мастеров своего дела сержанта Попова и рядового Белякина станковый пулемет творил чудеса.

В короткие пулеметные очереди вплелись одиночные выстрелы. Это сержант Макаров открыл огонь с чердака пустующего дома. Ни одна пуля из его снайперской винтовки не пропала даром.

Получив порцию «отрезвляющего», гитлеровцы прекратили горланить песни и залегли. Двигаться ползком по вязкой грязи было невозможно. А те, кто все же пытался передвигаться перебежками, немедленно попадали под огонь вступивших в бой наших ручных пулеметов. Почти одновременно с ними открыли огонь и минометы капитана Кондрашина, отделяя вражескую пехоту от танков сплошной стеной разрывов.

Однако танки продолжали двигаться к окопам второй роты. Батарея противотанкового дивизиона капитана Орехова открыла огонь. Орудия лейтенанта Исаевского подбили одну машину, но шесть других продолжали упорно двигаться вперед, постоянно меняя скорость хода и направление движения.

Две головные машины появились перед нашей первой траншеей. Одна из них пошла на пулеметный расчет Попова. Но сержант и здесь проявил себя бывалым воином: преслушив танк, он метнул ему вслед бутылку с горючей смесью. Вражеская машина загорелась.

Второй танк сжег с присущими ему хладнокровием и сноровкой командир второй роты лейтенант Щербаков.

Потеряв три машины, танкисты начали поспешно отходить.

НЕ ЧИСЛОМ, А УМЕНИЕМ!

К середине дня центр боевых действий сместился на участок второго батальона, которым командовал майор Перепелицын, участник многих боев на Днестре и Южном Буге, на полях Молдавии и на Пилице. Его мужество и богатейший офицерский опыт не раз служили залогом успеха в самых трудных боях. Но сегодня обстановка оказалась настолько сложной, что тревожное чувство не покидало даже этого бывалого воина.

Батальон понес большие потери от воздушного налета вражеской авиации и артиллерийско-минометного огня противника. Немало было выведено из строя нашей боевой техники. Тяжкие повреждения были нанесены и оборонительным сооружениям: во многих местах обрушились стенки траншей, осыпались ходы сообщения, завалились ниши с боезапасом. Полуобескровленные ро-

ты торопливо приводили себя в порядок, когда на их позиции двинулось двадцать танков с десантом автоматчиков на броне. Следом тремя густыми цепями шла вражеская пехота.

— Дело дрань, комиссар,— сказал Перепелицын, обращаясь к своему замполиту капитану Козлитину.— Чуют гады слабинку, на легкий хлеб рвутся. Горячо будет!

— Не впервой! — Козлитин достал из ниши автомат.— Главное, чтобы не в последний... Ну, я пошел, Данилыч!

— Опять на самый передок черти несут?

— Я еще с гражданской другого места не признаю. Сам видишь, какой компот заваривается.

Вскоре замполит был уже на переднем крае. Поспел он, как говорится, к самой обедне. Противник уже находился на расстоянии верного выстрела. Наши ручные пулеметы вели огонь короткими очередями. С чердака полуразрушенного сарая снайпер Сингаевский посылал в противника пулю за пулей.

Четвертая и пятая роты метким огнем отсекали вражеские цепи от броневой защиты. Но десанты автоматчиков, укрывшиеся за танковыми башнями, все еще оставались неуязвимыми. Их автоматные очереди мешали нашим бойцам вести прицельную стрельбу, наносили ощутимый урон и без того ослабленному батальону.

Замполит проворчал:

— Ну, какого беса артиллерия молчит?!

Но у артиллеристов ПТО и первой батареи 823-го артполка, занявших огневые позиции в центре пятой роты, мало осталось снарядов. Они ждали, когда танки приблизятся, чтобы бить наверняка.

А вражеские автоматчики продолжали палить из-за танковых башен. Застонав, выпустил из рук пулемет ефрейтор Матвеев. Но «дегтярев» не должен в бою молчать! И капитан Козлитин принял его оружие.

Наконец звонко ударили сорокапятки, и почти тотчас тяжело ухнули два орудия первой батареи. Автоматчики посыпались с брони на землю.

И все-таки силы были слишком неравны. Нескольким танкам врага в сопровождении большой группы пехоты удалось ворваться в расположение батальона. Их достойно встретили бронебойщики взвода ПТР лейтенанта Власова. Сержант Пащенко с редким хладнокровием дожидался, когда танк подставит под его выстрел свой борт. Помощник наводчика сержант Холодный не выдержал:

— Да какого рожна ты ждешь?! Задавить же может!

— А ты, Володька, не дрейфь. Видали мы таких. Во-он большую воронку видишь?

— Ну, вижу! И что?

— А то, что в воронку лезть ему несподручно. Он ее обходить станет. Тут мы его, гада, в самый борт и прижучим...

Вражеский танк действовал словно по заказу Пащенко. Вскоре он, обходя воронку, действительно подставил борт зоркому наводчику. Чтобы поджечь вражескую машину, оказалось достаточно одного выстрела. Так же хладнокровно расчет сержанта Пащенко подбил еще два танка.

Пэтээровцы били не только по танкам врага. Когда противник бросил на наши боевые порядки группу истребителей-«мессершмиттов», командир взвода ПТР лейтенант Власов сбил из противотанкового ружья один самолет. Еще двух гитлеровских стервятников достал прицельный огонь противотанковых ружей сержанта Пащенко и младшего сержанта Ковлеви. Несколькими минутами позже Ковлевя подбил и вражеский танк.

В самый разгар боя Власов заметил, что у занимавшего неподалеку огневую позицию противотанкового орудия выбыл из строя расчет. Лейтенант встал к орудю

и с первого же выстрела подбил бронетранспортер противника.

В первой батарее 823-го арtpолка к началу боя оставалось только три семидесятишестимиллиметровки. Командир батареи лейтенант Зверев расположил орудия углом назад.

Танковую атаку батарея встретила сокрушительным огнем. Стражко уже подбил вражеский танк и теперь, памятуя, что надо беречь снаряды, старательно ловил в перекрестье панорамы вторую машину.

Быкодоров подбил два танка. Один из них сразу задымил, но второй, потерявший правую гусеницу, вертелся волчком и вел огонь по нашим позициям. Двумя снарядами Быкодоров добил его.

Пехота противника с самого начала понесла ощутимые потери. Когда минометный расчет старшего сержанта Ануфриева накрыл десятком мин скопившуюся в одном из дворов большую группу гитлеровцев, остальные не выдержали и начали отходить. Тогда во весь рост поднялся капитан Козлитин, вскинул над головой ручной пулемет и крикнул, обернувшись к батальону:

— Вперед! За Родину!

Поредевшие роты в едином порыве бросились за ним в контратаку. В завязавшейся рукопашной схватке отличилось немало воинов. Не одного фашиста скошил короткими очередями из ручного пулемета капитан Козлитин. Когда кончились патроны, еще троих вояк замполит уложил прикладом.

Сержант Родин и рядовой Алицкин вступили в схватку с пятнадцатью гитлеровцами. Казалось, двум отважным воинам грозила неминуемая гибель. Но бесстрашие и воинское мастерство — грозное оружие. Уничтожив полтора десятка фашистов, оба бойца вышли невредимыми из этой яростной схватки.

Снайпер четвертой роты Виктор Васильевич Сингаевский непосредственного участия в рукопашном бою не

принимал, но зорко следил за тем, как разворачивались события. И в гуще схватки умел найти свою цель. С чердака сарая он вывел из строя «чертову дюжину» вражеских пехотинцев.

Девять танков и более трехсот гитлеровцев уничтожил в этом бою батальон майора Перепелицына, причем не только сумел сохранить свои позиции, но и выдвинулся вперед, расширив плацдарм.

ПРОЧНЕЙ МЕТАЛЛА!

В третьем батальоне давно уже стало традицией — пить утренний чай у комбата капитана Ишина. Офицерам штаба, проводшим ночь в ротах, было гораздо приятнее и удобнее рассказывать комбату о состоянии подразделений именно за кружкой чая — не сухими словами официального доклада, а с интересными и существенными деталями. Анализ событий получался более подробным и глубоким.

Да и сам Ишин любил непринужденную беседу, нередко рассказывал об увиденном на переднем крае. Так, сегодня он поведал о людях девятой роты, особо остановившись на делах замечательного снайпера сержанта Шуневи́ча.

— Это надо ведь, что придумал, шельмец! — восхищался комбат. — В дымовой трубе устроился! За несколько часов около десятка фрицев уложил. Враги с ног сбились, пытаюсь определить, откуда бьет снайпер, но так ничего и не обнаружили.

Старший лейтенант Сеничкин рассказал о беседе с бойцами восьмой роты, одобрительно отозвался о них, но выразил глубокую озабоченность большими потерями в этом славном подразделении.

Чаевничать на сей раз пришлось недолго: с запада, со

стороны Берлина, ветер донес прерывистый гул самолетов.

— Опять пожаловали! — комбат зло сплюнул.

Десятка три «юнкерсов» приближались к плацдарму. Шли четким строем. Вражеские летчики знали, что на этом участке фронта их не встретит заградительный огонь нашей зенитной артиллерии, не настигнут и грозные советские истребители.

За первой волной бомбардировщиков появилась вторая, а чуть позднее и третья. Не менее ста самолетов бомбили укрепившиеся на плацдарме войска. Затем нанесла очередной удар и артиллерия противника.

Нечем было отвечать обнаглевшему врагу, не подошла еще артиллерия нашего корпуса... Вот разве что, глубоко зарывшись в землю, стоит в районе третьего батальона трехорудийная батарея 823-го артполка. Но ее командир капитан Мартьянов только угрюмо посматривает в ту сторону, откуда прилетают вражеские снаряды. У его батарейцев совсем другая задача — встретить танки противника, которые вот-вот пойдут в атаку.

Большие надежды возлагает батальон Ишина на батарею Мартьянова в отражении предстоящей танковой атаки. Вот почему с тревогой следит комбат, как ложатся в районе батареи вражеские бомбы. Однако батарейцы хорошо уяснили смысл совета маршала Жукова — поглубже закапываться в землю — бомбы и снаряды причинят меньше вреда.

— Молодец Мартьянов! — заметил Сеничкин. — Хорошо оборудовал позиции.

— Зато восьмой роте, смотри, как достается, — сердито ответил комбат. — Беседу-то проводил, а за состоянием окопов небось не проследил.

— Проверил каждую нишу, товарищ капитан!

— Достается восьмой роте! Видно, там фриц и будет прорываться...

В расположении восьмой роты бомбы рвались одна

за другой. Было видно, как у самых окопов вздымалась земля, обрушивая стены траншей, засыпая ниши и ходы сообщения. Встревоженный комбат попытался было позвонить в роту, но вышла из строя связь.

Тем временем по всему фронту батальона противник пошел в атаку. Двинулись по мокрому полю танки, за ними торопливо, но нетвердо шагали цепи пехотинцев.

Первой приняла на себя удар девятая рота. Здесь были закаленные в боях воины, умевшие драться и с пехотой, и с танками. Пулеметчик Ляшенко огнем своего «дегтярева» принудил залечь вражеских пехотинцев, а затем подбил противотанковой гранатой двинувшийся на него танк. Рядом с Ляшенко вел бой отличившийся во вчерашней схватке снайпер Шуневич. Зорко выбирая цели, он уже вывел из строя несколько офицеров и унтер-офицеров противника.

Но вот осколками снаряда тяжело ранило в ноги Ляшенко, а враг ввел в бой свежие силы и упорно атакует. Тогда Шуневич взял ручной пулемет выбывшего из строя товарища. Сержант отлично знает и это оружие. Его огонь наносит противнику серьезный урон. Боец не замечает, что кто-то из товарищей набивает ему диски, что докрасна раскалился пламегаситель его «дегтярева».

С такой же яростью ведут бой и другие воины. Еще два танка загорелись. Остальные медленно начали отходить. Вслед за ними откатывается и пехота.

Атака на участке девятой роты отбита!

А Шуневич, утирая рукавом взмокшее лицо, с удивлением смотрит на пламегаситель своего пулемета, который от перегрева и падавших на него в бою комьев сырой земли разошелся по шву.

— Не горюй, Петр Иванович, — смеется командир роты. — С таким пулеметом воевать можно. Тут над другим подумать надо: человек-то наш прочней металла оказался!

Потерпев неудачу на участке девятой роты, противник навалился на восьмую. Поредели ее ряды от бомбежек и артогня. Бойцы не смогли сдержать танковую атаку и вынуждены были отойти. Три вражеских танка и не менее роты пехотинцев овладели оставленными позициями и создали серьезную угрозу флангового удара.

Капитан Ишин принял решение контратаковать противника силами седьмой роты, находившейся во втором эшелоне батальона, предварительно уничтожив прорвавшиеся танки с помощью батареи Мартьянова. Но прежде чем комбат успел связаться со второй батареей, Мартьянов сам открыл огонь по вражеским машинам.

Мастер стрельбы прямой наводкой старший сержант Давыдов первым же выстрелом подбил танк противника. Затем Давыдов навел орудие на второй Т-IV. На этот раз снаряд попал в гусеницу. Чтобы не дать возможности врагу открыть огонь, он навел орудие и послал очередной снаряд прямо в борт. Еще с одним Т-IV было покончено.

Меньше повезло командиру второго орудия сержанту Дробахе: только пятым снарядом расправился его расчет с «пантерой».

Третье орудие батареи под командой сержанта Алферова подготавливало почву для контратаки седьмой роты — оно вело огонь по вражеской пехоте осколочными.

Но седьмую роту постигла беда: тяжело ранило командира. Во главе контратакующего подразделения встал комсорг батальона старший лейтенант Сеничкин. Рота услышала его повелительный голос:

— За мно-ой! За Родину-у! Впе-ре-од!

Пятьдесят оставшихся в строю бойцов седьмой ро-

ты дружно поднялись за ним в атаку и ворвались на позиции, оставленные перед тем восьмой ротой. Закипел жестокий рукопашный бой. В дело пошли не только гранаты и автоматы, но и ножи, приклады.

Противник был отброшен. Седьмая рота полностью очистила участок восьмой роты и начала закрепляться на отвоеванных позициях.

Передний край обороны проходил по глубокой канаве, где местами сохранились еще пласты серого слежавшегося снега. На одном из таких пластов лежал в полузабытьи, истекая кровью, тяжело раненный старший лейтенант Сеничкин.

ПО «ТИГРАМ» — ОГОНЫ

Во второй половине дня 5 февраля, убедившись в бесплодности своих попыток потеснить наши войска на участке 301-й дивизии, противник решил попытать счастья в районе обороны дивизии полковника Шишкова. Здесь острие удара было направлено на батальон майора Левашева, точнее — на его правый фланг, где находились позиции третьей роты капитана Гомонкова.

На всем участке первого батальона 986-го стрелкового полка первая траншея была оборудована в грабене двухметровой глубины, который бойцы удачно приспособили для обороны, соорудив в нем ячейки, ниши и пулеметные гнезда.

Противник утром дважды пробовал атаковать позиции роты, но, натолкнувшись на мужественное сопротивление, вынужден был отойти и укрыться за домами.

Воспользовавшись передышкой, Гомонков распорядился вынести из расположения роты раненых, доставить необходимое количество боеприпасов и накормить людей.

Утомленные непрерывными боями люди нуждались в слове одобрения, в немудреной солдатской шутке, от которой легче становится на душе. И командир роты вместе со своим ординарцем рядовым Куприным отправился на правый фланг, где располагался расчет ручного пулемета сержанта Мишакова. Позиция была ответственной, и капитану хотелось убедиться, что дела на этом участке обстоят благополучно. По-видимому, та же мысль беспокоила и командира взвода старшего лейтенанта Царева, тоже пришедшего в расположение расчета.

— Держись, Мишаков! — рассмеялся командир роты. — Сейчас к тебе в гости еще и комбат нагрянет.

— У сержанта полный ажур, товарищ капитан, — парировал Царев.

Гомонков, стрельнув зорким глазом по нишам для боезапаса, тихонько присвистнул:

— Хорош ажур! Ни одной гранаты, ни одного патрона. И второй номер в самовольной отлучке.

— Не грешите на моего подчиненного, товарищ капитан, — откликнулся смущенный Мишаков. — Левченко я послал за боеприпасами.

— Много он тебе принесет...

— Левченко-то? Да хоть половину ротных запасов! Силенок ему не занимать.

И действительно, вскоре появился рядовой Левченко, без видимого напряжения тащивший большую ношу.

Убедившись, что у пулеметчиков полный порядок, Гомонков и Царев в сопровождении Куприна посетили отделение сержанта Туртаева. Капитан любил этот спаянный коллектив бойцов, смекалка, бесстрашие и взаимовыручка которых не раз проявлялись в труднейших испытаниях. Несколько дней назад рота вела бой в небольшом населенном пункте. Засевшие в подвалах и на чердаках домов гитлеровцы ожесточенно отбивались, препятствуя продвижению наших войск. Туртаев со сво-

им отделением скрытно пробрался через оборону противника и внезапно атаковал его с тыла. В результате его смелых и решительных действий населенный пункт был взят.

Теперь сержант Туртаев с рядовыми Вихровым и Войтулой старательно оборудовали нишу для боезапаса и углубляли индивидуальные ячейки.

Левее отделения, на стыке со вторым взводом, оборудовал свое пулеметное гнездо ефрейтор Журба. Комсорг роты и агитатор, он воспользовался временным затишьем, оставил пулемет на попечение второго номера рядового Иванченко и повел задушевную беседу с бойцами соседнего отделения.

— Вот вы говорите, тяжело. Не спорю. А ведь на войне легко не бывает. И еще замечу. Мы наступаем, лупим фрицев, почти к Берлину подошли. А каково нашему капитану было, когда он в сорок первом от самой границы с боями отходил? Ранен был, в окружение попал, по лесам бродил, пока, наконец, к партизанам не прибился. И там бил оккупантов. Потом снова был ранен. Вот когда тяжело было. А сегодня мы уже Одер перемахнули, в Германии воюем! До Берлина — рукой подать! Чтобы взять его, надо плацдарм удержать!

Царев с улыбкой посмотрел на Гомонкова.

— Эк он тебя, Иван Прокофьевич, расписал! — улыбнулся командир первого взвода.

— А ну тебя в болото, взводный! — покраснел Гомонков. — И Журбе скажи: еще раз услышу...

Капитан направился дальше.

Рядом со взводом лейтенанта Ильина расположились минометчики старшего лейтенанта Виноградского. Командир минометной батареи и командир третьей роты хорошо знали друг друга и твердо придерживались воинского закона взаимовыручки.

Удостоверившись в хорошем состоянии духа солдат, обороняющих переднюю траншею, Гомонков возвратил-

ся на свой НП, оборудованный в распоряжении резерва роты — ее третьего взвода. Через час его разбудили взрывы вражеских мин. Противник начал артиллерийско-минометный обстрел позиций роты и ее соседей. Тотчас после артподготовки против защитников плацдарма двинулась группа танков и самоходных артиллерийских установок. Вслед за ними густыми цепями шла вражеская пехота.

На участке третьей роты надежда оставалась только на гранаты. Артиллерии здесь не было. Батарея 82-миллиметровых минометов старшего лейтенанта Виноградского могла позволить себе выпустить по противнику два-три десятка мин. Но когда до пехоты противника оставалось метров триста, почти одновременно заговорили пулеметы Мишакова и Журбы. Открыли огонь стрелки первого взвода.

— Не копайся, Левченко! — торопил своего напарника сержант Мишаков. — Диски быстрее набивай! Видишь, сколько сволоты прет!..

Противник шел довольно решительно.

Туртаев, Вихров и Войтула били неторопливо, но наверняка.

Не выдержав прицельного огня, в ста метрах от наших окопов враги залегли.

Намного тяжелее сложилась обстановка на участке взвода лейтенанта Ильина. Здесь противник сосредоточил значительные силы пехоты и танков. Один из «тигров» двинулся в направлении станкового пулемета ефрейтора Очерета, явно намереваясь раздавить «максим» вместе с расчетом.

Очерет не дрогнул, когда громада фашистского танка выросла перед его окопом. Под днище «тигра» полетела противотанковая граната, но она, к сожалению, не причинила машине вреда. Очерет подпустил танк еще ближе, метнул вторую гранату и вывел тяжелый танк

из строя. Но один из осколков смертельно ранил мужественного пулеметчика.

Едва умолк «максим» Очерета, как вражеская пехота, поддерживаемая танками, навалилась на взвод Ильина. С невиданным упорством сражались бойцы. Сам взводный уничтожил один из танков бутылкой с горючей смесью. Он сплотил вокруг себя горстку оставшихся в живых храбрецов. Но силы были неравными. Ильин и его бойцы погибли героически, но не отступили.

Группа вражеских танков в сопровождении пехоты начала продвигаться в глубь нашей обороны. Головной «тигр» двигался прямо на окоп командира минометной батареи. Виноградский мужественно встретил врага. Его противотанковая граната разорвалась под гусеницей бронированного зверя. «Тигр» крутанулся волчком. И тут случилось непоправимое — вторая гусеница при развороте завалила окоп, и оборвалась жизнь мужественного офицера.

Ординарец Виноградского рядовой Лотарь метнул бутылку с горючей смесью — «тигр» запылал.

Танки и пехота врага продолжали двигаться вперед. В этот момент в бой вступили только что переброшенные на участок роты два противотанковых орудия батареи лейтенанта Буланцева. Первыми же выстрелами сорокапяток был подбит еще один танк. Остальные развернулись и начали отходить. И тогда Гомонков поднял в контратаку свой резерв — третий взвод. Храбрецы выбили противника с захваченных позиций и восстановили положение.

ЛЮДИ МАЙОРА ЖЕЛЕЗНОГО

Где ползком, где согнувшись в три погибели, майор Николай Яковлевич Железный пробирался в расположение четвертой роты. Второй батальон, которым командо-

вал майор, занимал позицию в центре боевых порядков 986-го полка 230-й дивизии и с раннего утра 5 февраля отражал яростные атаки противника. Удачно приспособив для обороны отдельные строения и многочисленные водоотводные канавы, батальон прочно удерживал позиции. Но четвертая рота капитана Шевченко понесла в этих боях значительные потери. Танки и артиллерия противника сильно разрушили наши оборонительные сооружения, уничтожили немало техники и вывели из строя много бойцов. Сам капитан Шевченко, легко раненный в одной из утренних схваток, доложил прибывшему комбату о положении в роте.

Майор внимательно осмотрел позиции, поговорил с солдатами. Обстановка была не из легких. Железный понимал, что в таком состоянии остатки роты могут не выдержать очередной атаки. Глянул на Шевченко, спросил простуженным голосом:

— Так и будешь сидеть да в землю глядеть?

— А что остается, товарищ майор?

Комбат задумался, потом тихо сказал:

— Дело к вечеру. Ночью фриц в драку не полезет. К утру все работы по восстановлению линии обороны надо закончить. Понял, Григорий Иванович?

— Слушаюсь. Только вот люди...

— Насчет людей так сделаем. Подброшу тебе расчет сержанта Грабового. Это лучший пулеметчик у капитана Леонова. Ну, и в случае особой нужды прикажу Матвееву, чтобы его минометчики тебя в первую очередь огнем поддержали.

— Спасибо, товарищ майор.

— Пока... Надо узнать еще, как дела у Итпаева. Яковлев в его роту пошел. Наверное, вернулся уже.

Заместитель комбата по политчасти капитан Яковлев действительно возвратился на КП батальона.

— Как в шестой роте, Владимир Иванович? — поинтересовался Железный.

— Мулдахан, как всегда, землю копает,— ответил, улыбаясь, замполит.— Сил девать, что ли, некуда? Вместе с бойцами ходы сообщения расчищает.

Командир шестой роты капитан Мулдахан Итпаев — богатырского роста казах — всегда принимал участие в создании оборонительных сооружений. За это над ним нередко подтрунивали офицеры штаба. Но Железный всегда поощрял ротного, поскольку это способствовало укреплению обороны и поддержанию боевого духа солдат.

— Вот и молодец, что копает,— заметил он.— За это его бойцы и любят. Еще что?

— В остальном, как всегда. Хитер, как бес. Спокоен. Бойцам своим доверяет. Рота успешно отбила все атаки... Только, сдается мне, затевает что-то Мулдахан. Я по его связному Володе Курилову сужу, такая лукавая физиономия...

Итпаев и впрямь что-то затеял. С наступлением ночи группа бойцов его роты в составе Сергея Гаврилова, Петра Бородина, Ивана Музыки, Александра Ложина, Николая Механика и Ивана Ковченко отправилась к переднему краю противника. Незаметно пробравшись в первую траншею, бойцы бесшумно уничтожили отделение вражеских солдат, а одного, раненого верзилу, захватили с собой в качестве «языка». Немало сил пришлось потратить разведчикам, чтобы дотащить двухметрового фрица по непролазной грязи до нашей передовой. Каково же было общее разочарование, когда выяснилось, что в пути «язык» приказал долго жить: кто-то из наших переусердствовал.

Остаток ночи прошел спокойно. А с рассветом противник снова пошел в атаку. Однако сломить сопротивление отлично подготовленного к бою батальона майора Железного не удалось.

Неподалеку от передовой, на дне неглубокой, поросшей мелким кустарником балочки, уж который день напряженно работает в двух небольших палатках передовая группа медсанбата 230-й дивизии. Сюда со всех сторон доставляют раненых. Борьба за их жизнь ни на минуту не прекращается.

Спасти раненого от смерти, облегчить его страдания — вот цель, ради которой пятые сутки не спят врачи и медицинские сестры.

Рвутся поблизости авиабомбы, снаряды, мины, но на медпункте работы не приостанавливаются.

На операционный стол кладут очередного бойца. Капитан медицинской службы Ксения Васильевна Гладырева внимательно всматривается в его осунувшееся лицо с посиневшими запекшимися губами. Рана тяжелая. Необходимо ободрить солдата, который прерывисто дышит и шепчет:

— Доктор, оставьте меня... Другим помогите... Мне все равно умирать...

— Полно, милоч! Мы с тобой в День Победы еще спирт пить будем. Таких, как ты, на тот свет не принимают.

А через минуту иным, повелительным голосом врач требует у медсестры Даниловой:

— Скальпель! Пинцет!

Разрыв совсем рядом. А Ксения Васильевна, словно ничего не произошло, снова требует:

— Зажим!

Операции... Пятая... двадцатая... Со звоном падают в лоток извлеченные из ран осколки. Здесь тоже идет бой. Бой за жизнь солдатскую.

С 8 февраля 1945 года обстановка на плацдарме наконец изменилась. Одер очистился ото льда, и 116-й инженерно-саперный батальон, которым командовал капитан Чуйко, навел в районе Целлина наплавной мост. По нему на западный берег быстро переправились подоспевшие части противотанковой артиллерии и самоходные артиллерийские установки.

С подходом зенитной артиллерии и появлением в воздухе наших истребителей умерила свой пыл авиация противника. Теперь мы могли в полную силу разговаривать с врагом «голосами» пушек и минометов и отвечать на каждый выстрел двумя, а то и тремя. Героическим защитникам плацдарма стало легче.

Все это позволило нашим войскам перейти от активной обороны к наступательным действиям. В течение двух дней батальон майора Железного овладел населенным пунктом Ной-Левин, а части 248-й дивизии заняли городок Ортвиг.

Таким образом, просьба маршала Жукова об удержании и расширении плацдарма на левом берегу Одера была выполнена.

Удержали и расширили свой плацдарм в жесточайших боях с противником и другие соединения 5-й ударной армии: 26-й гвардейский и 32-й стрелковый корпуса.

Это была большая, хотя и нелегкая победа. Только части 9-го Краснознаменного стрелкового корпуса, отразив сто семьдесят четыре атаки противника, разгромили двадцать отдельных частей и соединений вермахта, в том числе 25-ю моторизованную дивизию, пехотную дивизию «Дебериц», пехотную дивизию «Берлин», 606-ю дивизию особого назначения...

Однако заплатить за победу пришлось дорогой ценой. Если в боях при прорыве обороны гитлеровцев на магнушевском плацдарме и во время преследования противника от Вислы до Одера части корпуса потеряли убитыми и ранеными 961 человек, то за время боев на одерском плацдарме корпус потерял 6177 человек. Это было одно из тяжелейших сражений в минувшей войне. Но люди, оказавшиеся прочнее металла, выиграли его.

Глава шестая

БЕРЛИНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

НА ОСТРИЕ УДАРНОЙ ГРУППИРОВКИ

5-я ударная армия сдавала свой боевой участок войскам 3-й ударной, 47-й и 1-й Польской армий, чтобы занять исходное положение западнее Кюстрина для наступления на Берлин.

Этой высокой чести 5-я ударная удостоивалась неслучайно. За ее плечами был славный боевой путь от Кавказа до Одера. Она освобождала Донбасс и прорвала линию Вотана, ликвидировала никопольский плацдарм гитлеровцев на Днепре, освобождала Николаев, Одессу и Кишинев, сокрушила фашистскую оборону на магнущевском плацдарме. И, наконец, форсировав Одер, захватила плацдарм и в течение продолжительного времени вела поистине героическую борьбу за его удержание и расширение.

Командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Жуков высоко оценил боевые качества 5-й ударной армии. В оперативном построении войск 1-го Белорусского фронта 5-я ударная должна была занять центральное положение на самом острие ударной группировки между 3-й ударной и 8-й гвардейской армиями.

Командующий 5-й ударной армией генерал Берзарин, подготовив армейский план наступательной операции на Берлин, так формулировал ее задачу: «5-я ударная армия является центром боевого порядка фронта на берлинском направлении, имеет задачей прорвать оборону

противника на участке: Сах (2 км юго-восточнее Лечин) — г. дв. Аннахоф. Обеспечить на рубеже Лечин, Гузов ввод в прорыв 2 танковой армии и во взаимодействии с 1 и 2 гв. танковыми армиями и 8 гв. армией овладеть северной частью Берлина».

План этот был утвержден командующим фронтом. Перегруппировка войск проводилась в строгом соответствии с планом, разработанным штабом фронта. Успешному проведению всех мероприятий способствовала хорошая весенняя погода.

К концу дня 13 апреля все три корпуса армии заняли исходные позиции. На правом фланге, по соседству с 3-й ударной армией, располагался 26-й гвардейский стрелковый корпус генерала Павла Афанасьевича Фирсова; в центре — 32-й стрелковый корпус генерала Дмитрия Сергеевича Жеребина, на левом фланге, по соседству с 8-й гвардейской армией, — 9-й Краснознаменный стрелковый корпус. Несмотря на чрезвычайно сжатые сроки подготовки, намеченный план перегруппировки войск 1-го Белорусского фронта был выполнен с большой точностью. Вечером 13 апреля 301-я стрелковая дивизия, сменив части 8-й гвардейской армии, заняла позиции для наступления перед рубежом вражеской обороны, протянувшейся в полосе 9-го корпуса по восточной окраине населенного пункта Гольцов и восточной окраине лежащего чуть южнее военного городка.

Части нашего корпуса, как и части других соединений 5-й ударной, были готовы к наступлению. Однако скрыть от противника перегруппировку войск 1-го Белорусского фронта и подготовку к штурму Берлина было невозможно.

Учитывая, что ожидающий нашего наступления противник может отвести свои главные силы в глубину обороны, оставив на переднем крае лишь незначительные группы, которые будут пытаться дезориентировать наше

командование, маршал Жуков принял решение произвести по всему фронту разведку боем. Эта мера устраняла опасность нанесения бомбового и артиллерийско-минометного удара нашей авиации и огневых средств по пустому месту и позволяла уточнить огневую систему обороны гитлеровцев, ее наиболее сильные и наиболее уязвимые места.

По приказу командующего фронтом тридцать два батальона в течение двух суток боем прощупывали противника. В полосе 9-го корпуса эту задачу выполнял 1054-й стрелковый полк. После мощной артиллерийской и минометной подготовки первый, а затем и второй батальоны этого полка атаковали военный городок, который — вместе с мельницей на северной окраине и станцией Гольцов на южной — представлял собою мощный опорный пункт противника на этом направлении.

РАЗВЕДКА БОЕМ

Все здания военного городка были построены из красного кирпича, их стены можно было пробить только снарядами крупного калибра. Учитывая это, противник старался во что бы то ни стало удержать этот участок. Бои здесь шли ожесточенные.

По тому, с каким упорством противник отстаивал рубеж по всему участку от мельницы до станции Гольцов, мы поняли, что здесь проходит не ложный, а истинный передний край его оборонительной полосы.

Комбат Айрапетян знал, что такой опорный пункт, как военный городок, взять в лоб невозможно. Поэтому его батальон повел наступление вдоль железнодорожной линии Кюстрин — Берлин, то есть южнее. Однако здесь на пути наступающих находилась тоже хоро-

шо укрепленная железнодорожная станция Гольцов. Айрапетян решил взять ее фланговой атакой. Он отдал приказ командиру роты старшему лейтенанту Жерновому обойти станцию с юга. И первая рота внезапным ударом привела в замешательство оборонявшие станцию подразделения. Но пулеметный огонь с водонапорной башни задерживал продвижение роты в тыл военного городка. Уничтожить гарнизон водонапорной башни вызвался сержант Федор Воскобойников.

Жерновой, к которому сержант обратился за разрешением, окинул Воскобойникова недоверчивым взглядом:

— Ты что, смерти в зубы лезть хочешь? Ну хорошо, допустим, к башне ты проберешься. А дальше что? Яму будешь копать и фугас закладывать?

— Товарищ старший лейтенант! Да я их сверху возьму. Вон плющ видите? Заплел ведь всю стену доверху. Я цепкий. По плющу на самую маковку заберусь и гранатами гадов закидаю.

— Придумано-то здорово...— Жерновой задумался.— Но если тебя заметят? Это, брат, верная смерть. Разве что отвлечь их в это время с другой стороны? Хорошо, действуй!

Набрав гранат, Воскобойников вскоре исчез среди развалин станционного здания.

А командир роты тем временем приказал открыть по южной стороне башни шквальный огонь из всех видов оружия и имитировать подготовку к штурму.

Гитлеровские автоматчики, похоже, все перебрались на южную сторону — и Воскобойников, никем не замеченный, короткими перебежками пробрался к самому основанию башни с северной ее стороны. Цепко хватаясь за извилистые ветви плюща, сержант начал ловко взбираться наверх. Он приближался к цели медленно, но верно. Наконец, добравшись до вершины, метнул внутрь

одну за другой четыре гранаты. Пулемет сразу замолчал, но автоматчики продолжали вести огонь. Тогда сержант бросил в амбразуру еще две гранаты. В то же мгновение его товарищи стремительным броском достигли подножия башни и ворвались в нее. Через несколько минут все было кончено, и старший лейтенант Жерновой уже докладывал комбату, что первая рота овладела станцией Гольцов и продолжает наступление, угрожая военному городку с тыла. К тому времени второй батальон успешно овладел мельницей и частью сил начал обход военного городка с севера.

Так, благодаря успешному маневру батальонов Айрапетяна и Перепелицына, военный городок, являвшийся важным опорным пунктом противника, был взят.

Видя успешное продвижение своих батальонов на запад, подполковник Радаев ввел в бой и остальные силы полка. Для поддержания его наступления и дальнейшего развития успеха командир 301-й дивизии полковник Антонов двинул полк Гумерова. А полк Радаева уже атаковал населенный пункт Гольцов и после непродолжительного, но ожесточенного боя овладел им.

К исходу дня 14 апреля полки Гумерова и Радаева заняли всю первую позицию противника и почти вплотную подошли ко второй. Однако, выдвинувшись на четыре километра на запад, 301-я дивизия невольно открыла свой левый фланг, так как соседняя часть из 8-й гвардейской армии успеха не имела и продолжала оставаться на прежних позициях. Опасаясь контрудара противника в незащищенный фланг, Антонов приказал приостановить дальнейшее продвижение.

Итак, бой тридцати двух разведывательных батальонов, продолжавшийся в течение двух суток по всему фронту, противник принял за наше генеральное наступление на Берлин и был в полной уверенности, что замысел советского командования не увенчался успехом.

Погожий весенний полдень 15 апреля 1945 года. Западнее населенного пункта Горгаст находился старинный форт с огромным каменным бункером в центре. Бункер, имевший многометровое перекрытие из земли и камня, возвышался над окружающей местностью метров на шесть и оказался подходящим местом для корпусного наблюдательного пункта. Наверху было несколько площадок, где, по-видимому, когда-то стояли старинные пушки, предназначавшиеся для кругового обстрела местности.

Вокруг было разбросано множество селений, господских дворов и фольварков. Километрах в шести на северо-запад находилась деревня Кюнерсдорф. С вершины форта мне удалось рассмотреть ее крыши и островерхую кирху. И вдруг меня охватило неповторимое чувство сопричастности к истории нашей Родины. Ведь именно здесь, у Кюнерсдорфа, 1 августа 1759 года фельдмаршал Петр Салтыков наголову разбил сорокавосемьтысячную армию прусского короля Фридриха II. Только три тысячи пруссаков во главе со своим королем сумели тогда спастись бегством. Преследуя их, небольшой отряд русских войск, одним из офицеров которого был подполковник Александр Васильевич Суворов, в 1760 году овладел Берлином. Это был первый «визит» русской армии в германскую столицу.

Вторично русские войска побывали в Берлине, когда громили наполеоновскую армию и победным маршем прошли по всей Европе.

И вот воины нашей страны у ворот немецкой столицы с высокой миссией освобождения европейских народов от нацистского ига, от ужасов коричневой чумы. Как подтверждение исторической преемственности этой великой воинской миссии сверкают на мундирах военачальников ордена Суворова и Кутузова.

Русь моя! Многократная освободительница поверженных народов, извечный щит, прикрывавший Европу от нашествий с востока! Сколько благородства и доброты таится в сердце твоего великого народа!

Из глубины веков в суровую реальность меня вернул голос писателя Бориса Леонтьевича Горбатова, поднявшегося ко мне на «верхотуру» в сопровождении офицера штаба.

— Что это вы, Иван Павлович, не вперед, а куда-то в сторону смотрите? — пошутил Горбатов здороваясь.

Я с некоторым смущением рассказал гостю о Кюнерсдорфе, о посетивших меня мыслях.

Горбатов сразу посерьезнел:

— А ведь это очень верно подмечено, Иван Павлович. Помните, что писал Александр Блок? «...Держали щит меж двух враждебных рас — монголов и Европы...» Были щитом, кровью своей Европу спасали. И, черт побери, опять спасаем, более того — Германию спасаем! Слышал я, кто-то из ваших ребят двух немецких мальцов из горящего дома вынес. Вам не докладывали? И не доложат. Сами себя стыдятся. А чего стыдятся? Души человеческой в себе? Нет, не потерял душу боец. Человеческого в себе ни капли не утратили, хотя какие страдания перенесли, скольких боевых друзей схоронили... Я ведь, Иван Павлович, и по сей день Гизельское сражение забыть не могу. Скажите, кто-нибудь из тех ребят дошел до этих вот равнин кюнерсдорфских?

— Немного, Борис Леонтьевич. Ну, если комбата Радаева помните, так он сейчас 1054-м полком командует. Карибский здесь...

— Это командир пулеметной роты?

— Он самый.

— А пушкари? Севастопольские курсанты?

— Ну, этих если хотите повидать, поезжайте в 337-й... Там и Престинский, и Собко, и Пугин, и Денисюк, и Шкоков, и Стан...

— А Лебедев, Абакумов, Денисов?..

— И эти живы-здоровы. Только все они теперь не пушкари, а самоходчики... Да как вы столько людей помните?

— Так ведь, дорогой Иван Павлович, писатель или журналист, единожды с человеком поговорив, на всю жизнь в памяти его хранит. А мы с писателем Мартыном Ивановичем Мержановым не раз у вас бывали. Ну, Мержанов, тот даже моздокскую переправу помнит. Еще вчера мы с ним об этих боях вспоминали. Кстати, чем вы так очаровали его? Он все к вам в гости рвался. Еле уговорил его поменяться местами. Очень хотелось заглянуть к вам. Чем порадуете солдата с автоматической ручкой?

И я рассказал Борису Леонтьевичу о людях корпуса, о своих ближайших помощниках: полковнике Шикине, генерале Галае, полковнике Антонове, полковнике Шишкове, вспомнил недавние бои на одерском плацдарме...

День начал клониться к вечеру, а беседа наша все еще продолжалась. Мы знали, что это последний день перед началом решающего штурма Берлина, и, прервав разговор, невольно глянули туда, в сторону Зееловских высот, где предстояла нелегкая битва. Молча пили прохладный чай, чувствуя, как нарастает в груди то тревожное, щемящее и всепоглощающее чувство, которое знакомо всем, кто когда-либо ожидал начала главного сражения. Уже стемнело, когда Горбатов распрощался и уехал.

До начала артподготовки оставалось еще пять-шесть часов. Грядущий день сулил большие трудности. Надо было хорошенько отдохнуть. Я улегся на раскладушку, накрылся шинелью, но как ни старался, так и не мог сомкнуть глаз. Сознание того, что через несколько часов начнется сражение, к которому народ наш прошагал через четыре года войны, не давало покоя.

И вот 16 апреля 1945 года в пять часов утра невообразимой силы удар потряс все вокруг. Казалось, сама земля заколебалась под ногами. Многие тысячи орудий, минометов и «катюш» открыли огонь по боевым порядкам противника. В небе нарастал гул армады наших бомбардировщиков. А через тридцать минут в воздух взвились тысячи осветительных ракет, и одновременно с ними сто сорок прожекторов осветили и ослепили противника. Наши танки и пехота пошли в атаку по всему фронту.

Так началась Берлинская наступательная операция — крупнейшая операция второй мировой войны.

Глава седьмая

ВПЕРЕДИ — СТОЛИЦА ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

ОТРЯД ФЕДОРА ГАЛКИНА

За пять дней с начала Берлинской наступательной операции части 9-го Краснознаменного стрелкового корпуса прошли с боями более семидесяти километров и прорвали двенадцать оборонительных рубежей. К исходу дня 20 апреля 1945 года они подошли к восточным предместьям Берлина.

К обороне столицы третьего рейха фашистское командование готовилось долго и тщательно. От Одера до Берлина была создана сплошная система оборонительных сооружений, для усиления которой использовался ряд таких естественных препятствий, как реки, озера, овраги, леса...

По донесениям нашей разведки, все населенные пункты в этой части Германии были приспособлены для круговой обороны. Берлин по окружности был разделен на восемь укрепленных секторов. Кроме того, в самом его центре был создан особый девятый сектор, названный гитлеровцами «Цитаделью» и охватывавший район города, где располагались основные административные учреждения — рейхстаг, гестапо, имперская канцелярия...

На берлинских улицах были построены баррикады. Всюду, словно драконьи зубы, торчали надолбы, сваренные из двутавровых балок и рельсов «ежи» и другие противотанковые препятствия. Окна домов, особенно на перекрестках, были превращены в бойницы. Все это, по замыслу врага, должно было сдерживать натиск советских войск и дать нацистскому руководству возможность вы-

играть время для переговоров с нашими союзниками по антигитлеровской коалиции о сепаратном мире.

Однако надеждам гитлеровских заправил не суждено было сбыться. Войска 1-го Белорусского фронта, прорвав 16 апреля оборону противника, стремительно двинулись в направлении вражеской столицы.

Как и в Висло-Одерской операции, нами применялись передовые отряды, усиленные танками и артиллерией. Сразу после прорыва вражеской линии обороны они устремлялись километров на пятнадцать — двадцать вперед. Не давая покоя врагу ни днем ни ночью, эти отряды громили его прибывающие резервы, лишали их возможности развертываться для контратак, уничтожали живую силу и технику противника еще на подходе.

Одним из таких отрядов в 9-м корпусе был передовой отряд 230-й дивизии, которым командовал заместитель комдива по строевой части полковник Галкин. Действуя в сложных условиях, он нередко вынужден был принимать самостоятельные решения, так как связь со штабом дивизии была нерегулярной. В эфире царил полнейший хаос из-за работы множества наших и вражеских радиостанций. Отряд Галкина с успехом продвигался вперед и, выполняя возложенную на него задачу, одним из первых вышел к кольцевой автостраде, опоясывающей Берлин и ряд его предместий.

Противник занимал здесь отличную позицию на многометровой насыпи автострады, и сломить его отчаянное сопротивление отряду оказалось не под силу. Все попытки Галкина связаться по радиации со штабом дивизии были безуспешными. А бой тем временем достиг наивысшего напряжения. Немцы подтягивали свежие силы со стороны Карлсхорста. Положение становилось критическим. В этот момент к полковнику Галкину явился рабочий Витольд Шульц, назвавший себя коммунистом. Документов, подтверждающих слова немца, при нем не было. Однако Галкин решил выслушать гостя. Шульц

предложил командиру отряда свой мотоцикл для связи. Но в отряде не оказалось никого, кто умел бы водить эту быстроходную машину. Тогда Галкин предложил Шульцу доставить в определенный пункт нашего связного. Немецкий рабочий с готовностью согласился выполнить поручение советского командования и принялся готовить мотоцикл к поездке.

Тем временем полковник наставлял в дорогу автоматчика Дмитрия Шконде, который должен был доставить донесение в штаб дивизии:

— Смотри в оба! Говорит-то он, что рабочий и тельмановец, но в душу ему не залезешь. Черт их знает. Бывали разные случаи...

— Ясно, товарищ полковник! В случае чего, — Шконде выразительно похлопал рукой по автомату.

Через пятнадцать минут связной был уже в штабе дивизии. Витольд Шульц оправдал доверие!

А через тридцать минут, выполняя просьбу штаба корпуса, командование военно-воздушных сил фронта бросило на вражеские позиции в районе действий отряда полковника Галкина группу штурмовиков Ил-2. «Летающие танки» буквально смели с лица земли большую часть вражеских оборонительных сооружений на участке кольцевой автострады. Наращивая успех, отряд вскоре перевалил через автостраду и двинулся в направлении пригорода Нойенхаген.

Успешно продвигались вперед также другие части и соединения корпуса. Остались позади Буков, Штраусберг, Альт-Ландсберг и множество других населенных пунктов. Перед частями корпуса находился Берлин — столица гитлеровской Германии.

Предмесья Берлина просматривались с насыпи кольцевой автострады довольно хорошо. Невдалеке, прямо перед нами, располагалась большая группа невысоких домов — ближайшее к нам предместье столицы Нойенхаген. Дальше видны были Дальвиц и Хоппенгартен, еще дальше — Каульдсдорф, Мальсдорф и Карлсхорст, за которыми в туманной дымке угадывалась река Шпрее. А за всем этим виднелись громады разрушенных домов и целый лес колоссальных труб. Остальное было скрыто за густыми клубами дыма многочисленных пожаров.

Берлин горел. Над логовом фашистского зверя полыхало пламя возмездия. Отсюда фюрер и его прихвостни, намеревавшиеся править миром, отдавали приказы о захвате Польши и Чехословакии, об оккупации Бельгии и Голландии, Дании и Норвегии. Здесь, в кабинетах имперской канцелярии и фашистского генерального штаба, разрабатывались планы нападения на Францию, вторжения в Африку. Наконец, именно здесь был выношен роковой план «Барбаросса» — план нападения на Советский Союз. Осуществляя этот план, фашистская Германия обрушила всю свою военную мощь, все боевые ресурсы своих сателлитов на наши мирные города и села. Отсюда исходили директивы, разработанные Гиммлером и Розенбергом, об уничтожении мирного населения...

Как только началось вынужденное отступление врага, здесь, в Берлине, в мрачных кабинетах гестапо Гиммлер и его приспешники разработали план «выжженной земли».

Двигаясь на запад трудными фронтовыми дорогами, мы видели разрушенные города и виселицы на площадях, взорванные здания и газовые камеры, печи Майда-

нека. Мы видели заводы для изготовления мыла из человеческого жира и галантерейных товаров из человеческой кожи!

Но ничто не могло отдалить час расплаты. Пламя возмездия полыхало на земле Германии.

И вот мы — у ворот Берлина!

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ И БДИТЕЛЬНОСТЬ

Полковник Шикин, который недавно ориентировал меня на местности, снова взглянул на Берлин и сказал:

— Здесь война родилась, здесь она и умрет.

— Жаль только, что за фашистских мерзавцев, заваривших всю эту кашу, расплачиваться приходится всему немецкому народу,— заметил генерал Игнатьев.

— А о чем он раньше думал, этот народ? — гневно возразил Емельян Иванович Шикин.— Небось во все горло кричал «Хайль Гитлер!».

— Ну-ну, Емельян Иванович! Кто кричал, а кто и молчал...

— Повезло немцам,— сощурился Шикин.— Не будь у нашего солдата чувства классовой солидарности, понимания того, что народ не в ответе за деяния правителей, с корнем бы вырвали всю эту «арийскую» расу. И на сема не осталось бы!

И он снова бросил взгляд на Берлин.

А со стороны наших артиллерийских позиций доносилась песня. Бойцы корпуса сами сложили ее, сами подобрали мелодию на старинный солдатский лад:

Русские прусских всегда бивали!
Наши войска в Берлине бывали,
Русские будут в Берлине опять,
Дело бойца — быстрее наступать!

— Лихо поют! — генерал Игнатьев довольно улыбнулся. — Сразу видно: артиллеристы! А пехота что-то помалкивает...

— Особой храбрости не требуется перед боем песни орать, — проворчал Шикин. — Пехоте сейчас нелегко приходится. А впереди — форсирование Шпрее, еще труднее будет. Боюсь, обозлятся люди...

— Брось, Емельян Иванович, — возразил Игнатьев. — Наши люди добрые.

— Когда добрые, а когда и злые. Каждому фашисты довольно горя принесли. А расплата, она документов не спрашивает, в лицо не заглядывает. Она стреляет!

Я не соглашался со своим начальником штаба, не мог поверить, что советский воин — человек, проникнутый высоким классовым сознанием, воспитанный в духе идей социалистического гуманизма, способен на слепую месть. Но где-то в глубине души крылось беспокойство. Слишком тяжкие муки претерпел наш народ за годы войны, слишком велик был счет... Однако беспокойство мое было напрасным. Понимая сложность момента, политработники и партийные организации частей и подразделений корпуса вели серьезную разъяснительную работу среди личного состава.

Незадолго до начала штурма Берлина парторг второго батальона 1050-го полка лейтенант Егоренков собрал коммунистов для беседы.

— В течение почти четырех лет, — сказал он, — одной из основных духовных сил в нашей борьбе с врагом была ненависть — к оккупантам, поработителям, палачам. Но ее нельзя обрушивать на весь немецкий народ. Мы должны помнить: среди немцев есть наши братья по классу, есть мирное население, не повинное в тех злодеяниях, которые совершил и совершает фашизм. Не далее как вчера немецкий рабочий Витольд Шульц оказал помощь нашим войскам, доставив в штаб дивизии связного со срочным донесением. Есть немало немцев, не-

навидящих фашизм. С такими нам по пути. В беседах с людьми надо разъяснять и постоянно напоминать, что наш враг — это немец со «шмайсером», с фаустпатроном, с пулеметом...

— Разрешите вопрос, товарищ лейтенант?

Егоренков обернулся в сторону говорившего:

— Да, пожалуйста.

— А если, к примеру, как в Альт-Ландсберге, он в окошко белый флаг выставил, а сам, сволочь, в колодце воду отравил! Тогда как?

Егоренков нахмурился, подумав, ответили

— Будут и такие случаи. Враг будет пытаться надеть на себя личину мирного обывателя, чтобы вредить нам изподтишка. Поэтому рядом с человечностью всегда должна идти в ногу бдительность. Есть сведения, что группы эсэсовцев, переодетые в нашу форму, уничтожают целые семьи мирных немцев, стараясь вызвать ненависть всего населения к нашей армии. Об этом тоже следует помнить...

КОМСОРГ БАТАЛЬОНА САЛИДЖАН АЛИМОВ

Слушая лейтенанта, комсорг батальона Салиджан Алимов думал о том, что все больше, все чаще приходится ему беседовать с людьми. Весь родной кишлак, провожая Салиджана на фронт, наказывал ему бить врага. Земляки были уверены, что их Салиджан действует лишь автоматом да гранатами. Но ему приходилось действовать и словом. Вот и вчера наставлял ребят, как вести себя при форсировании водной преграды (ведь впереди Шпрее!). А после беседы случайно услышал, как кто-то из недавно прибывшего пополнения ехидно бросил:

— Красиво поет! Сам-то небось ни разу ног не замочил.

Крепко обожгла Алимова эта незаслуженная обида. Он уже не слышал, как рассвирепевший Лагода, выражая общее мнение, бросил новичку с презрением:

— Ума, как у воробья, а гавкаешь, как собака! Тебя бы на его место, когда Пилицу форсировали. Попил бы студеной водицы и заткнулся!

Пилица... Далеко позади осталась эта памятная польская река. Когда Салиджан Алимов вспоминает о ней, то невольно начинает ныть старая рана. Через Пилицу вброд они с командиром пятой роты старшим лейтенантом Храмовым повели бойцов по шее в ледяной воде, расталкивая руками битый лед. Форсировав реку, ворвались в село Пальчево. Там пришлось вести неравный бой с пехотой и танками врага. В этом бою и был ранен комсорг.

Нет, не нарушил Салиджан клятву, данную своим землякам из кишлака Туль — бить врага не щадя жизни, бить до полной победы! А этому молодому солдату он даст самый достойный ответ: снова пойдет впереди роты, когда будут штурмовать Берлин.

Мысли Алимова оборвал близкий орудийный выстрел. Началась артподготовка по логову врага.

«ПОДАРОЧЕК» ФЮРЕРУ

Сноровисто работают артиллеристы. Особенно слаженно действует расчет Василия Быкова. Командир расчета внимательно следит за действиями номеров. Вдруг озорная мысль осеняет его.

— Бра-а-атцы! — кричит Быков. — Сегодня ж день рождения Гитлера! Сделаем фюреру «подарочек»!

Выхватив из кармана огрызок красного карандаша, Василий пишет на очередном снаряде: «С днем рождения!». Теперь по всей батарее каждый снаряд сопровождают веселыми надписями:

- Принимай, Адольф, угощение — русское печенье!
 - Держи, гад! Не будешь рад!
 - Открывай пошире рот, принимай наш бутерброд!
- На Берлин сыплются тысячи снарядов.

Нарастает гул в небе. Идут грозные красноезвездные бомбардировщики...

Затем выходят из укрытий танки, следом поднимается в атаку пехота. И, перекрывая грохот разрывов, гремит у ворот вражеской столицы могучее русское «ура!».

ДОЖИТЬ ДО ПОБЕДЫ

В течение всего дня 21 апреля 1945 года наступление частей корпуса развивалось успешно. И это несмотря на то, что все находившиеся в полосе наступления пригороды Берлина были превращены в мощные опорные пункты обороны противника. К вечеру 21 апреля 301-я дивизия значительно продвинулась в направлении пригорода Карлсхорст, а части 230-й дивизии сильным фланговым ударом взяли Дальвиц. Оба соединения, не давая врагу опомниться, продолжали развивать успех.

Значительно хуже обстояли дела в 248-й дивизии. Еще 20 апреля ее левый фланг подвергся сильному контрудару противника из района юго-западнее населенного пункта Буков.

Комдив Галай вынужден был перебросить часть сил на левый фланг для отражения этого контрудара, что немедленно сказалось на темпах наступления. В течение 21 апреля дивизия вела тяжелые бои с крупными силами противника и продвинулась вперед незначительно.

И все же к полудню 22 апреля части 248-й дивизии, успешно отразив все контратаки, вышли в район при-

города Хоппенгартен. На новом рубеже открытый левый фланг оставался по-прежнему уязвимым. Враг снова нанес фланговый удар — на этот раз из района пригорода Клейншенебек. Но этот удар сравнительно легко отбили,

Левый фланг корпуса оставался под постоянной угрозой контрудара, и было принято решение вывести 248-ю дивизию во второй эшелон. В ее задачу входило отражение контратак противника со стороны его опорных пунктов в пригородах Шенэйхе и Кёпеник.

В лучшем положении находился центр корпуса, где действовала 301-я дивизия. Из доклада полковника Антонова я узнал, что его полки приближаются к Карлсхорсту. Этот пригород Берлина находился почти на самом берегу Шпрее, в наиболее удобном для форсирования месте. Я не смог удержаться от искушения и вместе с генералом Игнатьевым выехал в район боевых действий. Пока мы с Петром Михайловичем добирались до штаба 301-й дивизии, ее частям пришлось отразить несколько ожесточенных атак на восточной окраине Карлсхорста в районе велодрома. 1050-й и 1052-й полки, овладев больницей и велодромом, вышли вдоль Райнштейнштрассе на Вальдоваллее, где были встречены сильным огнем, а затем и атакованы 30-м и 51-м полками 18-й мотодивизии и 5-м отдельным танковым дивизионом противника.

В это время противотанковой артиллерии в полках было недостаточно. Не выдержав натиска танков противника, начали отходить в район велодрома передовые цепи 1052-го полка. В этот напряженный момент на одном из самых тяжелых участков боя — на стыке 1050-го и 1052-го полков — отражение вражеской атаки возглавил заместитель командира полка майор Кульчий, известный в корпусе своим бесстрашием и хладнокровием. Его появление на передовой вселило в людей уверенность. Майор умело организовал борьбу с вражескими

танками с помощью гранат и трофейных фаустпатронов и, подавая бойцам пример, поджег одну из машин противника. Разорвавшийся рядом снаряд тяжело ранил героя. Вдохновленные мужеством Кульчия, бойцы словно выросли в землю. Фланг полка выровнялся.

В центре боевых порядков полка в это время находилась инструктор политотдела корпуса майор Никулина. Ее кожаная куртка то и дело мелькала на самых опасных участках передового края. Словом и личным примером ободряя бойцов, Никулина сумела поднять боевой дух солдат.

Противник так и не смог поколебать полк Гумерова. А через несколько минут в бой вступил только что подошедший к передовой 823-й арtpолк под командой подполковника Георгия Гавриловича Похлебаева. Быстро занимая новые огневые позиции, одно за другим открывали огонь прямой наводкой орудия старшин Бочарникова, Дробахи, Румянцева, Ткаченко, Чиянева. Но вражеские танки продолжали, несмотря на потери, атаковать наши боевые порядки. Три машины сумели прорваться к нашей передовой. Головной тяжелый танк, развернув башню орудием назад, протаранил кирпичную стену дома, за которой укрывалась наша пехота, и начал поворачивать ствол в нашу сторону. Похлебаев поспешно отстранил раненого наводчика ближайшей семидесятишестимиллиметровки и сам навел ее в основание танковой башни. Прозвучал выстрел. Окутанный дымом «тигр» тяжело рванул назад и застрял в проломе стены.

Почти тотчас на позиции арtpолка обрушились вражеские снаряды, а тяжелые танки еще в двух местах протаранили кирпичную стену здания и открыли огонь по нашим артиллеристам.

Заместитель командира 823-го полка по политчасти Герой Советского Союза майор Цуцкеридзе тоже заменил убитого наводчика.

И снова ударили наши орудия. Несколькими снарядами был подбит еще один «тигр». Третий, неуклюже маневрируя, продолжал вести огонь по позициям артполка. Один из его снарядов разорвался рядом с орудием, из которого стрелял Цуцкеридзе. Мужественный офицер выпрямился во весь рост и рухнул навзничь.

— Замполита убили! — пронеслось по батареям.

Трудно передать тот взрыв гнева, который вызвали эти слова среди артиллеристов. Такой скорострельности и точности огня батарейцы 823-го полка, пожалуй, давненько не показывали.

Потеряв пять машин, 5-й танковый дивизион противника торопливо начал отходить и вскоре скрылся за зданиями на противоположной стороне Вальдоваллее. Воспользовавшись этим, полки Гумерова и Пешкова стремительно атаковали 30-й и 51-й полки 18-й моторизованной дивизии врага и отбросили их на исходный рубеж.

Обо всем этом рассказал мне и Игнатьеву полковник Антонов, когда мы прибыли в штаб 301-й дивизии. Он доложил также, что планирует завтра полностью овладеть Карлсхорстом и выйти к Шпрее.

Я хорошо знал, что комдив 301-й никогда не бросает слов на ветер, и был уверен в успехе операции. Но все-таки спросил:

— А не торопишься, Владимир Семенович?

— Тороплюсь, товарищ генерал! Кончат войну тороплюсь. Сколько можно людей хоронить? Сегодня Цуцкеридзе убили. Кульчий ногу потерял... А сколько солдат головы сложили!

Да, здесь, в Берлине, в тысячу раз острее стала боль за тех, кто не дожил до нашей победы, до которой — мы все были в этом твердо уверены — оставались считанные дни.

Разговор с Антоновым пробудил во мне тревожное чувство. Я поторопился выехать в 230-ю дивизию, так как от полковника Шишкова с утра 22 апреля не было вестей: не ладилась связь.

Возвратившись в Дальвиц и немного поплутав по улицам, мы с Игнатьевым направились в Мальсдорф, где в одном из домиков и нашли штаб дивизии. Шишков не ожидал моего приезда. Я застал комдива и его ближайших помощников у стола. Они сидели, склонившись над картой Берлина и его восточных пригородов. Шишков, по-видимому, оценивал обстановку, делал прикидки на завтрашний день, то и дело перебрасываясь короткими фразами с начальником штаба дивизии полковником Дубининым, начальником политотдела полковником Веремеевым и командующим артиллерией подполковником Портновым.

Мое неожиданное появление несколько смутило Шишкова, и он сделал замечание Дубинину за то, что комендантская служба не предупредила своевременно о прибытии комкора в дивизию. Я успокоил комдива, попросил доложить обстановку на текущий момент и, по возможности, план действий на 23 апреля.

Шишков доложил, что его дивизия, отразив контратаки 9-й авиадесантной дивизии и дивизии морской пехоты СС «Норланд», полностью овладела Мальсдорфом, Фридрихсфельде и к вечеру подошла к Руммельсбургу. Здесь, на восточной окраине пригорода, части дивизии были остановлены массированным огнем противника, укрепившегося вдоль множества ведущих к станции Руммельсбург железнодорожных путей. Комдив обратил мое внимание на то, что в Руммельсбурге расположена крупнейшая берлинская электростанция, и высказал мнение, что ее необходимо сохранить. Эта электростан-

ция будет иметь чрезвычайное значение при налаживании мирной жизни населения.

Пока мы беседовали в штабе дивизии, в одном из домиков на окраине Мальсдорфа состоялся разговор между лейтенантом Гусевым из дивизионной разведки и местным жителем рабочим Кеплером. Разговор этот в немалой степени повлиял на события следующего дня.

Явившись в дом, где расположились разведчики, Кеплер попросил, чтобы ему разрешили поговорить с кем-нибудь из советских офицеров, так как он должен передать важные сведения. Лейтенант Гусев выслушал Кеплера и узнал, что гитлеровцы подготовили руммельсбургскую электростанцию к уничтожению, заложив значительное количество взрывчатки.

— Почему вы решили сообщить нам об этом? — спросил напрямик Гусев.

— Я полагал, что уже сегодня следует подумать о завтрашнем дне, — ответил через переводчика Кеплер. — Война скоро окончится. И все это, — он показал рукой на развалины, — надо будет восстанавливать. Электроэнергия потребуется и нам, и вам. Я не верю, что вы хотите уничтожить германский народ и разрушить наши города. Я ведь не ошибаюсь?

— Нет, вы не ошибаетесь. И очень правильно сделали, что сообщили нам о минировании электростанции.

Через несколько минут Гусев доложил обо всем начальнику разведки дивизии майору Щербакову, тот в свою очередь поставил в известность штаб дивизии.

Полученные от Кеплера сведения требовали внесения серьезных коррективов в разработанный Шишковым план завтрашнего боя. Было ясно, что нужно не только овладеть электростанцией, но и не допустить ее уничтожения.

Комдив предложил атаковать станцию с фронта небольшими силами с отвлекающей целью. Основной же удар нанести на флангах, с тем чтобы обойти объект

справа и слева, вырваться к Шпрее и овладеть им с тыла. В атаке должны были принять участие все стрелковые полки дивизии.

Я согласился с таким планом, но начальник штаба дивизии высказал опасение: не окажется ли отсутствие второго эшелона пагубным в случае внезапного контр-удара противника по нашему правому флангу. Я рассеял эти опасения, сообщив, что правый сосед 230-й дивизии 32-й стрелковый корпус генерала Жеребина проводит активные наступательные действия в районе Лихтенберга и надежно прикрывает наш правый фланг, способствуя успеху операции.

Было решено усилить огневую мощь дивизии за счет корпусной артиллерии, но чтобы артиллерия вела огонь не по самой электростанции (что могло привести к взрыву), а по расположенным вокруг нее опорным пунктам противника. Генерал Игнатьев вместе с подполковником Портновым и командиром 370-го артполка подполковником Дорошенко быстро решили этот вопрос.

Дивизия начала подготовку к штурму руммельсбургской электростанции.

ОСВОБОДИТЕЛИ

С рассветом 23 апреля по сигналу подполковника Дорошенко все приданные и поддерживающие дивизию огневые средства открыли ожесточенный огонь по опорным пунктам гитлеровской обороны, окаймлявшим руммельсбургскую электростанцию. После артподготовки, в соответствии с разработанным штабом дивизии планом, полки Смыкова, Ожогина и Левина пошли в атаку.

Противник оказывал отчаянное сопротивление. Продвижению батальона майора Железнова основательно

мешал вражеский пулемет, установленный на чердаке пятиэтажного дома. Майор сам возглавил штурмовую группу своего батальона, которая должна была ворваться в здание и уничтожить эту огневую точку. Через некоторое время с крыши здания тяжело грохнулся на мостовую пулемет, и бойцы Железного продолжили продвижение вперед.

Потеряв значительную часть опорных пунктов, противник бросил в бой последнюю надежду — танки. Неожиданно появляясь из-за развалин домов, они открывали по атакующим шквальный огонь. Но и эта мера не принесла врагу успеха. Артиллеристы дивизии открыли по танкам огонь высокой плотности. Да и пехота наша умело использовала против «тигров» противника гранаты и трофейные фаустпатроны. Особенно отличился в борьбе с танками рядовой Алексей Кулешов, уничтоживший гранатами две боевые машины.

Попытка вражеской пехоты контратаковать наши части тоже оказалась безуспешной: ее встретили огнем из всех видов оружия. Наиболее успешно действовала во время отражения этой контратаки зенитно-пулеметная рота капитана Кузнецова. Сам командир, в прошлом артист, ведя огонь из пулемета, пел «Интернационал». Все, кто слышал голос капитана Кузнецова, подхватывали пролетарский гимн. Вскоре над Руммельсбургом гремело:

«Это есть наш последний и решительный бой...»

Тем временем задворками, через развалины домов, пробирались в помещение электростанции майор Щербаков, лейтенант Гусев и Кеплер. Рабочий вызвался провести разведчиков ходом, о котором оборонявшие электростанцию гитлеровцы не имели представления. Через угольный двор по каким-то галереям и переходам они добрались до места вывода из машинного зала наружу проводов для подрыва станции и перерезали их.

Операция была проделана своевременно, так как че-

рез несколько минут батальон майора Железного ворвался в помещение станции и ответственный за уничтожение объекта офицер крутнул ручку подрывной машинки. Но взрыва не последовало.

На территории и в помещениях электростанции еще шел бой, а в машинном зале уже начинали работу наши саперы. Им предстояло извлечь заложенные под генераторы заряды тола.

Инженер электростанции Карл Мейнинг торопливо подошел к нашим воинам:

— Что вы хотите делать? — спросил он.

— Извлечь тол,— ответил ему наблюдавший за работой саперов майор Щербаков.

— Но это может быть опасно. Здесь может быть «сюрприз».

— Наши минеры давно уже научились разгадывать «сюрпризы».

— Но почему? Почему вы рискуете жизнью ради спасения электростанции? Я не могу понять!

— Позднее поймете,— улыбнулся Щербаков.

Очищенная от противника электростанция вскоре заработала. Прямо по шпалам железнодорожных путей к ее фасаду подъехал «виллис» Шишкова. Федор Ульянович Галкин, руководивший штурмом, начал было докладывать комдиву о результатах, как вдруг из окна верхнего этажа прогремела автоматная очередь. Раненый полковник приподнялся в машине, затем покачнувшись и тяжело опустился на сиденье.

Роты капитанов Шевченко и Кормилицына под командой майора Железного бросились в здание. Минут через десять с верхнего этажа станции на мостовую сбросили пятерых фашистских вояк.

Станция была спасена. Бой утихал. В двухстах метрах от здания тихо катила свои воды Шпрее. Полковник Веремеев и инженер Мейнинг молча смотрели на реку. За их спиной собрались почти все рабочие станции.

— И все-таки я не могу понять, почему вы так поступаете,— упрямо повторил Мейнинг.

— Мы должны позаботиться о том, чтобы после войны берлинцы не терпели нужды в электроэнергии,— ответил Веремеев.

— Но ведь вы завоевали! Разве завоеватели так поступают?!

— Нет, Мейнинг,— сурово возразил Веремеев.— Мы не завоеватели. Мы — освободители.

Глава восьмая

ПОСЛЕДНЯЯ ВОДНАЯ ПРЕГРАДА

МУТНЫЕ ВОДЫ ШПРЕЕ

НП корпуса расположился на верхнем этаже здания руммельсбургской электростанции. В двухстах метрах отсюда текла Шпрее.

Шпрее! Буквально час назад Шишков и Антонов взволнованно доложили, что части их дивизий, окончательно сломив сопротивление врага в районе Руммельсбурга и Карлсхорста, вышли на правый берег реки. Перед корпусом была последняя водная преграда.

Я смотрел на подернутую грязной пеной речную гладь Шпрее и вспоминал многие великие и малые реки, которые довелось форсировать корпусу на его долгом боевом пути. Конечно, далеко было этой немецкой реке до нашего Дона и седого Днепра. Не могла она сравниться ни с полноводным Днестром, ни с красавицей Вислой. Рожденная на северо-западных склонах Судетских гор, скромной речушкой текла Шпрее по Германии и только недалеко от главного города страны, жадно вобрав в себя воду близлежащих озер, превращалась в широкую речную магистраль, пересекавшую Берлин с юго-востока на северо-запад.

Шпрее представляла для наших войск серьезную преграду. Во-первых, в полосе наступления корпуса река достигала двухсот метров ширины и более четырех метров глубины. Во-вторых, противоположный ее берег представлял собой хорошо укрепленный, глубоко эшелонированный участок обороны противника, изрытый траншеями, артиллерийскими и минометными позици-

ми, капонирами для танков, блиндажами, долговременными огневыми точками, пулеметными гнездами и другими видами оборонительных сооружений.

Тщательно изучавший линию обороны противника Шикин хмурился:

— Крепкий орешек!

— Ничего, разгрызем, — отозвался Игнатъев. — Фольксштурмисты — вояки слабые. Рабочие электростанции говорят, что там сплошь старики да подростки...

— Эти дедушки да внуки, между прочим, стреляют, Петр Михайлович.

— К сожалению, Емельян Иванович, это правда, — согласился Игнатъев. — Одного не могу понять. За что они защищают Гитлера?

— Гитлера?

— Что он им хорошего сделал? Вот перед вами Трептов-парк и чуть левее — Плентервальде. Это целый комплекс спортивных сооружений, площадок для игр, купален. Наверное, здесь неплохо отдыхалось внукам и дедушкам. А прежде Шпрее была чистой, голубой. Теперь по вине Гитлера и его компании над грязной рекой в сырых окопах и темных блиндажах сидят сопливые мальчишки да подагрические старики, которые завтра погибнут «во славу фюрера». Это ведь черт знает что!

— Скоро конец войне! — Шикин рассмеялся. — Командующий артиллерией в философию ударился!

— Между прочим, философия полезна не только артиллеристам! — парировал Игнатъев.

«НОЕВ КОВЧЕГ»

В районе купальни Лихтенберг и южнее полки подполковника Смыкова и подполковника Ожогина, составлявшие первый эшелон 230-й дивизии, уже заняли исход-

ное положение для форсирования Шпрее. А 301-я дивизия готовилась к броску через водную преграду на участке от острова Буленбрух до речных купален Вильгельмстранд, имея на правом фланге полк Гумерова, а на левом — полк Радаева.

Противник напряженно следил за действиями наших войск и весьма нервозно реагировал на подготовку к форсированию реки. С левого берега открыли огонь по нашим боевым порядкам артиллерия и минометы, пулеметы и автоматы.

Разведчики засекли немало огневых точек противника, скрытых за лесным массивом Плентервальде и в глубине его. Визуальное наблюдение показало, что в обороне западного берега реки принимает участие множество танков. Все это намного усложняло задачу и требовало значительного расхода артиллерийских снарядов для подавления огневых точек врага и мощного удара по его первой траншее.

Генерал Игнатьев, хорошо понимавший роль артиллерии в подготовке и поддержке форсирования, находился в штабах и на огневых позициях артиллеристов 230-й и 301-й дивизий. Сравнительная оценка полученных разведданных и огневой мощи нашей артиллерии, проведенная Игнатьевым совместно с командующими артиллерией этих соединений подполковником Портновым и полковником Казанцевым, показала, что для выполнения поставленной задачи необходимо использовать не только артиллерию, находившуюся во втором эшелоне 248-й дивизии, но и подключить все огневые средства корпуса. С этим и явился ко мне Игнатьев во второй половине дня 23 апреля.

Выслушав его соображения и оценив возможности огневых средств корпуса, я понял, что их все же недостаточно для уничтожения опорных пунктов обороны противника на западном берегу Шпрее. Игнатьев согласился со мной.

— А что, Петр Михайлович, если подключить к этому делу танки?

Игнатьев поморщился. Однако командир 220-й танковой бригады полковник Наруцкий заверил как от своего имени, так и от имени командира 92-го тяжелого танкового полка полковника Мясникова, что их части обеспечат огнем прямой наводкой ликвидацию точек сопротивления в районе первой вражеской траншеи на всем протяжении от купальни Лихтенберг до купален Вильгельмстранд.

— Мы скрыты развалинами зданий Карлсхорста и станцией Руммельсбург, товарищ генерал! — добавил он. — А сила удара танковых орудий вам известна.

В этот же день штаб корпуса представлял собой своеобразный «ноев ковчег»: здесь были пехотинцы и артиллеристы, летчики, танкисты и даже моряки. Многие офицеры с удивлением смотрели на представителей флота — командира отряда полуглиссеров лейтенанта Калинина и его замполита лейтенанта Суворова, объявившихся за много миль от морских берегов. И я невольно вспомнил, с каким удивлением всего десять дней назад смотрел в расположении своего штаба на командира 1-й Краснознаменной Бобруйской бригады речных кораблей Краснознаменной Днепровской военной флотилии капитана 1 ранга Лялько. Он тогда доложил мне, что подчиненная ему бригада в составе 2-го гвардейского дивизиона бронекатеров, дивизиона сторожевиков, дивизиона катерных тральщиков, дивизиона плавучих батарей и отряда полуглиссеров поступает в мое распоряжение. Это было прямо-таки бесценное подспорье для огневых ударов по врагу на озерах и реках.

При прорыве вражеской обороны в районе Кюстрина бригада Лялько оказала корпусу весьма ощутимую поддержку артиллерийским огнем высокой точности. А теперь отряду полуглиссеров предстояла задача по пере-

броске на западный берег Шпрее передовых подразделений для захвата плацдарма.

Обсуждение подготовки к форсированию Шпрее было нами закончено к концу дня 23 апреля. Вся артиллерийско-минометная мощь корпуса, его частей и соединений вместе с приданными ему танками являлась могучим огненным кулаком. С его помощью мы имели возможность подавить огневые точки противника и деморализовать его пехотные части.

Особая роль отводилась танкистам, которые из своих пушек должны были разрушить огневые точки первой траншеи врага.

Сразу после принятия окончательного решения артиллеристы начали передислокацию на новые огневые позиции и организацию связи с новыми НП. На западной окраине Карлсхорста и станции Руммельсбург под прикрытием строений концентрировались танки Наруцкого и Мясникова.

НАЧАЛО ОПЕРАЦИИ

Вытянувшиеся по берегу Шпрее здания западной окраины Карлсхорста скрывались в ночной мгле. Влажный северо-западный ветер нагнал с далекой Балтики облака. Все вроде бы притихло. Даже вражеские солдаты на противоположном берегу все реже и реже будоражили воздух треском автоматных очередей, все реже запускали в ночное небо осветительные ракеты.

Но спокойствие было обманчиво. То здесь, то там проходили по набережной Карлсхорста наши солдаты, готовившие подходы к воде для переправочных средств. Батальон капитана Айрапетяна собирался форсировать Шпрее.

В сопровождении командира первой роты старшего

лейтенанта Гниды капитан осматривал подготовленные к спуску на воду, но пока старательно укрытые за развалинами и кустами лодки первого броска.

— Лодки проверил, Петр Федорович? — спросил комбат командира роты. — Течи нет?

— Не должно быть. Проконопачено на совесть.

— Хорошо. Кого наметил в первую лодку?

— Воскобойникова, Шишко, Рахматуллина, Дзюбу, Федорова, Валитова, Птухина, Федосеевского и Богарева.

— А командиром?

— Комсорг батальона просится, товарищ капитан!

Айрапетян задумался. За время совместной службы он успел полюбить молодого офицера и сейчас чувство тревоги невольно охватило командира батальона. «В первую лодку весь вражеский берег будет бить, — подумал он. — А кому же тогда быть первым, если мы ими не будем?»

— Ладно, Петр Федорович, — сказал Айрапетян вслух. — Пусть будет Авакян.

Тихий плеск Шпрее почти не заглушал голосов, позвякивания металла, характерного стука весел о борта лодок. Но вот в эту мирную разноголосицу вплелся рокот автомобильных двигателей. Десяток «студебеккеров», миновав центр Карлсхорста, появился на западной окраине предместья и рассредоточился вдоль набережной, укрывшись за домами и деревьями. В каждом «студебеккере» уютно устроился полуглиссер.

— Братцы, — слышался из темноты чей-то голос, — так вот зачем моряки с нами от самого Кюстрина едут! Это же не форсирование, а сплошная «прогулка» будет. Эй, матросики! Покатайте по Шпрее!

Но катерники, занятые нелегким делом «спуска на землю» своих кораблей, на шутки не отвечали. Только выпрыгнувший из подъехавшего «виллиса» командир отряда полуглиссеров лейтенант Калинин сказал:

— Любишь кататься — люби и саночки возить! Помогли бы катера снять с машин, чем даром языки чесать...

К каждому полуглиссеру потянулись группки бойцов. Неподалеку от огневых позиций танковой бригады полковника Наруцкого ладили что-то саперы. Потревоженные их стуком, танкисты ворчали:

— Вот чертовы «дятлы»! Неужто не понимаете, что демаскируете нас своим стуком.

— Мы можем и не стучать, — заметил пожилой сапер. — А вот как вы без паромов на тот берег поедете на ваших железных таратайках, хотелось бы поглядеть... Для вас же, сынки, стараемся.

Смущенные танкисты замолчали.

Слушая солдатские переговоры, комбат Перепелицын поглядывал на замполита Козлитина.

— Чего ты, Александр Данилыч, зубы скалишь? — удивился замполит.

— А оттого, что успех носом чую.

— Не кажи «гоп»...

— Брось! Если танкисты с саперами ругаются — значит дела идут на лад. Примета верная. Вот когда тихо — тогда плохо.

— Ты еще против месяца в решето погляди. Людей бы лучше проинструктировал...

— Опоздал, комиссар, со своим советом. Все готово. И экипаж первой лодки отобрали мы с командиром роты. Отделение сержанта Родина. А тебя в лодку не пущу! Куда тебе, раненому, через реку? Ты посреди Шпрее тонуть начнешь, а мы тебя спасать всем батальоном станем. Не форсирование получится, а спасение на водах.

Стрелки часов незаметно приближались к намеченному часу начала операции. Казалось, весь личный состав корпуса глядел на часы.

Наконец более полутысячи орудий и минометов ра-

зом взорвали небо над Трептов-парком и Плентервальде. Плотность артиллерийского огня на участке форсирования была так велика, что в грохоте нельзя было различить отдельных выстрелов и залпов. Над Шпрее поднялось густо багровое, подернутое дымом, зарево.

ЛЕВОБЕРЕЖНЫЙ ПЛАЦДАРМ

Разрывы наших снарядов уходили все дальше в глубь обороны противника. Командир четвертой роты 986-го полка капитан Шевченко, пристально глянув на противоположный берег, хрипло сказал:

— Ну, пора!

Тяжело плеснув по темной воде, первая лодка батальона майора Железного рванулась через Шпрее. На носу ее, сжавшись, припал к своему пулемету Николай Глазунков, ловя каждое движение в районе первой траншеи противника.

Почти до самого стрежня плыли без помех. Враги еще не пришли в себя после артралета. Но вот где-то у самой кромки противоположного берега заплясал оранжевый огонек — трассы пулеметных очередей потянулись к лодке.

Глазунков ответил длинной очередью из своего «максима», но неровный ход лодки, небольшое волнение на реке сбили наводку. Обозленный, он повторно ударил по вражескому пулеметному гнезду и на этот раз достиг цели. Но почти в тот же момент справа по носу вздыбилась вода мина. Сильным гребком весла Иван Ковченко изменил курс лодки и этим спас ее: вторая мина ударила в стороне.

— Навались, ребятки! — крикнул командовавший группой лейтенант Вишневецкий. — До берега-то рукой подать. Того и гляди соседи обгонят.

Соседи — передовая лодка третьей роты — тоже перевалили через стрежень и гребли изо всех сил, чтобы первыми достичь вражеского берега. На носу их посудины яростно бил короткими очередями пулемет Журбы. Их командир, сержант Серебряков, кричал что-то высоким голосом, торопил своих бойцов — Куприна, Буланцева, Жданова, Шестакова и Туртаева.

— Шлюпочные гонки на приз Берлина! — проворчал чем-то недовольный Шконде. — Вон кто-то уже в первую траншею ворвался, а мы все копаемся...

Действительно, экипажи передовых лодок первого и третьего батальонов успешно высадились и ворвались в первую траншею противника.

Командир первого батальона майор Евпилов внимательно следил за действиями своей передовой группы. Бой развивался стремительно. Попытки противника сбить бойцов первого батальона с плацдарма оказались тщетными. Артиллерийский огонь был не страшен бойцам, успевшим укрыться в только что захваченной добротной вражеской траншее. Кроме того, первому батальону оказало поддержку передовое подразделение третьего батальона 988-го полка майора Валеева. Группа бойцов восьмой роты этого батальона, возглавляемая помощником командира взвода сержантом Гаптулкаем Саитовым, сумела скрытно пересечь Шпрее. Высадившись на левый берег, смельчаки нашли брешь в обороне противника и незамеченными вышли ему в тыл. Внезапный удар взвода Саитова с тыла вызвал замешательство в рядах врагов. Это дало возможность всей восьмой роте и другим подразделениям третьего батальона высадиться на плацдарм и поддержать первый батальон.

Успешно шло форсирование Шпрее и на участке 301-й дивизии. Здесь — из района Карлсхорста в направлении Плентервальде — двинулись на лодках передовые роты четырех батальонов. Командир первого батальона 1050-го полка Герой Советского Союза капитан Обе-

ремченко поручил захват плацдарма на левом берегу реки роте старшего лейтенанта Зотова.

Умело действовали бойцы роты старшего лейтенанта Рабенко из батальона Шаповалова. Командир шестой роты, зная, что овладение плацдармом на западном берегу Шпрее — дело сложное, назначил старшим первой лодки командира взвода лейтенанта Пескова. В составе его взвода был и парторг батальона лейтенант Егоренков... Торопливо опускались в воду весла. Молча ждали солдаты окончания переправы. Только неугомонный Лагода то и дело спрашивал у Пескова:

— Товарищ лейтенант, а чего ж мы не на катерах? Быстрее ведь...

— Катеров на всех не хватило, — ответил лейтенант.

Вдруг пулеметная очередь ударила по воде перед самым носом лодки. Почти тотчас же справа и слева появились столбы разрывов. Лодка качнулась, зачерпнула бортом. Лагода первым прыгнул за борт, удивленно вскрикнул. Оказалось, что воды здесь ему всего по грудь, а левый берег в нескольких метрах. Подняв над головой автомат, боец заспешил к берегу. Рядом с ним, стараясь не отстать от вырвавшихся вперед Пескова и Егоренкова, двигались автоматчики Иванов, Островский, Поворознюк...

Вскоре за первым взводом пошли и другие подразделения — с замполитом батальона лейтенантом Осиповым, с командиром роты старшим лейтенантом Рабенко, комсоргом батальона лейтенантом Алимовым и другими.

Блестяще провели операцию по захвату плацдарма на левом берегу Шпрее также батальоны Айрапетяна и Перепелицына.

Первая часть намеченного штабом корпуса плана была выполнена.

Захват плацдарма на западном берегу Шпрее был, однако, только началом борьбы за преодоление водной преграды. Теперь перед войсками корпуса, приданными ему и поддерживающими его частями стояла задача: перебросить на левый берег основные силы, в том числе танки, орудия и другую боевую технику. Выполнить эту задачу было весьма трудно. Противник, не желавший смириться с тем, что наш плацдарм на западном берегу Шпрее не только продолжает существовать, но и с каждой минутой расширяется, предпринимал одну за другой яростные контратаки. Немцы продолжали вести интенсивный пулеметно-минометный и артиллерийский огонь по частям и подразделениям, форсировавшим реку.

Жестокой контратаке подверглась восьмая рота 988-го полка 230-й дивизии. Этой ротой командовал старший лейтенант Сазонов. Форсировав Шпрее в самом широком ее месте (район Руммельсбурга), рота не понесла потерь, так как враги не ожидали нашего десанта на столь неудобном для переправы участке. Кроме того, пулеметные гнезда противника были здесь подавлены огнем нашей артиллерии.

Но вскоре враг понял свою ошибку. Едва рота Сазонова ворвалась в первую траншею, противник открыл по ней сосредоточенный артиллерийско-минометный огонь. Положение становилось критическим. «Еще несколько минут,— подумал Сазонов,— и от моей роты останутся рожки да ножки. Единственный выход — бросок вперед, ко второй траншее». Поднявшись в рост, старший лейтенант крикнул: «На Берлин!» И повел роту в атаку.

Противник усилил огонь. Был момент, когда казалось, что атака вот-вот захлебнется. И тогда рядом с командиром появился залитый кровью раненый парторг, сержант Сантаров.

— Ни шагу назад! — крикнул он.

Увлеченные примером командира и парторга, бойцы стремительно рванулись вперед и ворвались во вторую траншею противника.

Трижды контратаковали враги восьмую роту, но каждый раз откатывались назад.

Шесть контратак отразили бойцы первой роты этого же полка. Благодаря умелому руководству боем и личному мужеству командира роты старшего лейтенанта Ванина противник, потеряв восемь пулеметов, минометную батарею и более ста двадцати солдат и офицеров был вынужден прекратить контратаки.

Стойкость закрепившихся на левом берегу наших воинов позволила остальным частям и подразделениям с помощью приданных им плавсредств успешно продолжать форсирование реки. Но плотность артиллерийского и минометного огня противника была столь значительной, что моряки отряда полуглиссеров и 13-й отдельный понтонный батальон, обеспечивавшие переправу, приложили немало сил для выполнения поставленной перед ними задачи.

МОРЯКИ-ГЕРОИ

Высочайшую воинскую доблесть проявили в этот день моряки лейтенанта Калинина. Полуглиссеры включились в работу по переброске стрелковых подразделений на плацдарм сразу же после того, как первые группы стрелков высадились на западный берег Шпрее. Обладая хорошим ходом и высокой маневренностью, эти замечательные речные суда ловко уклонялись от вражеских мин и снарядов, от пулеметных и автоматных очередей.

Одним из первых двинулся через реку с десантом пехоты катер старшины 1-й статьи Дудника. Пристально

вглядываясь в ночь, молодой командир вел полуглиссер на большой скорости.

Бойцы десанта с уважением поглядывали на старшину:

— Лихой парень. Ни черта не боится!

— Один не боялся — волку в зубы попался... Держись, пехота! — командовал Дудник, резко поворачивая штурвал. И полуглиссер, круто накренившись, едва не черпал бортом. Десантники хватались друг за друга, чтобы не упасть в воду. Трасса пулеметной очереди пронеслась с правого борта.

— Так ведь и вывалить можно!

— Ну и вывалю. Тебе что, лучше убитым быть, чем мокрым? Не отверни я, досталась бы тебе свинцовая конфетка в зубы, — и, круто разворачивая судно, старшина отдал команду:

— За борт, марш! Приехали!

Десантники попрыгали в воду, а суденышко Дудника, отвалив было, вдруг развернулось носом к западному берегу и открыло огонь по вражескому пулемету, отмеченному еще на стрелке реки.

Через несколько минут полуглиссер вновь направился через Шпрее с очередной группой десантников. На этот раз Дудник подходил осторожно и разворачивался так, чтобы стукнуться в отмель «со всеми удобствами». Взревев мотором, с плота, который тащило судно, сполз танк с десантом автоматчиков.

Четыре часа подряд, словно ткацкий челнок, сновал от берега к берегу полуглиссер Георгия Дудника. Но в один из таких рейсов в носовую часть судна угодила мина. Возник пожар, на старшине загорелась одежда, пламя подобралось к лицу.

Стиснув зубы, Дудник продолжал вести катер, а когда очередной десант пехотинцев был благополучно высажен на берег, старшина бросился в воду. Вскоре пламя погасло, а обожженный моряк направил свой полу-

глиссер за новой группой десантников. Но тут еще одна вражеская мина взорвалась у самого борта. Георгий навалился грудью на штурвал...

Старший матрос Самохвалов — моторист катера, чинивший пробитый бензопровод, бросился к своему командиру:

— Жора!

Дудник не ответил. Самохвалов повел катер к восточному берегу Шпрее, где ждали переправы десантники.

— Старшину снимите, — глухо сказал Самохвалов.

— Раненый, что ли? — спросил кто-то.

— У нас раненые воюют. А у вас как — не знаю.

— Не сердись, матрос, — тихо ответили из темноты.

Приняв на борт очередную группу пехотинцев, Самохвалов повел полуглиссер в новый рейс.

Ниже по течению работал полуглиссер старшины 1-й статьи Пашкова. Более двух рот переправил он на левый берег Шпрее под жесточайшим пулеметным и автоматным огнем. Враги решили во что бы то ни стало вывести из строя маневренное судно. В конце концов Пашкова ранило в плечо.

Старшина приказал мотористу: Возьми штурвал! А сам, преодолевая боль, открыл ответный огонь из пулемета и подавил две вражеские огневые точки. Затем был ранен вторично. Полуглиссер начал описывать непонятную кривую. Пашков обернулся к мотористу и увидел, что его боевой товарищ убит. Не имея руками и зубами вцепившись в штурвал, старшина вывел полуглиссер на прежний курс. Десантники прыгали в воду, торопясь освободить катер, дать ему возможность поскорей уйти к правому берегу. Но вражеский снаряд прямым попаданием оборвал жизнь маленького бесстрашного боевого корабля и жизнь его самоотверженного командира.

Верные славным флотским традициям моряки отря-

да полуглиссеров не щадили своей жизни при переброске войск через Шпрее. Редели их ряды. Места командиров полуглиссеров заняли лейтенанты Калинин и Суворов. Уже во многих экипажах осталось по одному человеку, да и те были ранены или контужены. Но переброска войск через Шпрее не прекращалась.

Когда на одном из буксируемых паромов от попадания вражеского снаряда загорелся танк, старшина 1-й статьи Казаков немедленно направил свой полуглиссер на помощь. Он понимал, что взрыв танка неминуем, что подход к парому с горящим танком грозит гибелью и самому катеру. Но старшина не колебался ни секунды. Умело подведя свое суденышко с наветренной стороны, Казаков успел снять с парома и экипаж танка, и десант автоматчиков!

Славную страницу вписали в историю наших Военно-Морских Сил моряки 1-й Бобруйской бригады Днепровской флотилии: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года лейтенант М. М. Калинин, старшины Г. Г. Дудник, Г. П. Казаков и А. П. Пашков, матросы Н. А. Баранов, А. Е. Самохвалов, М. Т. Сотников, Н. А. Филиппов и В. В. Черинов были удостоены звания Героя Советского Союза.

ПЛАНЫ ВРАГА РУШАТСЯ

Операция по форсированию Шпрее проходила успешно. К рассвету 24 апреля 1945 года части 230-й стрелковой дивизии уже овладели той частью западного берега реки, где располагалась городская школа садоводства, и начали дальнейшее продвижение на запад. Особенно успешно действовал батальон майора Евпилова. Но при подходе к зданию реального училища наступающие были внезапно контратакованы группой вражеских танков при поддержке четырех рот пехоты. Противотан-

ковой артиллерии в батальоне Евпилова не было, но майор, предвидя возможность танковой контратаки, еще перед форсированием Шпрее приказал собирать и сохранять трофейные фаустпатроны. Теперь они пришлись очень кстати.

Батальон отбивал контратаку с трудом. И кто знает, каким был бы исход этого боя, если бы на выручку соседу не поспешил батальон майора Железного, который подкрепляли противотанковые орудия. Вскоре артиллеристы батальона подбили два вражеских танка. Еще три боевые машины были подбиты с помощью трофейных фаустпатронов бойцами Евпилова. Остальные танки начали отходить.

Этот момент боя майор Железный счел наиболее благоприятным для нового удара по противнику. Его батальон неудержимой атакой смял противника, принудил к рукопашной схватке. Майор сам возглавил атаку батальона, увлекая за собой бойцов. В этой схватке комбат Железный уничтожил около двух десятков фашистов.

Впереди атакующих солдат четвертой роты шел раненный в самом начале боя капитан Шевченко.

Пока батальоны Евпилова и Железного вели ожесточенный бой с противником, оборонявшим реальное училище, первый батальон 986-го полка обошел этот опорный пункт со стороны пруда Карпфен-тайкс и зашел врагам в тыл. Вырвавшаяся вперед рота Гомонкова внезапной атакой овладела зданием училища.

В одном из подвалов продолжала отстреливаться значительная группа фашистов. Иван Журба огнем своего пулемета заставил вражеских автоматчиков замолчать, а Туртаев и Шестаков, подобравшись вплотную к окнам, забросали подвал гранатами. Но радость победы омрачило серьезное ранение капитана Гомонкова.

На правом фланге 230-й дивизии форсирование Шпрее проходило в несколько иных условиях. 990-й стрелковый полк располагался на правом фланге боевых

порядков корпуса, его соседом был 32-й корпус генерала Жеребина. На этом участке в районе Штралау сохранился мост через Шпрее. Прорваться к нему и обеспечить переправу подразделений полка было поручено батальону капитана Чепурина. Батальон этот при подходе к Шпрее далеко вырвался вперед, не имел соседей на флангах и был контратакован противником. Однако комбат Чепурин умело распределил огневые средства и не допустил окружения.

Немцы бросили против батальона четыре роты пехотинцев, вооруженных автоматами и фаустпатронами.

В течение трех часов длился ожесточенный бой в районе Штралау, часто переходивший в рукопашные схватки. В этом бою отлично действовал командир третьей стрелковой роты лейтенант Землянников. Участвуя в жарких рукопашных схватках, он уничтожил более пятнадцати вражеских солдат.

Подвиг совершил и сержант Кулешов. Разбив в рукопашной схватке свой автомат, он — безоружный! — бросился на трех гитлеровцев. Ловким ударом опрокинул одного из них, вырвал автомат и добил остальных.

Рядовой Аипов огнем своего пулемета подавил несколько вражеских огневых точек. Когда началась рукопашная схватка, Аипов обнаружил, что патроны у него кончились. Противник успел нанести несколько ран бесстрашному солдату, но тот собрал все свои силы, схватил пулемет за ствол и начал крушить врагов прикладом. Гитлеровцы бросились на смельчака. Аипов выхватил одну за другой две гранаты и бросил их во врагов. Фрицы были уничтожены, но в неравном бою пал Аипов. Пал смертью героя.

Пока батальон капитана Чепурина вел тяжелый бой, правый его сосед, третий батальон 990-го полка, успел выйти на берег Шпрее и форсировать ее. Враг был вынужден ослабить натиск на подразделение Чепурина. Тотчас воспользовавшись этим, комбат двинул своих бой-

цов вдоль берега залива Руммельсбургерзее и, сбросив в воду вражеские заслоны, форсировал Шпрее в районе Трептов-парка.

Не давая противнику времени на перегруппировку, первый батальон 990-го полка нанес удар вдоль берега, обходя с тыла группу гитлеровцев, оборонявших мост. Вскоре и мост был в наших руках.

301-я дивизия к рассвету 24 апреля 1945 года полностью овладела лесным массивом Плентервальде и вышла на его западную опушку. Однако противник непрерывно контратаковал части дивизии Антонова.

Особенно осложнилась обстановка на стыке батальонов Оберемченко и Шаповалова. Здесь противнику удалось вклиниться между нашими боевыми порядками. Чтобы ликвидировать вражеский клин, Герой Советского Союза капитан Оберемченко принял решение контратаковать противника во фланг. Натиск его батальона, в первых рядах которого бойцы видели своего прославленного командира, был стремителен. В течение нескольких минут враг был смят и полностью разгромлен. Но дорогой ценой досталась первому батальону эта победа. Сраженный пулеметной очередью пал смертью храбрых Николай Васильевич Оберемченко.

Противник пытался контратаковать части дивизии и на ее левом фланге, где развивал наступление полк Радаева. Но умелое руководство таких опытных комбатов, как Айрапетян и Перепелицын, и мужество личного состава первого и второго батальонов 1054-го полка разрушили все планы противника.

ДВА ВОИНСКИХ ЗАВЕТА

Чтобы окончательно сломить сопротивление противника в районе пригорода Трептов и продолжать успешное продвижение к центру Берлина, переправившихся

на левый берег Шпрее войск было явно недостаточно. Необходимо было перебросить на западный берег все части 230-й и 301-й дивизий, танковые подразделения полковников Наруцкого и Мясникова, дивизионную и корпусную артиллерию, а также второй эшелон корпуса — 248-ю дивизию.

Однако применявшиеся до сей поры средства переправы для такой цели были непригодны. Единственно реальным вариантом решения стоящей перед корпусом задачи была постройка наплавного моста через Шпрее. С выходом частей 301-й дивизии на западную опушку Плентервальде проведение работ по созданию моста стало выполнимым. Хотя противник находился лишь в километре от берега, лес закрывал ему обзор и не давал возможности вести по району переправы прицельный огонь.

Строительство моста началось утром 24 апреля 1945 года.

Корпусной инженер-полковник Купер и командир 116-го саперного батальона капитан Чуйко были мастерами своего дела. Место для наведения моста они избрали чуть севернее острова Буленбрух, где береговые склоны, рельеф дна и характер течения реки наиболее благоприятствовали успешному решению задачи. Своевременно был подготовлен и необходимый для наводки моста паромный парк.

Офицерам и солдатам инженерных частей корпуса в сложном деле наведения мостов опыта было не занимать. На их счету немало оригинальных инженерных и технических решений, примененных при наведении мостовых переправ через Днепр, Ингул, Южный Буг, Днестр, Одер... Они умели работать в любую погоду, под бомбежкой и артобстрелом, по грудь в ледяной воде устанавливая и закрепляя береговые опоры, сращивая звенья, накладывая колесо-отбойные брусья. Они понимали, что окончания их работ с нетерпением ждут сол-

даты, офицеры, генералы и маршалы. Ждут те, кто ценой большой крови удерживает захваченный плацдарм, и те, кто готовится устремиться на противоположный берег, чтобы закрепить столь нелегко добытый успех.

Надо сказать, что строительство моста через Шпрее было задачей отнюдь не более легкой, чем все предыдущие. Тем не менее, под артиллерийско-минометным огнем противника личный состав 116-го саперного и 13-го понтонного батальонов проявил исключительное мужество и высокое мастерство, сумел в сжатые сроки произвести все работы и обеспечить корпус надежной мостовой переправой.

Вскоре войска корпуса и приданных ему частей хлынули на западный берег Шпрее.

Когда я приехал на переправу, по мосту в быстром темпе двигались стрелковые подразделения. Судя по графику, это должны были быть люди 301-й стрелковой дивизии Антонова. Поэтому я и поинтересовался у командира, какая именно часть проходит.

Полковник Антонов смутился, но, как всегда, без утайки сказал:

— Сто второй полк тридцать пятой дивизии, товарищ генерал.

— А кто ему разрешил? Это же полк нашего левого соседа!

— Это я виноват, товарищ генерал! — Антонов улыбнулся. — Выполняю сразу два воинских завета: «В бою выручай товарища» и «Солдату надлежит быть смекалистым».

Я попросил высказаться яснее.

— Полком-то командует полковник Казаков. А он служил в нашем корпусе. Как же было не выручить боевого товарища? Тем более, что с форсированием Шпрее у левого соседа что-то не ладится.

— Ну, а насчет смекалки?

— Так ведь левый фланг у меня на том берегу ре-

ки открыт, Полк Радаева опять атакован из района Баумшуленвега. Вот пускай Казаков и прикрывает мой левый фланг.

— Хитер ты, Владимир Семенович! Только как же с графиком переправы?

— График не будет нарушен, товарищ генерал. Полк Казакова пройдет за счет времени, отведенного моей дивизии.

А по переправе шли и шли наши войска. К исходу дня 24 апреля на плацдарме находились 230-я и 301-я стрелковые дивизии, часть танков 220-й танковой бригады и 92-го тяжелого танкового полка, вся противотанковая и зенитная артиллерия корпуса. К этому времени мы полностью овладели Трептов-парком, пригородом Трептов и продолжали продвигаться к центру Берлина.

К общей нашей радости — по поводу успешного форсирования Шпрее и дальнейшего развития наступления — вскоре прибавилась еще одна: позвонил член Военного совета 5-й ударной армии генерал Боков и сообщил, что командарм Николай Эрастович Берзарин назначен комендантом Берлина. Эту новость мы восприняли как высокую оценку не только личных качеств нашего командующего, но и боевых успехов всей 5-й ударной армии.

Глава девятая

КРУШЕНИЕ ГИТЛЕРОВСКОЙ «ЦИТАДЕЛИ»

ПОСЛЕДНИЙ ОПЛОТ

После успешного форсирования Шпрее части 9-го корпуса, сломив сопротивление противника в районе пригорода Трептов, 25 апреля вышли к каналу, соединяющему Шпрее с Ландверканалом. Теперь полоса наступления нашего корпуса определилась особенно четко. На правом фланге она была ограничена рекой Шпрее, за которой по-прежнему вел наступательные бои 32-й стрелковый корпус генерала Жеребина, на левом — Ландверканалом, отделявшим наши боевые порядки от частей 8-й гвардейской армии.

230-я дивизия, действовавшая на правом фланге, после упорных боев овладела заводом шарикоподшипников, питомником и заводом анилиновых красок. 301-я дивизия полностью заняла набережную Визен Уфер на всем протяжении от завода анилиновых красок до Ландверканала.

248-я Одесская стрелковая дивизия по-прежнему составляла второй эшелон корпуса с задачей уничтожения оставшихся у нас в тылу отдельных очагов сопротивления фашистов.

Перед боевыми порядками корпуса, на другой стороне соединительного канала, находился Герлицкий вокзал. За ним проходила городская кольцевая железная дорога. Здесь начинался центр Берлина, превращенный в особый район обороны, названный гитлеровцами «Цитаделью». В этом районе находились все важнейшие го-

сударственные учреждения, обороне которых фашистская верхушка уделяла особое внимание.

Берлин был наречен «городом-крепостью». По личному распоряжению Геббельса на стенах большинства домов были тщательно выведены надписи: «Берлин останется немецким» и «Победа или Сибирь». Центр города, объявленный особым, девятым, сектором, представлял собою как бы крепость в крепости.

Сердцевиной «Цитадели» была Вильгельмштрассе, где располагались учреждения, руководившие всей идеологической, административной, политической, военной и экономической жизнью третьего рейха. В самом центре этой улицы, при ее пересечении с Фоссштрассе, находилось здание, значившееся на наших картах как «объект 153» и носившее название имперской канцелярии. С юга к нему примыкали министерство авиации, гестапо, министерство финансов и государственный почтамт; с севера — министерство иностранных дел, министерство юстиции, национальная галерея и другие учреждения.

К 25 апреля фашисты были зажаты в центре Берлина. Правда, сей последний островок фашистской империи был старательно укреплен. На перекрестках устроены баррикады, подходы к которым минировались. Все угловые окна приспособлены для ведения огня из пулеметов и автоматов, а окна верхних этажей предназначались для автоматчиков и гранатометчиков с фаустпатронами.

Тем не менее наши части находили способы овладеть укрепленными перекрестками и отдельными зданиями и продвигаться вперед. С помощью танков или выдвинутых вперед орудий разрушались углы домов, где засели вражеские пулеметчики. Огнем орудий более крупных калибров сметались баррикады и завалы. Стрелковые подразделения пробивались сквозь кварталы с помощью минеров, подрывавших стены зданий и делавших в них проломы. Так от дома к дому, от квар-

тала к кварталу части 9-го Краснознаменного Бранденбургского стрелкового корпуса продвигались к имперской канцелярии, в бетонном бункере которой обретался Гитлер.

ШТУРМ АНГАЛЬТСКОГО ВОКЗАЛА

Одним из тяжелейших боев в районе «Цитадели» был бой за Ангальтский вокзал. 301-я дивизия, овладев накануне громадным зданием патентного управления и площадью Белле Аллиансплац, развернула свой фронт на северо-запад. В этом направлении от площади протянулись четыре берлинские улицы. Вдоль них и повели свое дальнейшее наступление части дивизии генерала Антонова. Подразделения 1052-го полка основные удары наносили по Вильгельмштрассе, а вдоль Саарланденштрассе продвигался с боями 1050-й полк. 1054-й полк составлявший второй эшелон дивизии, следовал по Фридрих- и Вильгельмштрассе, очищая полосу наступления от мелких групп гитлеровцев, оставшихся в тылу наших войск.

Первоначально наступление развивалось успешно, но в районе Ангальтского вокзала 1050-й полк натолкнулся на упорное сопротивление. Здание вокзала представляло собой мощный опорный пункт вражеской обороны. С его фасадной стороны хорошо простреливалась Саарланденштрассе и вся привокзальная площадь. Необходимо было ликвидировать этот очаг сопротивления как можно скорее, ибо он препятствовал дальнейшему продвижению полка.

В этот момент я находился на КП 301-й дивизии, только что переместившемся в здание Патентного управления.

Начальник артиллерии корпуса генерал Игнатьев и командир 220-й танковой бригады полковник Наруцкий,

наблюдавшие с дивизионного КП за действиями танков и артиллерии, обратили мое внимание на слаженное взаимодействие наших огневых средств и пехоты.

— Хоть научный труд пиши,— восхищался Игнатъев.— Корпусная артиллерия принимает непосредственное участие в уличных боях! Огнем прямой наводкой сносятся баррикады противника...

— Когда будете писать, Петр Михайлович, не забудьте и танкистов упомянуть,— добавил Наруцкий.

— Обязательно, полковник!

То, что артиллерист и танкист хвалили друг друга, было верным признаком успешного развития боевых действий.

Рядом с нами хрипло кричал в телефонную трубку генерал Антонов:

— Почему остановился?! Откуда бьют?.. Из здания вокзала? Что думаешь делать? Думать? Ладно, думай!..

Положив трубку, он сердито сказал, обращаясь к нам:

— Черта с два он что-нибудь придумает...

— О ком речь, генерал? — поинтересовался я.

— Гумеров застрял на пути к зданию гестапо, товарищ комкор. Там такой плотности огонь из Ангальтского вокзала, что даже мышь не проскочит. Прошу поддержать, чем можете...

— Без поддержки не обойтись,— включился в разговор начальник штаба дивизии Михаил Иванович Сафронов.— Противник знает, что делает. Этот чертов вокзал наглухо заткнул Саарланденштрассе, а выбить фрицев оттуда можно только массированным огнем артиллерии по всем без исключения дверям, окнам и нишам. Словом, на каждое окно — орудие. А потом — штурм.

— Причем штурмовать с Халлешештрассе,— поддержал я Сафронова.— Юго-восточная часть вокзала укреплена слабее остальных.

— Товарищи! Да где же я вам столько стволов наберу? — взмолился командующий артиллерией дивизии полковник Казанцев. — Ведь там не меньше сотни окон.

— Тут кто-то просил танкистов упомянуть в книге, — намекнул Игнатьев.

— А что, полковник, — вмешался я, — докажете-ка генералу Игнатьеву, что не только артиллерия «бог» войны.

— Есть, доказать! — улыбнулся Наруцкий. — Половину окон беру на себя. Прошу два часа времени для того, чтобы подтянуть машины.

— Ну, в два часа вы, пожалуй, не уложите, да и генералу Антонову понадобится больше времени на подготовку. А вот четырех часов, думаю, будет достаточно.

Подготовка к штурму Ангальтского вокзала проводилась с особенной тщательностью. В боевые порядки полка Гумерова отправился начальник политотдела дивизии полковник Коломийцев. Но особенно тщательно должны были подготовиться к штурму артполк дивизии и танковая бригада. Им предстояло открыть такой плотный и точный огонь по окнам, нишам и входам вокзального здания, который бы обеспечил подавление огневых точек врага и успех штурма.

Артиллеристам предстояло обработать предназначенный для штурма юго-восточный участок здания. Командир артполка подполковник Похлебаев проверил готовность каждого расчета к выполнению задачи. В течение пятнадцати минут он инструктировал взвод лейтенанта Кирилюка, как добиться высокой точности попаданий по мелким целям, затем осмотрел, как оборудованы в развалинах дома позиции орудий лейтенанта Берестового. Пробираясь среди развалин от одного орудия к другому, подполковник давал советы командирам, интересовался, почему огневая позиция выбрана именно здесь.

— У вас обзор, прямо скажем, неважный, — заметил

он старшине Чияневу.— Не лучше ли передвинуть орудие левее?

— Цель видна хорошо, товарищ подполковник,— возразил Чиянев.— Если я орудие влево передвину, то моя позиция с соседнего дома будет как на ладони. А ежели там гранатометчик с фаустпатроном?

— Разумно, старшина.

И Похлебаев двинулся дальше, туда, где притаилась 76-миллиметровка старшины Дробахи. Здесь он несколько минут «поколдовал» у прицельного приспособления, похвалил старшину за удачно выбранную позицию, посоветовал надежнее укрыть боезапас. Видели Похлебаева в этот день и на позициях орудий старшин Бочарникова, Румянцева, Ткаченко... Да вряд ли нашелся хоть один расчет, в гостях у которого не побывал бы командир полка.

Так же заботливо готовили артиллеристов к штурму Ангальтского вокзала заместитель командира артполка по политчасти майор Куценко, начальник штаба майор Сотников, комсорг капитан Барский и другие.

Позиции заняли и танкисты Наруцкого.

Вскоре орудия 823-го полка и танковые пушки 220-й бригады открыли яростный огонь по Ангальтскому вокзалу.

Противник стремился внезапным ударом с тыла деморализовать наших артиллеристов.

Укрываясь за развалинами домов, к огненным позициям 76-миллиметрового орудия старшины Симоненко подошли две «пантеры». Но расчет отразил внезапный удар из-за угла. Развернув орудие на 180 градусов за несколько секунд, наводчик рядовой Казарин моментально поймал в перекрестие панорамы первый T-V.

— Огонь! — И прославленная «пантера», ценившаяся за высокую маневренность порой выше, чем «тигр», потеряла управление, врезалась в полуразрушенную стену и запылаха.

Второй Т-V продолжал вести огонь. Одним из осколков наводчик Казарин был ранен. Оттащив его в укрытие, старшина Симоненко сам встал к панораме. Двумя выстрелами он вывел из строя и второй вражеский танк.

Сноровисто действовали и артиллеристы расчета старшины Страшко, уничтожившие вражеский крупнокалиберный пулемет, обосновавшийся в верхнем угловом окне юго-восточной части Ангальтского вокзала. Над головами артиллеристов прошла пулеметная трасса. Страшко приказал развернуть орудие и указал наводчику Димитрусенко цель. Меткими выстрелами вражеский пулеметчик был уничтожен. Затем расчет снова развернул орудие и продолжал вести огонь по Ангальтскому вокзалу.

29 апреля в середине дня полк Гумерова начал штурм юго-восточной части вокзала и после ожесточенного боя овладел ею. Далее бой продолжался уже внутри здания...

Вскоре 301-я дивизия продолжила свое движение вдоль Саарланденштрассе — к центру «Цитадели».

ВЗЯТИЕ ТИПОГРАФИИ

Жестокий двухдневный бой за здание государственной типографии пришлось выдержать 230-й стрелковой дивизии полковника Шишкова. Это громадное здание занимало целый квартал при пересечении Альт-Якобштрассе и Орланиенштрассе. За мощными стенами укрылись гитлеровцы, создав здесь прочный опорный пункт, прикрывавший подходы к имперской канцелярии с востока.

Попытки подавить огневые точки противника с помощью танков и артиллерии успеха не принесли. Враги то и дело меняли позиции, перебираясь от одного окна

к другому, переходя с этажа на этаж. Чтобы поразить одновременно все окна гигантского здания типографии, нужно было во много раз больше артиллерии и танков, чем имелось в распоряжении комдива.

Овладеть типографией могли только штурмовые группы. Такие группы скрытыми перебежками, по чердакам и крышам, делая проломы в стенах домов, доходили до намеченного объекта и, ворвавшись в него, завязывали бой внутри здания. Это давало возможность остальным успешно штурмовать здание снаружи. Но принесет ли успех посылка штурмовых групп в данном случае? Ведь здание типографии почти нигде не примыкает к другим домам. Над этим и размышлял Шишков, прибывший в сопровождении своего замполита полковника Веремеева на КП 990-го стрелкового полка.

— Ерунда получается,— ворчал комдив, поправляя на голове повязку.— Двое суток торчим у этой поганой типографии. Боезапаса извели больше, чем за весь апрель, а никакого результата. Срам!

— Был бы срам, Даниил Кузьмич, если бы типография и вправду была поганая. А то ведь отличная типография. Я книги видел, напечатанные здесь до войны. Хорошие. Не хуже лейпцигских,— возразил Веремеев.

— Меня сейчас не книги, Иван Федорович, а стены интересуют. Они полутораметровой толщины. Черт бы их побрал совсем!

Командир 990-го полка подполковник Левин вроде бы и не в лад сказал:

— Есть у меня взвод хороший. Лейтенанта Шабурова взвод. И еще отделение есть, которым младший сержант Иван Шмыг командует. Тоже ничего ребятки — на ходу могут зайца подковать.

— Вот! Слыхал, Иван Федорович? — рассмеялся Шишков.— Это подполковник на свои штурмовые группы намекает и нас с тобой укоряет: «Бездельники, два дня типографию взять не можете». Так Александр Иванович?

— Не совсем, Даниил Кузьмич. Просто ни в книгах, ни в стенах я не разбираюсь, поскольку не полиграфист и не архитектор. Мое дело — война.

— Ясно! Давай сюда Шабурова и Шмыга. Ты их в штурмовые группы по алфавиту, что ли, подбираешь? На букву «Ш»?..

К вечеру 29 апреля лейтенант Шабуров и младший сержант Шмыг, получив задание, подготовили свои группы к проникновению в здание государственной типографии.

Шабуров еще засветло тщательно изучил всю близлежащую территорию. Однако ни осмотр местности в стереотрубу, ни знакомство с планом Берлина не давали полного представления о путях подхода к зданию. Тогда лейтенант решил сам произвести рекогносцировку. Результаты ее оказались удачными: Шабуров отыскал узкий, не доступный для вражеского огня проход к одному из цехов типографии. Это была узкая щель между двумя зданиями, где одновременно мог продвигаться только один человек. В конце щели — узкое окно...

С наступлением темноты Шабуров повел свой взвод этим опасным путем. Лейтенант понимал: если враг заметит штурмовую группу, то достаточно будет лишь одного автоматчика, чтобы перестрелять бойцов, пробирающихся гуськом по узкому пространству. И взводный первым, плотно прижимаясь к земле, пополз к цели. Подобравшись к окну, он одним броском перемахнул через подоконник и оказался в комнате, где находилось до полдюжины гитлеровцев. Длинной автоматной очередью лейтенант уничтожил их, затем вместе с подоспевшими бойцами взвода захватил еще несколько помещений. Но самому Шабурову не удалось остаться невредимым: по одежде в двух местах расплылись кровавые пятна. Лейтенант покачнулся... Пулеметчик стрелял из угловой комнаты, препятствуя выходу бойцов, готовившихся начать штурм типографии с внешней стороны. Собрав силы,

взводный вступил в схватку с пулеметным расчетом. Удачным броском гранаты он покончил с ним. Теперь и эта часть здания находилась в наших руках.

Через несколько минут ко взводу Шабурова присоединилась рота капитана Темирбаева. За нею последовали остальные подразделения батальона капитана Чепурина.

Вскоре этот корпус типографии был полностью очищен от гитлеровцев. Но метрах в тридцати высился второй корпус. Из его окон противник вел огонь. На помощь роте Темирбаева пришли артиллеристы батареи старшего лейтенанта Черникова. Через проделанные саперами проломы в стенах артиллеристы вкатили внутрь две семидесятишестимиллиметровки — все, что осталось от батареи, — и открыли огонь прямой наводкой по цеху, где засели враги.

Точность огня батарейцев обеспечила успешную атаку роты, вскоре второй корпус типографии также оказался в наших руках.

А на противоположном углу квартала штурмовала типографию группа Ивана Шмыги. Младший сержант еще днем старательно изучил свой участок. Перед углом здания типографии, который должно было штурмовать его отделение, гитлеровцы построили дот. Все пространство перед дотом метров на двадцать было совершенно гладким и простреливалось из верхних этажей. Но Шмыг нашел выход из положения. По его просьбе саперы подорвали одну уцелевшую стену находившегося напротив типографии разрушенного дома. Рухнувшая стена легла причудливой каменной россыпью поперек улицы почти до самого дота. С наступлением темноты младший сержант со своим отделением, старательно укрываясь за камнями, двинулся к углу типографского корпуса. Подобравшись почти вплотную к амбразуре дота, отделенный метнул туда одну за другой три гранаты. Следующие две полетели в угловое окно, из которого бил пу-

лемет противника. Через несколько минут отделение Шмыга ворвалось в здание, добивая уцелевших врагов огнем из автоматов.

Вскоре части первого эшелона дивизии начали штурм этого опорного пункта обороны противника...

Подполковник Ожогин, Шишков и я наблюдали за ходом боя с полкового КП, находившегося в одном из зданий на Альт-Якобштрассе. Я обратил внимание на то, что после ранения у руммельсбургской электростанции Шишков все еще не оправился, хотя и старается не показывать этого. Пользуясь некоторым затишьем, я осторожно предложил Даниилу Кузьмичу уехать в госпиталь. Полковник с грустью взглянул на меня и отрицательно покачал головой:

— Не надо меня обижать, Иван Павлович. Четыре года мечтал я о том дне, когда наконец-то доберусь до самого логова Гитлера. И вот, когда до имперской канцелярии осталось рукой подать, вы хотите меня «упечь» в госпиталь. И потом, чем я хуже других? Вот у Ожогина девяносто три человека наотрез отказываются уходить в госпиталь. Ты им прикажи, что ли, Андрей Матвеевич...

— Да как тут прикажешь? — смущенно улыбнулся подполковник. — Такое дело один раз в жизни бывает. Четыре года ждали этих боев. В самом Берлине! Обидно.

— Не то слово «обидно», — печально сказал Шишков. — Страшно! Больно! Царева Сашу забыть не могу. Заменил раненого Гомонкова сегодня утром, а через час сам был тяжело ранен. Умер на поле боя... Нет, сейчас уйти в тыл, в госпиталь, для меня просто позор.

— Ну, полно, Даниил Кузьмич! Это я так, к слову...

Комдив облегченно вздохнул, но вдруг насторожился: со стороны типографии донеслись все усиливающиеся мощные разрывы, треск автоматных и пулеметных очередей. Полковник кинулся к телефону, и через не-

сколько секунд, подтянувшись, словно рана его уже не тяготила, доложил:

— Товарищ генерал! Полк Смыкова ворвался в здание типографии!

КРОВЬ НА СОЛДАТСКОМ ХЛЕБЕ

Вечерело. Над корпусами государственной типографии, над перекрестком Альт-Якобштрассе и Орланиенштрассе еще висели густые клубы дыма и бурой кирпичной пыли, но бой уже затих. Оборудованный гитлеровцами в стенах типографии опорный пункт пал под ударами 990-го и 986-го полков 230-й дивизии.

Полк Алексея Ивановича Смыкова, вышедший после штурма на Командантенштрассе, воспользовавшись передышкой, расположился на обед. Майор Железный направился к кухням второго батальона и поинтересовался у поваров: много ли осталось супа, хлеба и каши.

— Как не остаться, — ответили ему, — если варишь на двести пятьдесят человек, а обедать приходит двести.

Железный нахмурился. Он-то хорошо знал, почему в котлах осталось пятьдесят порций — обед тех, кого отправили в госпиталь. И тех, кто никогда уже не будет обедать...

— А вы, товарищ майор, никак, немцам хотели остаток отдать?

— А что? Тут в подвале их человек восемьдесят. Женщины, старики, дети...

— Да я его лучше на землю выплесну, чем фашистов кормить! — со злостью выкрикнул повар.

Комбат понимал бойца. Он сам пронес через Украину, Польшу и Германию священное чувство мести и ненависти. Но после боя за типографию майор заглянул в подвал соседнего дома и увидел картину, которая поко-

лебала его ненависть. Изможденные дети, старики, женщины сбились в угол, глядя на советского офицера ввалившимися, полными страха глазами. Люди были истощены до предела. Многие не могли даже стоять.

— Как в концлагере, — тяжело вздохнул Железный.

Обитатели подвала поняли только слово «концлагерь». Со стонами вся эта масса несчастных людей двинулась к выходу из подвала.

— Куда вы? — остановил их майор.

Старик-немец в измазанном мелом пиджаке, подбирая русские слова, ответил:

— Герр офицер сказаль нах концлагер...

Железный понял: люди решили, что их отправляют в концлагерь.

— Какой к черту концлагерь! Вас в больницу надо.

Немцы испуганно смотрели, не понимая, чего хочет от них этот громадный русский офицер. Было ясно, что он сердится. Майор выкрикнул одно из немногих известных ему немецких слов:

— Цурюк!

Те попятились, а Железный торопливо покинул подвал.

Тогда и возникла у него мысль накормить этих изголодавшихся людей из солдатского котла. Но как объяснить это повару?

— Пошли со мной, — сказал ему комбат и добавил, обращаясь к своему ординарцу Прохорову: — А ты, Митя, сбегай за переводчиком.

В подвале, пристально всматриваясь в слабо освещенные худые лица, повар тихо спросил:

— Это что же, товарищ майор, заключенные ихние?

— Нет, просто жители. Изголодались... Поглядел? Теперь иди, вываливай на землю суп да кашу!

— Так ведь детишки тут, товарищ майор.

— Ну и что? Это же немцы...

— А немцы — не люди?

— То-то, брат! Немцы, они тоже разные бывают,— и вдруг добавил совсем иным тоном: — Ох, и добренькие мы, черт бы нас побрал!

В сопровождении Прохорова появился переводчик. Уяснив суть дела, он бросил обитателям подвала несколько коротких фраз, суть которых сводилась к тому, что советское командование предлагает им солдатский обед.

— Да скажите им, капитан,— скрипнув зубами, добавил переводчику Железный.— Им дадут порции тех, кто погиб сегодня за этой вот стеной...

Вскоре у полевых кухонь выстроилась длинная очередь. Долговязый пастор что-то торжественно сказал стоявшей впереди женщине.

— Что он говорит? — спросил у переводчика подошедший капитан Шевченко.

— Говорит, что этот обед надо принимать как святые дары, что...

Грохот разорвавшегося фаустпатрона заглушил последние слова переводчика.

Шевченко покачнулся и тяжело упал. На месте его правой руки толчками била кровь. Рядом медленно оседала на землю женщина. Обезумевшим взглядом смотрел пастор на брызги крови, окропившие солдатский хлеб, который он держал в руках.

— Кто стрелял? — не своим голосом крикнул Железный.

— Эсэсовцы с крыши,— доложил вынырнувший из темноты Прохоров.

Над Берлином не угасало зарево.

★

ОБИДА НА КОМКОРА

Битва за Берлин близилась к концу.

После разговора с Шишковым я с особой остротой почувствовал великую душевную боль за тех, кому не вы-

пал жребий дожить до последнего дня войны.

С глубоким сочувствием вспоминал старшего лейтенанта Ивана Сеничкина, мечтавшего о взятии Берлина, но раненного на одерском плацдарме и уже не вернувшегося в корпус; капитанов Ивана Гомонкова, Григория Шевченко и прославленного пулеметчика Петра Шуневича: они не дошли до имперской канцелярии несколько сот метров; скорбел о лейтенанте Александре Цареве и рядовом Дмитрие Шконде, которым не удалось дожить до нашей победы. Но горюя о павших, сочувствуя раненым, я не забывал о том, что в моем подчинении находится дивизия генерала Николая Захаровича Галая, люди которой не дошли нескольких кварталов до имперской канцелярии.

Начальник политотдела дивизии полковник Федор Иванович Дюжилов, явившись в штаб корпуса по каким-то своим делам, неожиданно завел со мной разговор об удрученном моральном состоянии личного состава соединения.

— Люди, товарищ генерал, в глаза не смотрят, ходят мрачные. Спрашиваю: не обидел ли кто? Указывают на вас, Иван Павлович. И, откровенно говоря, я их понимаю. Ведь от самой Астрахани шли с надеждой добраться до берлоги Гитлера! А теперь?

Дюжилов опустил голову. Мне стало искренне жаль этого душевного человека. И я решил ввести в бой 248-ю дивизию. Мною руководили не оперативные, а скорее политические соображения. Я понял, что допущу серьезную ошибку, если позволю, чтобы люди, прошедшие от Волги до центра Берлина, не приняли непосредственного участия в операциях по уничтожению последнего оплота фашизма. И я сообщил о своем решении Дюжилову. Полковник радостно засмеялся и тут же исчез, крикнув:

— Лечу в дивизию! На крыльях! Спасибо, товарищ комкор!

Вечером 29 апреля в центре боевых порядков корпуса 248-я дивизия вступила в бой. Ее 905-й полк, следуя по Орланиенштрассе, вышел к площади, образованной при слиянии Линден- и Елусамерштрассе, где высилось прочное кирпичное здание кирхи.

За толстыми стенами кирхи нашли надежное укрытие вооруженные до зубов эсэсовцы. Попытка выбить их со стороны Орланиенштрассе успехом не увенчалась. Скрытые за стенами пулеметы давали фашистам возможность отражать все атаки 905-го полка, нанося нам ощутимый урон. И командир полка подполковник Филатов сказал своему начальнику штаба подполковнику Коцарю:

— В лоб или с флангов мы их не возьмем, Кирилл Михайлович. Надо брать с тыла.

— Замысел хорош, Дмитрий Терентьевич,— согласился Коцарь.— Но как его осуществить?.. Пробиться по Юнкерштрассе на север, на Кохштрассе? Но там квартал...

— Вот сквозь квартал и надо пробиться! Через крыши, через подвалы. Наконец, делая проломы в стенах домов...

— А кому поручите это дело, товарищ подполковник? — поинтересовался командир первого батальона майор Педченко.

— Тебе и поручим, Анатолий Григорьевич.

— Спасибо за доверие, товарищ подполковник. Разрешите выполнять?

— Подожди, я с тобой пойду,— торопливо проговорил замполит полка подполковник Шлыков и обратился к Филатову: — Не возражаешь, комполка?

— На подвиги рвешься?

— Брось дразнить, Дмитрий. Дело батальону Педченко предстоит серьезное...

— Хорошо, будь по-твоему.

Через час, овладев Юнкерштрассе, батальон Педчен-

ко начал пробиваться к Кохштрассе. Прихватив с собой группу минеров-подрывников, командир первой роты капитан Бутырский повел своих людей сквозь квартал. До Кохштрассе было рукой подать — каких-нибудь две-три метра. Но первой роте, пробивавшей себе путь буквально сквозь кирпич и бетон, понадобилось три часа, чтобы преодолеть это расстояние. Тем не менее операция была успешно завершена. По истечении трех часов рота вышла на Кохштрассе. Вскоре здесь сконцентрировался и весь батальон Педченко.

В это время третий батальон майора Андреева наносил отвлекающие удары по опорному пункту противника с фронта. Особенно активно действовала здесь батарея капитана Никитина. Его сорокапятки вели прицельный огонь. Командир орудия сержант Глазко несколькими выстрелами с хорошо выбранной позиции заставил замолчать три вражеских пулемета. На славу поработали и расчеты других пушек.

А первый батальон уже занял исходное положение для штурма кирхи. Отразить стремительный одновременный удар всех трех рот первого батальона противнику оказалось не под силу. Часть укрепившихся в кирхе была уничтожена, остальные сдались в плен.

АЛЫЕ СЯГИ

Бастион за бастионом сокрушал корпус в фашистской «Цитадели». 30 апреля части дивизий вышли на рубеж Шарлоттенштрассе — угол Кохштрассе — станции метро — Ангальтенштрассе и до Саарланденштрассе, вплотную подойдя к самому центру «Цитадели». Дивизия Антонова, преодолев отчаянное сопротивление отборных эсэсовских частей, овладела примыкавшим к зданию гестапо садом.

30 апреля, когда на крыше рейхстага реяло наше Знамя Победы, водруженное бесстрашными воинами 150-й Идрицкой стрелковой дивизии Егоровым и Кантария, а 301-я дивизия начала штурм здания гестапо,— Адольф Гитлер покончил с собой.

В 3 часа 50 минут 1 мая из подземелья имперской канцелярии вышел в сопровождении немногочисленной группы офицеров генерал Кребс — парламентар Геббельса к советскому командованию. Впереди группы шел солдат с белым флагом. Кребс был препровожден к генералу армии В. Д. Соколовскому и вручил ему пакет с письмом фашистского министра пропаганды Геббельса. Преемник Гитлера просил о перемирии.

Ответ маршала Жукова на просьбу Геббельса о перемирии, переданный Соколовским, был лаконичен и категоричен:

«...Если до 10 часов не будет дано согласие Геббельса и Бормана на безоговорочную капитуляцию, мы нанесем удар такой силы, который навсегда отобьет у них охоту сопротивляться».

В 10 часов 40 минут утра по приказу маршала Жукова тысячи орудий и минометов обрушили свой огонь на остаток «тысячелетнего рейха», умещавшийся на отрезке Вильгельмштрассе от здания гестапо до Бранденбургских ворот.

В этот день 230-я и 248-я дивизии, выйдя на Фридрихштрассе, штурмом овладели государственным почтамтом и завязали бой за здание министерства финансов.

Значительных успехов добилась и 301-я дивизия, овладевшая зданиями гестапо, министерства авиации и подошедшая вплотную к имперской канцелярии.

Подготовка к штурму зданий гестапо и министерства авиации велась еще 30 апреля. С вечера командир первого батальона 1050-го полка капитан Давыдов приказал саперам проделать в высоком каменном заборе, опоя-

сывающем здание тайной государственной полиции, три прохода. У одного из этих проходов выбрал огневую позицию для своего самоходного орудия лейтенант Денисюк. Полускрытая каменным забором СУ-76 была почти неуязвима для вражеских фаустпатронов, зато сама могла вести огонь по окнам и входам здания. Командир САУ, несмотря на то, что уже давно наступил вечер, старался как можно лучше уяснить обстановку. Он то и дело выходил из самоходки, взбирался на броню и засекал огневые точки противника, чтобы перед началом штурма бить по целям наверняка. До полного падения фашистской империи оставались считанные часы и метры. Но желанию Денисюка не суждено было сбыться: осколок вражеского снаряда переломил отважному лейтенанту бедро...

1 мая в 11 часов после мощной двадцатиминутной арт-подготовки вторая стрелковая рота лейтенанта Сосновского ринулась через проделанные в заборе проходы во двор гестапо и, несмотря на бешеный огонь гитлеровцев, ворвалась в здание. Ко второй роте подошел первый батальон. За ним остальные подразделения 1050-го полка, в том числе третий батальон капитана Негодаева. В девятой роте героически сражался сержант Шуневич. На углу Вильгельмштрассе и Ангальтенштрассе его ранило в левую руку...

Почти одновременно с полком Радаева со стороны Вильгельмштрассе в здание тайной государственной полиции ворвались солдаты Пешкова. Яростные схватки вспыхивали на каждой лестничной площадке, в каждой комнате. Рукопашная завязалась даже на крыше, куда сержант Шумкин с бойцами-комсомольцами Ефимовым и Некрасовым поднялись, чтобы водрузить Красное знамя. Уничтожив несколько фашистов, храбрецы укрепили на крыше здания древко с алым полотнищем.

Очистив от эсэсовцев квартал, который занимала главная резиденция гестапо, 301-я дивизия вышла на Аль-

брехтштрассе и завязала бой за овладение кварталом, где размещались здания министерства авиации. И здесь гитлеровцы цеплялись за каждый флигель, за каждый этаж, за каждую комнату. Несколько часов длился ожесточенный бой.

Понесший значительные потери от нашего артогня противник через несколько часов утратил все нижние помещения. Только на верхнем этаже и на крыше здания еще отбивались группы вражеских солдат и офицеров.

Комсорг второго батальона Салиджан Алимов понимал, что засевшие на крыше гитлеровцы будут драться до последнего: им некуда податься. Но в руках у комсорга было знамя, которое командование и товарищи по оружию поручили ему водрузить на крыше. И молодой офицер, пренебрегая опасностью, стремился во что бы то ни стало выполнить поставленную задачу. Не отставая ни на шаг, шли за своим вожаком комсомольцы Бондаренко, Гаврилюк, Иванов, Островский, Хмельницкий и Щербина. Около взвода фашистов пытались преградить им путь. Произошла ожесточенная схватка, в которой семерка Алимова гранатами и огнем из автоматов смела врагов со своего пути.

...Красные знамена! Они реяли уже над Герлицким вокзалом и патентным управлением, над Ангальтским вокзалом и зданием государственной типографии. Отважные воины 301-й дивизии водрузили эти символы нашей славы над зданиями гестапо и министерства авиации. Водружение алого стяга над поверженным опорным пунктом врага стало славной традицией нашей армии.

1 мая 1945 года считается началом штурма имперской канцелярии. В тот день части корпуса вплотную подошли к этому оплоту фашизма: 230-я и 248-я дивизии

с востока вышли на Мауэрштрассе, а 301-я стрелковая дивизия, наступая с юга, — на Фоссштрассе.

Последние приготовления к решительному удару. В частях и подразделениях уже были созданы штурмовые группы. Люди знали, что командование поручило водрузить Красное знамя над имперской канцелярией инструктору политотдела 9-го Краснознаменного Бранденбургского стрелкового корпуса майору Анне Владимировне Никулиной. Но в каждой роте, в каждом взводе готовили свои флаги. Символы нашей победы должны были взметнуться в небо над Берлином рядом с корпусным знаменем.

Было такое знамя и у воинов 337-го отдельного самоходного артиллерийского дивизиона — кумачовый треугольник пионерского галстука, пронесенный лейтенантом Шкоковым от Бахчисарая до пригородов Берлина. Этот пионерский галстук был подарен морякам-артиллеристам пионерами Бахчисарая.

Шкоков хранил на груди этот кусочек пылающего кумача в тяжелейших боях под Майрамадагом и на трудных дорогах Польши. 18 апреля в населенном пункте Прицхаген, что в трех километрах северо-восточнее Букова, осколком вражеского снаряда лейтенант был смертельно ранен.

Перед смертью он завещал боевым друзьям, бывшим курсантам Севастопольского училища имени ЛКСМУ, донести до Берлина хранимый им на груди пионерский галстук, обгаренный его кровью.

И еще осталось письмо Ивана Федоровича Шкокова:
«14 апреля 1945 года. Германия.

Здравствуй, мать!

Прими мой горячий сыновний привет. От вас сегодня писем не получил. Получил письмо от Вали и одновременно пишу вам. Пишу перед предстоящим боем за разгром фашизма и окончание войны. Если буду жив после этих боев, то напишу еще письмо из Берлина.

А если погибну, то такая судьба и больше писем не получите. Привет сестрам, брату и всем родным и знакомым. Сын Иван».

Это письмо начнет свой путь к адресату, когда вражеская столица капитулирует. Так пожелал Шкоков. А пока Максим Архипович Престинский читает его суровые строки своим самоходчикам, чтобы не утратили ярости к фашизму, чтобы помнили, что рядом с ними в последний бой с гитлеровской нечистью идет и лейтенант Шкоков.

ЭТО ЕСТЬ НАШ ПОСЛЕДНИЙ...

Старательно готовились к штурму имперской канцелярии в батальоне Шаповалова. Сам Федор Кузьмич, его заместитель по политчасти лейтенант Осипов, парторг батальона лейтенант Егоренков тщательно проверяли боевую готовность рот. Бойцы готовы были сделать все для захвата последнего объекта. Кроме того, батальон вдохновляло на подвиг и то, что в его боевых порядках должна была идти на штурм имперской канцелярии с алым стягом Анна Владимировна Никулина.

Сама Никулина, укрывшись от вражеских пуль за стеною разрушенного магазина «Вергейм», обсуждала с комсоргом батальона Салиджаном Алимовым, с группой которого ей предстояло идти на штурм имперской канцелярии, возможные варианты предстоящей схватки.

Время штурма приближалось, но это совершенно не означало, что в центре Берлина было тревожное затишье перед бурей. Вечернее небо прорезали огненные трассы пуль. Непрерывно взлетали осветительные ракеты. То и дело вспыхивали прожектора, освещая алые полотнища знамен, установленных на зданиях гестапо и министерства авиации.

— Прямо праздничная иллюминация,— заметил парторг 1050-го полка майор Телегин.

— Сегодня двойной праздник,— отозвался замполит полка майор Леонтьевский.— Фашизму крышка — раз! И Первомай — два!

— А знаешь, замполит, во всем этом чувствуется железная логика старушки истории. Гибель фашизма свершается в День международной солидарности трудящихся.

— Иначе и быть не могло. Говорят, в 230-й дивизии один командир зенитно-пулеметной роты в бою «Интернационал» поет. Понимаешь? Так и поет: «Это есть наш последний и решительный бой...».

— Молодец мужик! Сейчас и мы «запоем». На моих — 18 часов 30 минут...

Мощный артиллерийский залп потряс все вокруг.

НЕ НА ЖИЗНЬ, А НА СМЕРТЬ

Штурм имперской канцелярии, в котором приняли участие все части 9-го корпуса, был одним из самых жестоких боев за годы войны.

Гитлеровцам терять было нечего. На последнем острове фашистского рейха собрались те, чьи преступления перед человечеством были настолько велики, что прощения им не могло быть. Эсэсовские головорезы дрались с отчаянием обреченных.

В течение первых трех с половиной часов бой за имперскую канцелярию длился без ощутимого успеха. Все попытки овладеть зданием со стороны Вильгельмштрассе не дали положительного результата, а потери среди участников штурма оказались серьезными.

Иначе сложилась обстановка в батальоне Шаповалова. Это подразделение действовало со стороны сада, от-

деленного от двора канцелярии бетонным забором. Командир четвертой роты старший лейтенант Яковлев приказал пробить в этом заборе бреши, через которые бойцы его роты, а затем и весь второй батальон, ворвались во двор. Заместитель комбата капитан Конарев, парторг батальона Егоренков, командиры рот старшие лейтенанты Яковлев, Храмов, Рабенко и командиры взводов офицеры Песков, Трубачев, Федоров, Косенко, Антонов лично возглавили штурмовые группы.

Впереди всех была горстка храбрецов роты Яковлева, в боевых порядках которой то и дело мелькала кожаная куртка — традиционная боевая форма инструктора политотдела корпуса Анны Владимировны Никулиной. Рядом, прикрывая ее огнем, бежал богатырского роста комсорг батальона Салиджан Алимов, возглавлявший штурмовую группу воинов-комсомольцев.

Бойцы шестой роты под командой Егоренкова поддерживали своим огнем группу Никулиной и Алимова. Их в свою очередь прикрывали орудия сержанта Рыжкова. Группы Никулиной — Алимова и Егоренкова продвигались к «фюрербункеру».

Неподалеку от входа в здание находился большой бетонный бассейн с фонтаном. Здесь укрылись вражеские автоматчики и гранатометчики. Они забрасывали атакующих гранатами. В эту нелегкую минуту на помощь группе Никулиной — Алимова подоспели бойцы пятой роты во главе с лейтенантом Федоровым и старшиной минометной роты Коломийцевым.

Сержант Рыжков с помощью бойцов Островского, Серегина и старшины пулеметной роты Хисного развернул пушку в сторону входа в канцелярию. Прямой наводкой его орудие подавило огневые точки противника, расположенные в окнах по обеим сторонам входной двери. Гитлеровцы, укрывшиеся за бассейном, откатились. Воспользовавшись этим, бойцы Алимова, Федорова, Антонова, Коломийцева стали забрасывать гранатами апар-

таменты фюрера. Затем, подсаживая друг друга, проникли через окна в здание и завязали бой внутри имперской канцелярии. Схватки шли за каждую комнату, каждый коридор, каждую площадку лестницы.

Вместе с первой группой бойцов в здание ворвалась и Анна Владимировна Никулина.

Пока воины выбивали гитлеровцев из многочисленных кабинетов, приемных и банкетных залов, майор Никулина с помощью своих боевых товарищей поднялась по разбитым лестничным маршам на крышу и водрузила над рейхсканцелярией алый стяг.

Батальоны майора Перепелицына и капитана Айрапетяна, штурмовавшие здание со стороны Вильгельмштрассе, тоже ворвались в резиденцию рейхсканцлера. Наземная часть здания была почти полностью в наших руках. Но предстояла задача более сложная: занять подземные помещения.

Бойцы старшего лейтенанта Рабенко, лейтенантов Егоренкова и Пескова попытались приблизиться к двери бетонированного логова Гитлера. Фашисты, укрывшиеся за подбитым броневиком, бетономешалками, транспортерами и грудami стройматериалов, открыли плотный огонь. Необходимо было немедленно подавить эти огневые точки.

Первым взялся за это капитан Карибский, который сам лег за пулемет. Его примеру последовали лейтенанты Еганов, Беляев и Гарагуля.

Командир взвода связи лейтенант Знаменский в паре с рядовым Тамразом открыли огонь из противотанкового ружья. Прицельный огонь сорокапятки Рыжкова в сочетании с автоматным огнем сломили сопротивление противника у входа в бункер. Вскоре огонь был перенесен на амбразуры и двери самого убежища. Несколько бойцов лейтенанта Пескова забросали гранатами бойницы и двери бункера. Наконец, отважные воины ворвались внутрь бункера и завязали бой в подземных лаби-

ринтах... К утру 2 мая нашим частям удалось полностью овладеть имперской канцелярией и ее подземными сооружениями.

Давая высокую оценку подвигу наших воинов, маршал Жуков писал в своей книге воспоминаний: «Каждый шаг, каждый кусок земли, каждый камень здесь яснее всяких слов говорили, что на подступах к имперской канцелярии и рейхстагу, в самих этих зданиях борьба шла не на жизнь, а на смерть».

ЧЕРЕЗ ВСЮ ВОЙНУ...

Ранним утром 2 мая в районе рейхсканцелярии бой затихал. Только со стороны Тиргартена и Бранденбургских ворот все еще доносились отдельные выстрелы и короткие автоматные очереди. Артиллерийского и минометного огня здесь уже не вели. На крыше гитлеровского логова в горячих лучах майского солнца реяло алое знамя!

Антонов коротко доложил обстановку и представил мне майора Никулину. От всей души я поблагодарил эту героическую женщину за славный ратный подвиг.

Вслед за тем комдив попросил решить вопрос о назначении коменданта имперской канцелярии и предложил кандидатуру своего заместителя полковника Василия Емельяновича Шевцова.

Через несколько часов мы приступили к осмотру имперской канцелярии с ее подземными убежищами и садом. В здание вошли через центральный вход. Над ним висел государственный герб фашистской Германии — орел со свастикой в лапах.

Гумеров тут же сказал комбату Шаповалову:

— Распорядитесь, чтобы немедленно убрали этого стервятника.

Через главный вход мы прошли в просторный вестибюль. Из него длинная анфилада мрачных комнат привела нас в круглый зал. Высокие украшенные бронзой двери вели из зала в кабинет Гитлера, представлявший собою огромное помещение. В конце кабинета стоял большой письменный стол, а в углу — на подставке из полированного дерева — громадный глобус.

Когда-то, чтобы подчеркнуть величие и незыблемость «тысячелетнего рейха», все эти помещения были обставлены с истинно прусской помпезностью. Теперь от былого блеска не осталось и следа. Всюду царил хаос. Поломанная мебель, выбитые стекла, висящие клочьями некогда дорогие гобелены, осколки стекла и фарфора на полу, а между ними целая россыпь неиспользованных железных крестов...

Полуподвальное помещение встретило нас зловонием. Здесь находился госпиталь для раненых защитников «Цитадели». В нем собралось значительное количество офицеров и генералов, судя по всему давно уже лишенных не только медицинского, но и вообще какого бы то ни было ухода. Генерал Антонов тут же распорядился оказать раненым необходимую медицинскую помощь и накормить их.

Во дворе имперской канцелярии толпилось множество бойцов из самых различных частей и соединений. Здесь были люди из 32-го корпуса и гости из 8-й гвардейской армии. Они приходили поодиночке и группами, чтобы посмотреть на развалины последнего бастиона фашизма. Комендант здания полковник Шевцов обратился ко мне с просьбой дать распоряжение оцепить имперскую канцелярию, чтобы не пускать туда многочисленные делегации различных частей и соединений. Он хотел сохранить все в «естественном виде» до прибытия высшего начальства. Но я возразил ему:

— Каждый солдат жил мечтою дойти до Берлина, покарать Гитлера и прикончить фашизм. Бойцы совершали

подвиги и теперь стремятся побывать в этом месте. Как же мы с вами, Василий Емельянович, можем запретить им это?

Шевцов смутился и ответил:

— Слушаюсь, товарищ генерал!

Перед тем как сесть в «виллис», я еще раз взглянул на крышу рейхсканцелярии. Там было установлено не менее полутора десятков красных полотнищ. Среди них я с большим волнением отметил маленький кумачовый треугольник пионерского галстука, пронесенный лейтенантом Шкоковым через всю войну.

★

Э п и л о г

Гремели над Вильгельмштрассе советские песни, где-то за углом откликалась саратовская гармонь.

У Бранденбургских ворот пожилой седоусый старшина в паре с молоденьким лейтенантом лихо отплясывал гопака...

Мы ехали по Берлину, впервые глядя на него глазами любопытных приезжих.

Емельян Иванович Шикин и его жена Валентина Кондратьевна с интересом рассматривали уцелевшие старинные здания, а меня захватила картина победного торжества наших войск.

Миновав Бранденбургские ворота, наша машина свернула вправо, к почерневшей громаде рейхстага, над которой горделиво реяло Знамя Победы. Колонны и стены здания уже во многих местах были испещрены автографами победителей, и мы решили тоже расписаться. Воспользовались кистью и банкой краски, предусмотрительно припасенными для этой цели шофером Михаилом Ночкой.

Ярко, по-майски, сияло солнце.

Вскоре была подписана безоговорочная капитуляция фашистской Германии, и столица нашей Родины Москва громом победного салюта чествовала тех, кто в тяжкие годы войны своим нелегким ратным трудом добыл человечеству победу и мир. Но не скоро довелось покинуть немецкую столицу частям 9-го Краснознаменного ордена Суворова II степени Бранденбургского стрелкового корпуса. 5-я ударная армия была оставлена в Берлине как гарнизон.

При распределении частей и соединений армии по военным городкам произошел довольно комический инцидент. 248-й стрелковой дивизии генерала Галая в качестве «зимних квартир» были определены бывшие казармы гитлеровской пехотной дивизии «Дебериц», наголову разгромленной частями именно этой дивизии в боях на одерском плацдарме. Располагаясь на территории военного городка, солдаты и офицеры то и дело посмеивались над «любезностью» фашистских вояк, поднесших им ключи от своих казарм еще на берегах Одера.

В те дни мы не знали, что вскоре некоторым из нас будет доверена высокая честь представлять войска 1-го Белорусского фронта на Параде Победы. Я не знал, что мне придется командовать на этом торжестве сводным полком 1-го Белорусского фронта, в рядах которого пройдут, держа равнение на трибуны Мавзолея, мои боевые товарищи: майор Железный, капитан Карибский, сержант Глазунков...

День 24 июня 1945 года навсегда сохранился в памяти тех, кто был участником парада, и тех, кто видел его. На всех нас произвела незабываемое впечатление строгая осанка, отличная посадка в седле прославленных полководцев Великой Отечественной войны — принимавшего парад маршала Г. К. Жукова и командовавшего парадом маршала К. К. Рокоссовского.

В 10.00 маршалы на конях стали приближаться друг к другу и встретились против Мавзолея. После краткого

рапорта Рокоссовского начался объезд войск. Маршал Жуков здоровался с войсками и поздравлял их с победой.

Потом, чеканя шаг, прошли по Красной площади стройные колонны сводных полков, в которых были герои боев за Берлин и Прагу, за Вену и Кенигсберг...

Через четверть века «Литературная газета» опубликовала глубоко взволновавшие меня строки Бориса Горбатова, посвященные Параду Победы.

«...Вот они идут, восторженно приветствуемые столицей Герои Берлина. Победители. Сводным полком командует Герой Советского Союза генерал... Рослый. Он идет впереди полка, высокий, красивый, загорелый. На его парадной форме солнечно горят ордена.

Совсем недавно я видел вас, генерал, в другой обстановке... Вы вошли в Берлин в первых рядах славной армии генерала Берзарина. Вы по праву сегодня командуете полком героев».

Затем под бой барабанов советские воины бросили к подножию Мавзолея двести фашистских знамен.

...Смолкли оркестры. Отгремели залпы праздничного салюта. Суровая повседневность послевоенной жизни вступила в свои права. И разошлись в разные стороны пути тех, кого сроднила фронтовая дружба, кого сплотили в одну семью священные законы воинского товарищества.

Многие из тех, кто прошел нелегкими фронтовыми дорогами от Кавказа и Волги до берегов Эльбы и вражеской столицы, навсегда связали свою жизнь с армией. Продолжает службу в рядах Советской Армии бывший командир батареи Павел Аронович Керцман, ныне — инженер-полковник, работник аппарата Министерства обороны. Отважный командир моряков-автоматчиков 34-й бригады, мужественно оборонявших селение Майрамадаг, Эдуард Михайлович Мирза-Туниев служит в настоящее время на Каспии в звании капитана 2 ранга.

Герой Советского Союза полковник Грант Арсенович Авакян ныне начальник политотдела высшего общевого-ского училища в Одессе.

На заслуженный отдых ушли ветераны Великой Отечественной войны, опытные военачальники и воспитатели целой плеяды героев боев на Кавказе, в Донбассе, на Днепре, Одере и в Берлине, командиры 301, 248 и 230-й дивизий Владимир Семенович Антонов, почетный гражданин города-героя Одессы Николай Захарович Галай, Даниил Кузьмич Шишков, инструктор политотдела корпуса Анна Владимировна Никулина, командир 905-го полка Дмитрий Трофимович Филатов, командир первого батальона 1054-го полка Грач Минасович Айрапетян и другие. Они ведут огромную работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи, отдавая немало сил и времени этому благородному делу.

Комсомольцы и пионеры Винницы не забыли интересных рассказов о боях, которыми при жизни делился с ними бывший командир второго батальона 986-го полка Николай Яковлевич Железный...

Многие воины корпуса в послевоенные годы посвятили свою жизнь восстановлению разрушенного войной народного хозяйства и борьбе за дальнейшее укрепление экономического могущества нашей Родины.

Бывший командир батареи 905-го полка Сергей Деметьевич Никитин теперь на партийной работе. Он — секретарь Верховского районного комитета КПСС Орловской области. Все свои силы отдает совершенствованию сельскохозяйственного производства.

Борьбе за высокие урожаи посвятил себя бывший командир орудия Иван Васильевич Глазко, работающий в колхозе имени Ленина Сальского района.

Важную работу ведет Герой Советского Союза Григорий Иванович Шевченко, являющийся председателем Бородянского районного комитета народного контроля Киевской области.

Бороздит седые просторы суровых северных морей рефрижератор «Хибинские горы». Первым помощником капитана на нем плавает бывший командир второго батальона 1050-го полка Федор Кузьмич Шаповалов. Почта часто приносит ему письма от фронтовых друзей.

Из города Жлобина приходят письма от Петра Андреевича Карибского и его жены Галины Васильевны Федоренко. Петр Андреевич, работая мастером на заводе, несколько лет назад удостоился высокого звания ударника коммунистического труда, а Галина Васильевна по-прежнему все свои силы и умение отдает борьбе за здоровье человека.

Приятно бывшему комбату среди холодных льдов севера получить письмо и из «страны роз». Так переводится на русский язык название города Гулистан — центра Сырдарьинской области, где в аппарате областного исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся работает бывший комсорг батальона Салиджан Алимов.

От Средней Азии до Москвы немалое расстояние, но комсомол 301-й дивизии и здесь имеет своего «представителя». Комсорг третьего батальона 1054-го полка Иван Филиппович Сеничкин после тяжелого ранения на одерском плацдарме прошел сложный жизненный путь. Была и напряженная учеба, и нелегкая организаторская работа. Сегодня Иван Филиппович — заместитель заведующего сектором печати отдела пропаганды и агитации Центрального Комитета КПСС.

В столице работает и бывший командир роты 986-го полка Герой Советского Союза Иван Прокофьевич Гомонков — старший экономист научно-исследовательского кинофотоинститута.

Бывший командир противотанкового орудия Александр Алексеевич Собко, остановивший не один гитлеровский танк в боях под Майрамадагом, теперь «останавливает»... засуху. Ему доверено руководство Украинским ордена Трудового Красного Знамени научно-исследова-

тельским институтом орошаемого земледелия. По-фронтовому борется ныне с наступлением враждебных сил стихии заслуженный агроном УССР, доктор сельскохозяйственных наук А. А. Собко. На груди его рядом с боевыми орденами сверкают ордена Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени.

Немало бывших солдат и офицеров корпуса накрепко связали свою жизнь с промышленным производством. Вернулся на свой родной завод бывший снайпер 986-го полка Герой Советского Союза Владимир Ильич Курилов. Сын потомственного металлурга, теперь он сам работает старшим мастером прокатного цеха завода «Азов-сталь». По его стопам пошли и дети: сын Игорь и дочь Дина работают на том же заводе.

Бесстрашный разведчик 986-го полка Иван Феофанович Ковченко теперь возглавляет заводской комитет профсоюза Тираспольского ордена Ленина консервного завода.

А бывший командир роты 1054-го полка Герой Советского Союза Петр Федорович Гнида работает ныне в Беловодском районном отделении сельхозтехники Ворошиловградской области.

В столице Армении трудится над освоением богатейших недр республики бывший помощник командира взвода 1054-го полка, а ныне — сотрудник геологического управления Герой Советского Союза Ашхарбек Саркисович Казарян.

Вернулся на свой родной Монинский камвольный комбинат в Подмоскowie отважный сержант-артиллерист Василий Павлович Быков, работающий ныне бригадиром.

Все ветераны корпуса, ушедшие в запас, посвятили себя делу дальнейшего развития нашего народного хозяйства. И порою кажется, что они уже бесконечно далеки от тех грозных лет, когда на полях сражений вершилась судьба нашей страны, что в памяти их стерлись воспоминания о боях и походах, о ратных подвигах, о

мужестве однополчан... Но такое впечатление ошибочно. Бывают дни, когда страницы прошлого оживают с наибольшей яркостью и полнотой. Это дни, когда, оставив на время свои труды и заботы, собираются бывшие воины-однополчане по зову сердца и по долгу солдатской верности в одном из тех памятных мест, где стояли когда-то насмерть, где громили оголтелого врага.

Такая встреча состоялась осенью 1972 года в двадцати пяти километрах от города Орджоникидзе. Там, у самого входа в Суарское ущелье, расположено северо-осетинское селение Майрамадаг. Здесь, где более тридцати лет назад произошло одно из ожесточеннейших сражений частей 11-го гвардейского стрелкового корпуса с бронированной армией гитлеровцев, собралась группа бывших воинов 337-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона, принимавших непосредственное участие в этих боях. Все они были курсантами Севастопольского высшего военно-морского училища имени ЛКСМУ. В те грозные дни 1942 года их было двести человек. А в октябре 1972 года в Майрамадаге встретились только двадцать...

Я смотрел на этих уже пожилых, сугубо гражданских людей. С трудом узнал в старшем научном сотруднике Украинского научно-исследовательского института садоводства, кандидате сельскохозяйственных наук Алексее Леонтьевиче Денисюке бесстрашного командира орудия, расчет которого более тридцати лет назад выиграл бой с десятком вражеских танков. В солидном преподавателе Рязанского радиотехнического училища Владимире Ивановиче Иванове — беспокойного, всегда стремившегося вырваться вперед командира сорокапятки, позиция которой находилась возле самой околицы селения. В деловитом инженере из бюро рационализации и изобретательства Николае Ильиче Горбе — остроглазого мастера маскировки и огня прямой наводкой. Да и бывшего командира 337-го дивизиона Максима Архиповича Престин-

ского я узнал лишь по прищуре глаз и по тому, как почтительно относились к нему остальные.

Но вот мы подошли к зданию Майрамадагской школы — и этих солидных, пожилых людей словно подменили. С молодым задором они спорили, размахивали руками, показывали места, где стояли их орудия, уточняли обстановку боя. Они снова были на войне, силою памяти перешагнув через десятилетия, отделявшие их от горячих и суровых дней сражения за Суарское ущелье.

Беседа велась так горячо и громко, что вскоре из здания школы вышел сердитый директор. Однако, узнав, кто мы такие, разом сменил гнев на милость. Попросил побеседовать с учащимися и сфотографироваться на память.

Дальше нас сопровождала председатель сельсовета Мадинат Камбулатовна Базарова, рассказавшая нам про строительство села, про заботу местных жителей об увековечении памяти героев войны.

Из Майрамадага мы выехали в небольшое кумыкское селение Красная Горка. В районе этого селения в сентябре 1942 года отражала бешеный натиск клейстовских танков 62-я отдельная морская стрелковая бригада. Здесь нашим проводником по местам боев стал бывший командир первой батареи артдивизиона бригады Иван Федорович Хотулев — ныне мастер машиностроительного завода в городе Орджоникидзе, ударник коммунистического труда.

Несколько позже — с группой ветеранов 11-го гвардейского стрелкового корпуса — я посетил давние боевые позиции 8-й и 9-й отдельных стрелковых бригад в районе Моздска. Как гостеприимный и внимательный хозяин сопровождал нас в этой поездке секретарь Моздокского райкома КПСС Владимир Ильич Княгинин. Он показал нам замечательные достижения тружеников района — новые школы, дома и здравницы.

Мы любовались широкой площадью в центре Моздо-

ка, обрамленной пятиэтажными домами. На этом месте в 1942 году был собор, а колокольню его гитлеровский генерал Клепп избрал в качестве наблюдательного пункта.

Не узнать сегодня и места, где шли в те годы ожесточенные бои за переправу через Терек. Теперь там высятся громада головного сооружения Терско-Кумского канала.

С большим трудом удалось отыскать мне старые боевые позиции. Здесь стояло оружие сержанта Атрепьева, здесь — противотанковое ружье сержанта Луценко... Многое изменилось за тридцать лет. Нет узкоколейки, по которой когда-то шли цистерны с малгобекской нефтью. Теперь тут проложен нефтепровод.

Многие места попросту невозможно узнать. Бывшая медсестра второго батальона 8-й гвардейской бригады Вера Ефимовна Колодий, ныне старший научный сотрудник Дагестанского института пищевой промышленности, увидела с вершины кургана Абазу, что там, где когда-то располагался ее медпункт, ныне проходит Надтерский канал.

Новое властно входит в нашу жизнь. На местах бывших сражений вырастают города. Там, где были траншеи, проложены трубы нефтепровода. Над засыпанными блиндажами поднимаются здания здравниц и клубов... За все эти замечательные свершения сегодняшнего дня миллионы советских солдат отдали свои жизни. И самый вечный памятник им воздвигнут в сердце народа.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Часть первая

НИ ШАГУ НАЗАД!

3

Глава первая. ПОД МОЗДОКОМ	5
Глава вторая. ВРАГ НЕ ПРОШЕЛ!	18
Глава третья. БОЙ У КРАСНОЙ ГОРКИ	39
Глава четвертая. НА ПОДСТУПАХ К ОРДЖОНИКИДЗЕ	64

Часть вторая

НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ

103

Глава первая. ОТ ВИСЛЫ ДО ОДЕРА	105
Глава вторая. НА ОДЕРЕ	124
Глава третья. «РЕСПУБЛИКА» ШАПОВАЛОВА	133
Глава четвертая. ОБРАЩЕНИЕ МАРШАЛА ЖУКОВА	144
Глава пятая. ЗА ЖИЗНЬ СОЛДАТСКУЮ	151
Глава шестая. БЕРЛИНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ	172
Глава седьмая. ВПЕРЕДИ — СТОЛИЦА ТРЕТЬЕГО РЕЙХА	181
Глава восьмая. ПОСЛЕДНЯЯ ВОДНАЯ ПРЕГРАДА	199
Глава девятая. КРУШЕНИЕ ГИТЛЕРОВСКОЙ «ЦИТАДЕЛИ»	220
Эпилог	247

Иван Павлович Рослый

ВЫСТОЯТЬ И ПОБЕДИТЬ

Редактор А. С. Барков

Художник Н. Д. Михайлин

Художественный редактор Г. Л. Ушаков

Технический редактор З. И. Сарвина

Корректоры Р. М. Рыкунина, Е. А. Макарова

ИБ № 226

Г-83215. Сдано в набор 27/V-1976 г. Подписано к печати 25/X-1976 г. Изд. № 3/794.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Тираж 100 000 экз. Цена 44 коп. Усл.
п. л. 11,2. Уч.-изд. л. 10,91. Зак. № 3327.

Ордена «Знак Почета» Издательство ДОСААФ СССР, 107066, Москва, Б-68, Новорязанская ул., д. 26.

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, Минск, Красная, 23.

Цена ~~44~~ коп.